

P. o. russ. 60^x (4

<36603870980013

<36603870980013

Bayer. Staatsbibliothek

XVe, 17-4

4

59 HS an der

С О Ч И Н Е Н І Я

Д Е Р Ж А В И Н А.

Печашано съ дозволенія С. Петербургскаго
Цензурнаго Комитета.

Въ САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Въ Типографіи Шнора, 1808 года.

СОЧИНЕНІЯ
ДЕРЖАВИНА.

Часть IV.

въ Санктпетербургѣ.
1808. года.

За 1641586

Bayerische
Staatsbibliothek
München

О Г Л А В Л Е Н І Е

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Спран:

I.	Торжесство въ день возшесствія на престолъ Императрицы Екатерины II. отправленное въ Тамбовъ. -	1
II.	Прологъ на открытіе въ Тамбовъ театра и народнаго училища, представленный благороднымъ обществомъ въ день тезоименишства Императрицы Екатерины II. - - -	7
III.	Описание торжества, бывшаго по случаю взятія города Измаила въ домъ Генералъ-Фельдмаршала Князя Пошенина - Таврическаго въ присутствіи Императрицы Екатерины II.	23
IV.	Родственное празднество, на брачное воспоминаніе Князя Александра Алексѣевича и Княгини Елены Никишиной Вяземскихъ, представленное Алексѣя Ивановича Васильева семействомъ.	61
V.	Прологъ аллегорическій на рожденіе въ Сѣверъ Любви. - - - -	67
VI.	Прологъ на рожденіе въ Сѣверъ Порфиророднаго Опрока, почерпнутый изъ древняго Варягорускаго баснословія.	77
VII.	Добрыня, театральное представленіе съ музыкою въ пяти дѣйствіяхъ. -	95
VIII.	Пожарской, или освобожденіе Москвы, героическое представленіе въ четырехъ дѣйствіяхъ съ хорами и речитативами. - - - -	213
IX.	Куперъма отъ Кондрашевъ, дѣльская комедія въ одномъ дѣйствіи съ хорами.	307
-

I.

Т О Р Ж Е С Т В О

ВОЗШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ

ИМПЕРАТРИЦЫ

Е К А Т Е Р И Н Ы ІІ,

ОТПРАВЛЕННОЕ ВЪ ТАМБОВЪ ГУБЕРНАТО-
РОМЪ ДЕРЖАВИНЫМЪ ВЪ ЕГО ДОМЪ,

1786 года 28 Іюня.

Часть IV.

I

О С О Б Ы,
СОСТАВЛЯВШІЯ КАДРИЛЬ И ХОРЫ,
(Большею часпію дѣлш)

Иковъ Ивановичъ Беклемишевъ.
Лавренпій Семеновичъ Журавченко.
Иванъ Пепровичъ Ивановъ.
Анна Николаевна.
Парасковья Николаевна. { Свѣчины.
Надежда Николаевна. {
Княжна Каперина Ивановна Давыдова.
Иванъ Михайловичъ Ушаковъ.
Елисавета Антоновна Аничкова.
Александръ Антоновичъ Аничковъ.
Надежда Машвѣевна Булдакова.
Михайло Николаевичъ Кормилицынъ.
Каперина Спепановна Беклемишева.
Николай Дмипріевичъ Хвощинской.
Фіона Ивановна Комсина.
Николай Спепановичъ Беклемишевъ.
Софья Дмипріевна Хвощинская.
Александръ Николаевичъ Свѣчинъ.
Евпраксія Николаевна Сапина.
Борисъ Дмипріевичъ Хвощинской.
Елена Николаевна Охлебинина.
Корнилій Андреевичъ Ниловъ.
Елисавета Андреевна Алѣева.
Сергѣй Николаевичъ Охлебининъ.
Анна Никипишна Салькова.
Романъ Ѳедоровичъ фонъ - Мелинъ.
Елисавета Ѳедоровна Макшѣева.
Викпоръ Ивановичъ Комсинъ.
Каперина Прохоровна Ерина.
Александръ Пепровичъ Чевелевъ.
Каролина Ѳедоровна фонъ-Мелина.
Спихи въ хорѣ соображены были съ музыкою
Г-на Паизелло.

Въ древнія времена въ Аѳинахъ былъ
обычай соспавлять торжесство богинѣ Ми-
нервѣ, спрану Апшическую покровитель-
ствовавшей. Оно установлено было для
поощренія къ добродѣтели, и опправлялось
слѣдующимъ порядкомъ: по принесеніи въ
храмъ жертвъ, главный Жрецъ выводилъ на
народную площадь сонмъ молодыхъ юношей
и дѣвицъ, облеченныхъ въ легкія бѣлыя оде-
жды, украшенные цвѣтами. — Во время ше-
спвіа они пѣли спихи, подобные ниже слѣ-
дующимъ, въ честь ихъ Покровительницы.
По пришествіи же на мѣсто, Хорегъ показы-
валъ имъ того мужа, копорый болѣе всѣхъ
изъ зрителей опличалъ себя заслугами опе-

честву и благодареніями согражданамъ. Хоры предъ нимъ оспановлялись. — Первой пары юноша и дѣвица подносили ему дубовый вѣнокъ и корзину съ цвѣтами. Сіе было обыкновенное воздаяніе мужеству и благоптворенію въ древности. — Потомъ начинались пляски.

Подражая сему древнему Аѣинейскому обыкновенію, Тамбовское благородное общество, торжествуя день возшествія на престолъ **ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА**, составило кадрили изъ благородныхъ обою пола дѣшей, копорыя, будучи одѣлы въ бѣлое Греческое платье и украшены цвѣпочными перевязями, подъ предводительствомъ Хорега представлявшаго жреца, вышли изъ представленнаго въ концѣ галлерей Храма. Во время шествія ихъ слышно было пѣніе слѣдующаго хора:

Х О Р Ъ.

Гимнъ Богинь.

Премудрая Аѣина!

Всецѣдро божество!

Ты намъ покровъ едина,

Ты наше торжество.

Благоволи пробавишь

Почтишь шого, прославишь,

Кто только лишь швою

Одну свяшую волю

И твоя законъ хранишь,
 Щаспливишь смертныхъ долю,
 Не мстишь, благотворишь,
 И по пущамъ лишь чеспи
 Влечешь къ себѣ сердца.—
 Достойнъ не изъ леспи
 Топъ славы и вѣнца.

По окончаніи онаго, дѣти, подошедъ къ Главнокомандующему въ Губерніи, (*) поднесли ему: юноша вѣнецъ сплешенный изъ дубовыхъ лиспьевъ, а дѣвица корзину цвѣповъ, съ слѣдующимъ крашкимъ привѣспвіемъ:

ЮНОША.

За оказанныя благодѣянія здѣшнему обществу подносимъ искренніе знаки нашей вамъ благодарности и почтенія.

ДѢВИЦА.

Позволь, да радость нашу изъявимъ мы плясками и играми.

По данному Начальникомъ знаку начался балъ, въ продолженіе котораго горѣла въ городѣ по разнымъ публичнымъ мѣстамъ иллюминація, озаряя нижеслѣдующія каршины:

I.

Солнце въ полномъ свѣспѣ, посреди котораго вензловое имя ЕКАТЕРИНЫ. Впо-

(*) Г-ну Гудовичу.

рыя, освѣщало лучами своими полсвѣта, на копоромъ сидящіе орлы съ пламенными сердцами поднимали крылья, дабы возпарить къ сему благошворному свѣтилу.

Надпись.

Твой свѣтъ насъ воскреляетъ.

II.

Геркулесь, въ груди копораго вензловое имя Еккатерины Впорыя, облеченный во львиную кожу, спойтъ облокопясь на свою палицу, попирая ногами гидру. Леопарды и медвѣди убѣгають: а младенцы, играя вокругъ его, разсыпають цвѣты.

Надпись.

Тебя мы не боимся.

III.

Аполлонъ выѣзжаетъ на горизонтъ въ обыкновенной своей колесницѣ, запряженной чешырьмя огненными конями. — Опъ колесъ его повсюду разливаются розовые лучи. — Мраки исчезаютъ. — Пришесствію его радуется природа. — Лебеди и прочія пернатые машутъ крылами и прославляютъ его пришесствіе.

Надпись.

*Торжествуемъ приходъ своего благо-
творителя.*

II.

П Р О Л О Г Ъ

въ одномъ дѣйствіи съ музыкою,

на открытіе въ Тамбовѣ

ТЕАТРА И НАРОДНАГО УЧИЛИЩА,

представленный благороднымъ обществомъ

въ день тезоимеништва

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ II,

НА ТЕАТРЪ въ домъ ГУВЕРНАТОРА
ДЕРЖАВИНА.

1786 года 24 Ноября.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ПУСТЫНИИКЪ, Яковъ Ивановичъ Беклемишевъ.
 ГЕНІЙ — — Дѣвица Анна Машвѣвна Бибикова.
 МЕЛЬПОМЕНА, Дѣвица Марья Григорьевна Орлова.
 ТАЛІЯ — — Дѣвица Марья Деменпьевна Чичерина.
 { ДѢТИ — — Александръ Анпоновичъ Аничковъ.
 МАЛЬЧИКИ съ рѣчьми, Николай Дмипріевичъ Хво-
 щинской.

Николай Степановичъ Беклемишевъ.
 Александръ Николаевичъ Свѣчинъ.
 Борисъ Дмипріевичъ Хвощинской.
 Корнилій Андреевичъ Ниловъ.
 Сергѣй Николаевичъ Охлебининъ.
 Романъ Ѳедоровичъ фонъ-Мелинъ.
 Викпоръ Ивановичъ Комсинъ.
 Александръ Пепровичъ Чевелевъ.
 ДѢВИЦЫ безъ рѣчей: Надежда Машвѣвна Булдакова.
 Фіона Ивановна Комсина.
 Софья Дмипріевна Хвощинская.
 Евпраксія Николаевна Сапина.
 Елена Николаевна Охлебинина.
 Елисавета Андреевна Алѣева.
 Анна Никипишна Салькова.
 Елисавета Ѳедоровна Макшѣева.
 Елисавета Анпоновна Аничкова.
 Каперина Степановна Беклемишева.
 МУЗЫКА — Первой хоръ Г-на Журавченка.
 Второй хоръ Г-на Раупаха.
 ДЕКОРАЦІИ и плашье, Г-на Барзанпія.

П Р О Л О Г Ъ

Я В Л Е Н І Е І.

Театръ представляетъ ночь и дикій лѣсъ, въ которомъ видны мрачныя пещеры. Свирѣпый вѣтръ клонитъ деревья и производитъ прескъ и вой въ пещерахъ, въ которыя маленькія дѣлпи, разнаго состоянія, отъ шума бури и громовыхъ ударовъ прячущся. Музыка симфоніею своею изображаетъ неустройство стихій. — По укрощеніи бури выходитъ пустынный, украшенный сѣдинами, съ сѣкирою въ рукахъ.

П У С Т Ы Н Н И К Ъ.

О дикій темный лѣсъ, но въ дикости прекрасный,
Стихійевъ шумомъ лишь и бурями ужасный!
Я годныхъ много зрю на дѣло здѣсь деревъ:
Но спанетъ ли моихъ и вѣка и трудовъ,
Чтобы очистишь ихъ? Ахъ нѣтъ! конечно нѣтъ!
По крайней мѣрѣ пушь я къ свѣту проложу,
Пускай другіе кто за мною идутъ въ слѣдъ. . .

(Рубитъ сучья, копорые, упая, опкрывають просѣкъ.)

Теперь довольнымъ я къ покою опхожу;
Исполнилъ я мой долгъ;—дорога къ свѣту есть.

Я В Л Е Н І Е II.

Театръ представляеть на проложенной Пустынникомъ дорогѣ нѣсколько свѣтилъ; но оныя поспѣшъ закашающа: восходишь же выше всѣхъ ихъ солнце, которое, остановясь на полуденной линіи, лучами своими восхищаетъ вселенную. Музыка соотвѣтствуетъ ему радостными и великолѣпными тонами. Геній, или Духъ просвѣщенія, слезаетъ на облакъ, держа одною рукою учебную доску, а другою грифель. Видны при немъ кинжалъ и маска.—

Г Е Н І Й.

(Сшедши съ облака удивляется красотѣ и величеству свѣтила.)

Краса вселенныя, утѣха, радость, честь,
Свѣтило славное! Отъ сотворенья міра
Блещалъ ли кто тебя любезнѣе, свѣтлѣй,
Великолѣпнѣе, оправднѣе, щедрѣй?
Достойно ты того, чтобы я съ круговъ зѣира
Слѣдѣлъ, и обзрѣлъ величество твое.
Оно божественно! все чувствіе мое
Несмѣнныхъ благъ твоихъ плѣненою красотою:

Я восхищенъ тобою!

И естли мой небесный, чистый жаръ,
Усердіе и чувства благородны

Тебѣ угодны:

Въ благопріятный даръ

Прими его.

Отъ свѣта твоего

Занявъ мой свѣтъ, мое блистанье,
Я приложу старанье,
И лѣсъ сей просвѣпипть гошовъ.

(Берепть изъ облака учебную доску, вѣшаепть
на дерево и возглашаепть:)

Внимай меня, кшобъ ни былъ ты шаковъ!
Убогій и богачъ, подвластный и свободный,
И пахарь и купецъ, и рабъ и благородный,
Послушайте! себѣ желаепть кшо добра,
Дражайшаго спо крапъ и злата и сребра,
Кшораго никакъ не похищаюпть воры,
Не подкопаепть шапъ: не медля, будьте скоры,
Спѣшипте всѣ ко мнѣ богатспво приобрѣспть.

Я чувспвовашъ учу прямую чеспъ,
Я разумъ знаньемъ наполняю;
Просипте у меня, все дапъ я обѣщаю.

Чшо можетъ чеспъ

Принеспть

И сердце возпадипть къ поступкамъ благонравнымъ:
Приди, кшо хочепть быпть въ лѣсу семъ главнымъ!

М А Л Ь Ч И К Ъ.

(выскоча изъ пещеры кричипть:)

Я!

Г Е Н І Й.

(пишепть на доскѣ и возглашаепть.)

Учись начальспву быпть послушнымъ прежде самъ!

М А Л Ь Ч И К Ъ.

Пошщуся бышь послушнымъ.

Г Е Н І Й.

Кто хочешъ бышь почтенъ имѣшь великій санъ?

(Другой мальчикъ, выскакивая изъ пещеры, кри-
читъ:)

Я!

Г Е Н І Й.

(Пишетъ на доскѣ и возглашаетъ.)

Такъ будь великодушнымъ,
Учись бышь всѣмъ слугой.

М А Л Ь Ч И К Ъ.

Урокъ исполню швой.

Г Е Н І Й.

Кто хочешъ пріобрѣсть себѣ богатство, славу?

(Трепій мальчикъ, выскакивая изъ пещеры, кри-
читъ:)

Я!

Г Е Н І Й.

Трудись!

М А Л Ь Ч И К Ъ.

Послѣдую сему уставу.

Г Е Н І Й.

Кто хочешъ добрымъ бышь и честнымъ граждани-
 номъ,
 Любезнѣйшимъ опцомъ, послушнымъ, крошкимъ
 сыномъ,
 Супругомъ ласковымъ, сосѣдомъ не сварливымъ,
 Судьею справедливымъ,
 Единымъ словомъ: кто, кто хочешъ бышь щаспли-
 вымъ?

(Тупъ множество мальчиковъ изъ пещеръ бѣ-
 гупъ съ разпростертыми руками и кричатъ:)

Я! я! я! я!

Г Е Н І Й.

(Пишетъ на доскѣ и возглашаетъ:)

Учись и прудишь!

М А Л Ь Ч И К И

(всѣ вдругъ.)

Будемъ!

Твоихъ совѣшовъ не забудемъ.

(Во все сіе явленіе музыка, подобно раздающе-
 муся эху, отзывается возглашеніемъ Генія и
 отпѣвами мальчиковъ.)

Я В Л Е Н І Е ІІІ.

ТАЛІЯ и МЕЛЬПОМЕНА.

МЕЛЬПОМЕНА.

Въ семь лѣсѣ, гдѣ дика, сурова шакъ природа,
Я слышу гласъ народа.—
Учишься здѣсь повелѣвають!

ТАЛІЯ,

(глядя на доску.)

И грамашѣ здѣсь знаютъ.

МЕЛЬПОМЕНА.

Здѣсь пишушъ, кажутся, и могутъ мыслишъ.

ТАЛІЯ.

Не можно ли ихъ намъ, сеспра, къ себѣ причислишъ,
И краю здѣшнему услугу показашъ?

Мы будемъ представляшъ.

МЕЛЬПОМЕНА.

И по можешъ спашъся.

ТАЛІЯ.

Пойдемъ же попышашъся. —

Я вижу впереди училеля съ дѣшми.

Наука можешъ бышъ межъ здѣшними людьми

Пріяшна и любима.

(подходитъ къ Генію.)

М Е Л Ы П О М Е Н А.

Мы странницы, пришли изъ Греціи, изъ Рима;
Насъ тамъ любили всѣ.
Я добродѣтель ободряла.

Т А Л І Я.

А я порокъ пересмѣхала.

М Е Л Ы П О М Е Н А.

(къ Генію)

Дерзаемъ спросишь: здѣсь лѣзьяль оспашься намъ?

Т А Л І Я.

И нашъ воздвигнушь храмъ?

Я В Л Е Н І Е І V.

(Въ сіе время, какъ Геній разговариваетъ съ Му-
зами, дѣши снимающъ съ дерева учебную доску
и уходящъ съ нею въ пещеры.)

Г Е Н І Й.

Дражайшія сестры! друзья мои почтенны!
Бывъ должностью моею столь много упражненный,
Я не примѣшилъ васъ. Но васъ ли вижу я?
Облегчена теперь обязанность моя.
Какое счастье! о странницы любезны!
Вы къ спаши, къ спаши здѣсь, пренужны, препо-
лезны,

Вы нынѣ будете мнѣ помощьюъ съ небесъ:

Сей лѣсъ

Быль множество вѣковъ ужасно помраченнымъ,

Не очищеннымъ,

Подобно хаосу стоялъ,

Стихievъ бурями спеналь:

Но нѣкогда вершеть сей дикій,

Пустынникъ ревностный, могущій и великій,

Очистя, проложилъ дорогу въ немъ и слѣдъ,

Неслыханнымъ трудомъ и попеченьемъ дивнымъ,

По коей свѣтъ,

Спомоществуемый лучами прехъ планетъ,

Боролся съ мракомъ сопротивнымъ;

И лѣсъ

Поднесъ

Едва лишь освѣщеннымъ былъ,

Иль только просвѣщеннымъ слылъ:

Но наконецъ сіе великое свѣшило,

Взошедъ на высоту небесъ,

Свой лучезарный блескъ спустило

На эпошъ лѣсъ.

Отъ бѣлыхъ водъ до черныхъ,

Отъ тихихъ до сердитыхъ,

Бѣгушъ толпы угрюмыхъ пучъ;

Въ пещерахъ самыхъ темныхъ,

Въ норахъ почти со всѣмъ забытыхъ

Сверкаетъ свѣтозарный лучъ!

Препоны нѣшъ ему нигдѣ;

Вездѣ

Все движется, живетъ, расстепъ и разцвѣтаепъ,
 Все живошворный огонь вкушаетъ, ощущаетъ;
 Кремень преобращаетъ въ алмазъ,
 И изпускаепъ все благодаренья гласъ!
 Блистаніемъ его и я здѣсь пребываю:

Ему служу,

Росадникъ свѣта развожу,

Лучи къ проснымъ деревьямъ прививаю. —

Сступайте! время вамъ

Здѣсь вашъ воздвигнушъ храмъ.

Сступайте, голосъ вашъ здѣсь нынѣ будетъ вняшенъ,

Оберегашель правъ здѣсь вамъ благопріятенъ.

Ты Мельпомена намъ, доброты, возвѣщай

И подвизашься въ нихъ Героевъ поощряй:

А ты намъ, Талія, шпыншвомъ швоимъ искус-
 нымъ

Пересмѣхай пороки и дѣлай его гнуснымъ.

Гдѣ грубы головы, сердца не смягчены,

Законы крошкіе тамъ щещно изданы:

Вы умягчайте ихъ игрой своей и пономъ,

И просвѣщенію, наукамъ, и законамъ

Подпорой будьте здѣсь. Примише у меня

Орудіе свое.

(Вынимая изъ облака, подаепъ Мельпоменѣ
 кинжалъ.)

М Е Л Ъ П О М Е Н А.

Велѣніе швое

Храня,

Я все прошивное законамъ, правдѣ, чесши,
 Любви къ опечесшву и вѣрности къ Царю,
 Все то, что по слѣдамъ поидешъ коварсшва, лесши,
 И возродишъ въ сердцахъ крамолы, буншы, прю,
 Не пощадя себя, на жершву принесу;
 Иль съ шѣмъ умру, или опечесшво спасу!

Г Е Н І Й,

(вынимая изъ облака маску подаетъ Таліи.)

Вошъ, Талія, шебѣ личина и швоя.

Т А Л І Я.

Я знаю, должностъ въ чемъ моя.

Подъ ней сокрывшись я, какъ будто не нарочно,
 Все то, что скаречно, и гнусно, и порочно,
 И шакъ и сякъ, ни въ комъ, никакъ не потерплю;
 Не въ бровь, а въ самый глазъ, я спроси уязвлю.
 Обманщиковъ, лжецовъ, ханжей и пуспослововъ,
 Хулишелей, льсшесцовъ, язвишелей, злослововъ,
 Кокешокъ, игроковъ, неправедныхъ судей,
 И въ прозѣ и въ стихахъ безграмотныхъ вралей,
 Безмозглыхъ спихошворцовъ,
 Безчесшныхъ крючкошворцовъ,
 Кащѣевъ, гордецовъ,
 И пьяницъ и мошовъ,

Господь немилосердыхъ
И мудрецовъ безвѣрныхъ

На свѣжу воду я всѣхъ выведу потчасъ.

Иному въ носъ щелчка, другому иглу въ глазъ

Я смѣло покажу.

Ослины уши я иному присажу,

И добродѣтельныхъ заспаваю имъ смѣяшся,

Плевашь на нихъ, мерзашъ, освисывашъ, ругашся:

А буду только шѣхъ хвалою прославляшъ,

Кто будешъ нравами благими удивляшъ,

Себѣ и обществу окажешся полезенъ;—

Будь баринъ, будь слуга, но будешъ мнѣ любезенъ.

Г Е Н І Й.

Не сомнѣваюсь я, нелесныя друзья,

Не щепна кажешся надежда въ васъ моя.

Исполня вы свой долгъ, мой подвигъ подкрѣпите,

И лучшимъ образомъ сей лѣсъ вы просвѣпите.

Но прежде намъ сего приспойно помянушъ,

Кто первый проложилъ въ лѣсу семь къ свѣшу путь;

Исполъ въ немъ разширилъ любезну свѣшозарность:

Намъ должно торжествомъ принестъ шѣмъ благо-
дарность.

Я В Л Е Н І Е V.

Лѣсъ исчезаетъ. — Театръ представляетъ народную площадь, украшенную великолѣпною колонадою, въ концѣ копорой видѣнъ храмъ просвѣщенія, по споронамъ коего два обелиска съ сіяющими медаіонами. — Первый, обвитый кипарисомъ, показываетъ въ шукломъ свѣтѣ, подобно зашедшему солнцу, вензловое имя Петра I. — Второй, обвитый лавромъ, въ полуденномъ свѣтѣ представляетъ вензловое имя Екатерины II. Хоры пѣвчихъ. — Мальчики и дѣвочки въ бѣлыхъ плащяхъ, съ цвѣточными гирляндами, выходятъ съ обѣихъ споронъ на площадь и спановаятся опѣ обелисковъ вдоль по колонадѣ. Геній спановився на пославленномъ въ храмъ пронѣ, Талія и Мельпомена на степеняхъ онаго по правую и по лѣвую спорону.

Г Е Н І Й, (обращаясь къ первому обелиску.)

Начнемъ!

И прежде пѣснь тому мы воспоемъ,

Кто въ свѣтѣ

Намъ показалъ здѣсь слѣдъ.

Х О Р Ъ, (тихо безъ музыки.)

Ко скипетру рожденны руки
Онъ въ прудъ несродный проспираль;
Звучашъ до днесь по свѣшу звуки,
Какъ онъ сѣкирой ударялъ.
Неси на небо гласы въпръ:
Безсмершень ты, Великій Петръ!

(По окончаніи хора мальчики и дѣвочки
обвивающъ цвѣточными гирляндами
obeliskъ Петра Великаго.)

Г Е Н І Й, (обращаясь ко второ-
ромуobelisku.)

Теперь мы возгласимъ по славное свѣшило,
Что вѣщшіе лучи на край сей низпустило.

Х О Р Ъ, (громогласно
съ музыкаю.)

Сіяй, любезная планета,
Пресвѣтлой красошой твоей!
Сіяй утѣха, радость свѣта,
Для вѣчной славы нашихъ дней!
Сіяй несмѣшныхъ благъ причина,
Безсмертная Екатерина!

(По окончаніи хора мальчики и дѣвочки
обвивающъ цвѣточными гирляндами
второйobeliskъ.)

ТАЛІЯ.

Начну я ошправлять мою теперь же должность,
И вамъ комедію представлю: *Такъ и должно.*

III.

ОПИСАНІЕ ТОРЖЕСТВА,

бывшаго по случаю взятія города Измаила

въ домъ

ГЕНЕРАЛЪ - ФЕЛЬДМАРШАЛА

Князя Потемкина - Таврическаго,

близъ конной Гвардіи,

въ присушствіи

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ II,

1791 года 28 Апрѣля.

Для сего торжества составлена была кадрили изъ 24 паръ, въ которой удостоили принять участіе Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья, нынѣ царствующій Императоръ Александръ Павловичъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ. Прочія Особы обоего пола были изъ самыхъ знатнѣйшихъ фамилій, и всѣ въ великолѣпнѣйшемъ убранствѣ.

О П И С А Н І Е Т О Р Ж Е С Т В А ,

Пространное и великолѣпное зданіе, въ которомъ было празднество, не изъ числа обыкновенныхъ. Кто хочешь имѣть объ немъ понятіе, прочти, каковы были загородные дома Помпея и Мецената. — Наружность его не блистаетъ ни рѣзбою, ни позолотою, ни другими какими пышными украшеніями, древній изящный вкусъ — его достоинство; оно просто, но величественно. Возвышенная на столпахъ сѣнь покрываетъ входъ, и составляетъ его преддверіе. — Торжественная врата съ надписью: Е к а т е р и н ѣ В е л и к о й , сооруженная изъ двухъ огромныхъ гранишныхъ и четырехъ яшмовыхъ столповъ, съ позлащенными подножіями и надглавіями, ведутъ изъ припвора въ кругловатый чертогъ, подобный Аѳинскому Одеуму.

Любопытство остановило бы здѣсь осмотрѣть печи изъ лазуреваго камня, обширный куполь, поддерживаемый осмью столбами; сѣны, представляющія отдаленные виды, освѣщенные мерцающимъ свѣтомъ, который вдыхаетъ нѣкій священный ужасъ: но встрѣчающаяся внезапно изъ осмнадцати столбовъ сквозная преграда, отдѣляющая чертогъ сей отъ послѣдующаго за

нимъ, поражаетъ взоръ и удивляетъ. — На верьху вкругъ висящіе хоры съ перилами, копорыя обспавлены драгоцѣнными Кипайскими сосудами и съ двумя раззолоченными великими органами, раздѣляютъ вниманіе и воспоргъ усугубляютъ. — Чпо же увидишь, вспупя во внушренность?— При первомъ шагѣ предспавляется длинная овальная зала, или лучше сказапъ, площадь, ппашъ ппсычъ человѣкъ вмѣспипъ въ себя удобная, и раздѣленная въ длину въ два ряда еще припцапью шестью сполбами. — Кажется, чпо исполинскими силами вмѣщена въ ней вся природа. — Сквозъ оныхъ сполбовъ видѣнъ обширный садъ и возвышенныя на немаломъ проспранспвѣ зданія. Съ перваго взгляда усумнишься, и помыслишь, чпо сіе еспъ дѣйспвіе очарованія, или по крайней мѣрѣ живописи и оптики: но приспупивъ ближе, увидишь живые лавры, мирпы и другія блатораспворенныхъ климатовъ древа, не шокмо распуція, но инныя цвѣпами, а другія плодами обремененныя. Подъ мирною пѣнію ихъ, индѣ какъ бархашъ, спелется дернъ зеленый; тамъ цвѣшъ спспрѣютъ, здѣсь излучиспшыя спсчанныя дороги пролегаютъ; возвышающся холмы, низпускающся долины, пропягивающся просѣки, блиспаютъ спекляные водоемы. Вездѣ царспвуешъ весна, и искусство спо-

ришь съ прелестями природы. Плаваешь духъ въ удовольствіи. Но едва успѣешь насладиться издали зрѣніемъ верхограда, нечувствительно приходишь къ возвышенному на степеняхъ сквозному Олтарю, окруженному еще осмью столбами, кои поддерживаютъ сводъ его. — Вокругъ онаго утверждены на подставкахъ яшмовыя чаши, а сверху висятъ лампы и цвѣточные цѣпи и вѣнцы: посреди же столбовъ на порфировомъ подножіи съ златою надписью (*) блистаетъ изсѣченный изъ чистаго мрамора образъ Божества, щедрою копораго воздвигнутъ домъ сей. (**). Единое воззрѣніе на него рождаетъ благоговѣніе и возпламеняетъ душу къ дѣламъ безсмертнымъ. Сколько людей великихъ, смотря на него, изъ почтенія, или изъ любочестія, проліютъ слезы! Но можетъ быть для того, что не легко достигнуть подобнаго обожанія и славы. — Олтарь сей окруженъ лабиринтомъ. По извивающимся и опѣненнымъ пропамъ его, между древесными вѣтвями, показывающіяся жертвенники благодарности и усердія, испуканы славныхъ въ древности мужей, изъ

(*) На семь подножіи надпись: *матери отечества и мнѣ премилосердой.*

(**) На портикѣ дома надпись: *отъ щедротъ Великой Екатерины.*

мрамора и изъ другихъ рѣдкихъ веществъ
 сосуды, на подножіяхъ возвышенные. — На
 зеленомъ лугу, позади олшаря, спойтъ вы-
 сокая, алмазовидная, обдѣланная въ злапо,
 пирамида. — Она украшена висящими грани-
 ными цѣпочками и вѣнцами, изъ разныхъ
 цвѣтнопрозрачныхъ каменьева составлен-
 ными. — Верхъ ея изъ каменьева же, увѣн-
 чанъ лучезарнымъ именемъ Екатерины вто-
 рой. Сидмъ блестящимъ памяникомъ хо-
 зяинъ хопѣль кажется изобразить твер-
 достъ и сіяніе вѣчной славы своея Благо-
 творишельницы. — Лучи солнечные сквозь
 стѣнъ, или забралъ спекляныхъ, ударяя въ
 него, опражающа, и преломляясь нѣсколько
 крапъ въ стѣлахъ столь же прозрачныхъ,
 такое производящъ радужное сверканіе, ко-
 тораго описать не можно. Иногда въ са-
 мыхъ мрачныхъ стѣняхъ мелькающъ пурпуро-
 выя и злапыя зари, — Не лзя лучше пред-
 ставить добродѣшель, разливающую всюду
 свое сіяніе. За обелискомъ, въ самой глу-
 бинѣ верпограда, зеркальная пещера. — Вну-
 при оной водный кладязъ и купель рѣзная
 изъ Паросскаго мрамора, выше роспа человѣ-
 ческаго. Такія же двѣ споящъ по концамъ
 залы предъ двумя возвышеніями, изъ коихъ
 на одномъ помѣщается многочисленный хоръ
 музыки, а на другомъ избраннѣйшая бесѣда.
 Для прочихъ госпей успроены между спол-

бовъ ложи. — Вездѣ видѣнь вѣкъ и великолѣпіе, вездѣ поржеспвуетъ природа и художество; вездѣ блистаетъ граненый кристалъ, бѣлый мраморъ, и зеленый цвѣтъ, столько глазамъ пріятный. По приличности, висятъ цвѣточныя вѣтви и вѣнцы; а по надобности, лампы и фонари. — Невѣроятной величины зеркала! — Всѣ они индѣ предметы усугубляютъ, индѣ увеличиваютъ, а индѣ удаляютъ и умаляютъ. — При томъ сладкогласное пѣніе птицъ, пріятное благовоніе ароматовъ, содѣлывая сіе жилище нѣкоею новою поднебесностію, или волшебною странною, заставляють каждого въ восторгъ самого себя вопрошать: не се ли Эдемъ? — Кромѣ поржеспвенныхъ вратъ, еще чепырма большими дверями проходятъ изъ сего чертога одними во внѣшній садъ, а другими въ прочіе покои. Хотя по множеству оныхъ, пространству и богатымъ приборамъ, приличнымъ болѣе роскоши, нежели земному раю, забудешь красоты его, воображая ихъ въ единой токъ блаженной природѣ: однако въ изумленіи своемъ чаешь быть въ цвѣтущей Греціи, гдѣ Одеумъ, Лицея, Спадіи Экседры и пеагры изъ разныхъ городовъ и мѣстъ собрались и въ одномъ семъ зданіи воскресли. Тамъ отдѣлено довольное пространство, гдѣ мужеспвенная юность можетъ упражняться въ военныхъ пѣлодвиже-

ніяхъ и прочихъ гимнастическихъ играхъ: здѣсь любящіе музыку, пѣніе и пляску, найдутъ себѣ мѣсто для увеселенія. Тамъ плѣняющіеся живописью могутъ заниматься твореніями Рафаэля, Гвидо-Рени и иныхъ славнѣйшихъ художниковъ всея Италіи: здѣсь эстампы съ оныхъ взоры привлекаютъ. Тамъ Азіатской пышности мягкія софы и диваны манятъ къ сладкой нѣгѣ; здѣсь Европейскіе драгоцѣнные ковры и шкани вниманіе на себя обращаютъ. Тамъ уединенные покои пишиною своею призываютъ въ себя людей государственныхъ бесѣдовать о дѣлахъ, имъ порученныхъ: здѣсь обсаженная древами прямовидность представляетъ гульбище, гдѣ бы и Платонъ съ удовольствіемъ могъ собирать Академію и преподавать свою Философію. — Словомъ, для всякаго возраста, пола и сословія находятся чертоги, въ которыхъ, по склонностямъ каждого, съ пріятностію время препроводить можно. Вездѣ доспапочная и приспойная услуга, рѣдкая ушварь, всего обиліе; и если бы какой власпелинъ всемогущаго Рима, преклоня подъ руку свою вселенную, пожелалъ поржеслововать звуки своего оружія, или опплашить угощенія своимъ согражданамъ: то не могъ бы для празднества своего создать большаго дома, или лучшаго великолѣпія представишь. — Казалось, что все бо-

гашество Азіи и все искусство Европы со-
куплено тамъ было къ украшенію храма
пиржесствъ Великой Екатерины.—Едва ли
есть нынѣ гдѣ такой власпишель, которому
бы столь обширное зданіе жилищемъ служило.

Великолѣпные черпоги
На сполько распояшъ локпяхъ,
Что гласъ въ трубы, въ ловецки роги,
Едва въ ихъ слышанся концахъ.
Надъ возвышенными спѣнами,
Какъ небо, наклонился сводъ;
Между огромными сполпами
Ошворень въ нихъ къ ушѣхамъ входъ.

Еспѣли домъ по сему описанію заслужи-
ваетъ вниманіе: по празднество, бывшее въ
немъ, еще болѣе.

По всеподданнѣйшему ошъ хозяина про-
шенію Великой Государыни и Ихъ Высо-
чествъ, и по нарочному зву знашнаго обоего
пола дворянства, къ 6шм часамъ по полудни
всѣ собралися.—Всѣ были въ маскарадномъ
плашѣ.—Хотя ошъ множества карешъ за-
перлись улицы; но въ домъ такой былъ
просторъ, что можно бы безъ сомнѣнія при-
гласишь такое же, или еще большее число
госпей. — Наконецъ прибылъ Дворъ. — Въ

самое по время на успроенномъ нарочно прошивъ дома амфиштеапрѣ, украшенномъ зеленью, взыграли прубы, и опкрылся пиръ для народа. — Предспавлены были въ даръ ему разнаго рода одежды, всякое съѣспное и сладкіе напипки. — Повсюду раздавалось восклицаніе въ честь и славу Всемилоспи-вѣйшей Обладательницы: простосердечное *ура* наполняло воздухъ. — Самая лучшая похвала доброму Государю радоспный кликъ его народа. — Подъ симъ гласомъ искренноспи хозяинъ вспрѣшилъ Высочайшихъ своихъ посѣспителей въ подобающемъ августѣйшему ихъ сану мѣспѣ, со всевозможнымъ благоговѣніемъ и знаками подданническаго усердія. Глубокое молчаніе и жадное усспремленіе взоровъ нѣсколькихъ пысячъ госпей на священныхъ Императорскихъ Особъ, вспупившихъ сперва въ большую залу, было первое пріятное зрѣлище.

Во древни времена шакъ Боги
 На Олимпійски торжеспва,
 Оспавя горніе черпоги
 И свѣсплы троны Божеспва,
 Сходили, скрывъ опъ смерспныхъ взора
 Сіянне лучей своихъ:
 Среди народнаго собора
 Священное прибышье ихъ

Подобно также познавалось,
 Какъ сходишь къ намъ когда заря:
 Ропшанье въпровъ укращалось,
 Румянились эфиръ, моря;
 Вниманье на горахъ блистало,
 Поля лобзала пишина;
 Все бренно естество молчало,
 Смотри, какъ шеспвуешь она;
 Ея улыбка разливала
 На всю природу блескъ и свѣтъ.

Какъ скоро Высочайшіе Посѣпители
 соизволили возсѣсть на приуготовленные
 имъ мѣста: то вдругъ загремѣла голосовая и
 инструментальная музыка, изъ прехъ сопъ
 человѣкъ состоявшая. Торжественная гар-
 монія разлилась по пространству залы; вы-
 ступилъ отъ олшаря хороводъ, изъ двана-
 цати чепырехъ паръ знаменишѣйшихъ и
 прекраснѣйшихъ женъ, дѣвицъ и юношей со-
 ставленный. — Они одѣты были въ бѣлое
 платье споль великолѣпно и богато, что
 однихъ бриліантовъ на нихъ считалось бо-
 лѣе нежели на десять миліоновъ рублей. Сіе
 молодое и избранное общество шѣмъ боль-
 шій возбудило въ Россіянахъ воспоргъ, что
 Государи Великіе Князья АЛЕКСАНДРЪ и
 КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧИ удостоили
 сами бытъ въ ономъ. — Видѣли Россіяне
 соприсутствующу веселію ихъ любезную

Матерь Ошечества, крошкую и мудрую свою Обладательницу; видѣли при ней мужественнаго Ея сына и достойную Его супругу, украшенныхъ всѣми добродѣтелями; видѣли младыхъ ихъ чадъ, великихъ Князей и Княженъ, радостную и швердую надежду будущаго Имперіи блаженства, а припомъ послѣднихъ въ сообществѣ съ дѣтьми ихъ. Какою радостію, какимъ воспоргомъ наполняло сіе ихъ чувства, и что изображалось на ихъ по удивленныхъ, по улыбающихся лицахъ, того никакое перо описать не въ состояніи; — удобно было токмо сіе видѣть и чувствовать. Сія великолѣпная кадриль, шакъ сказаъ изъ юныхъ Грацій, младыхъ полубоговъ и Героевъ составленная, открыла балъ Польскимъ танцомъ. — Громкая музыка его сопровождаема была лишаврами и пѣніемъ; слова онаго и послѣдующаго за нимъ Польскаго же были слѣдующія:

Х О Р Ъ I (*).

Громъ побѣды раздавайся!

Веселися храбрый Россъ!

Звучной славой украшайся:

Магомеша ты попрѣсь.

Славься симъ Екатерина!

Славься нѣжная къ намъ мать!

(*) Музыка ко всѣмъ хорамъ, кромѣ VI, сочиненія Гна Козловскаго.

Воды быстрыя Дуная
 Ужь въ рукахъ шеперь у насъ;
 Храбрость Россовъ починая,
 Тавръ подъ нами и Кавказъ.
 Славься симъ ЕКАТЕРИНА!
 Славься нѣжная къ намъ МАТЬ!

* *

Ужь не могушь Орды Крыма
 Нынѣ рушишь нашъ покой;
 Гордостъ низишся Селима
 И блѣднѣешь онъ съ луной.
 Славься симъ ЕКАТЕРИНА!
 Славься нѣжная къ намъ МАТЬ!

* *

Спонъ Синила (*) раздаешся
 Днесъ въ подсолнечной вездѣ;
 Зависшь и вражда мянешся
 И терзаешся въ себѣ.
 Славься симъ ЕКАТЕРИНА!
 Славься нѣжная къ намъ МАТЬ!

* *

Мы ликуемъ славы звуки,
 Чшобъ враги могли шо зрѣшь,
 Чшо свои гошovy руки
 Въ край вселенной мы простершь.
 Славься симъ ЕКАТЕРИНА!
 Славься нѣжная къ намъ МАТЬ!

(*) Древнее названіе Измаила.

*

Зри, премудрая Царица,
 Зри, великая Жена,
 Что Твой взглядъ, Твоя десница
 Нашъ законъ, душа одна.
 Славься симъ Екатерина!
 Славься нѣжная къ намъ мать!

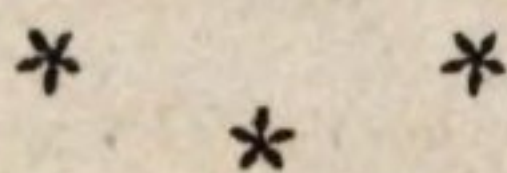
* *
 *

Зри на блещущи соборы,
 Зри на сей прекрасный спрой:
 Всѣхъ сердца Тобой и взоры
 Оживляются одной.
 Славься симъ Екатерина!
 Славься нѣжная къ намъ мать!

Х О Р Ъ ІІ.

Возвращившись изъ походовъ,
 Принеся съ собой профей,
 Среди звуковъ, среди громовъ,
 Плодъ побѣды вы своей
 Торжествуйте, Россы бранны,
 Славой, честію, вѣнчанны!
 Торжествуйте, ликовствуйте,
 Наполняйте плескомъ свѣшъ;
 Всей вселенной доказуйте,
 Что храбрѣй васъ въ свѣшъ нѣшъ;—
 Нѣшъ храбрѣе и сильнѣе,
 Васъ Царямъ своимъ вѣриѣе.

Вы въ поляхъ ли гдѣ сражались,
 Били тысячи вы спомъ;
 На моряхъ ли въ бой пускались,
 Флоты рушили огнёмъ.
 Гдѣ вы грады осаждали,
 Спрашны спѣны ихъ упали,
 Пали съ прескомъ, пали съ громомъ,
 Раздалася слава въ свѣшъ:
 Что съ Россійскимъ храбрымъ родомъ
 Сопрошивника днесъ нѣшъ;
 Нѣшъ имъ спорника во брани, —
 Рвушъ вездѣ ихъ лавры длани.

Въ лаврахъ мы шеперь ликуемъ,
 Изпорженныхъ у враговъ;
 Вамъ, Россіянки, даруемъ
 Храбрыхъ нашихъ плодъ боевъ.
 Раздѣляйте съ нами славу,
 Часть, ушѣхи и забаву;
 Раздѣляйте, ободряйте
 И впередъ къ побѣдамъ насъ;
 Жаръ въ сердца вы намъ вливайте,
 Вашъ надъ нами силенъ гласъ:
 За одинъ вашъ взглядъ любви
 Лишь мы рады токи крови.

За одну Твою щедроту,
 За одинъ Твой кропкій взглядъ,
 Сердце, душу, жизнь, охоту,
 Россъ принестъ на жертву радъ.
 О любезна Мать народа!
 Вѣрь, что щедрая природа
 Съ тѣмъ Тобой насъ наградила,
 Чтобы звучны чудеса
 Съ храбрымъ Россомъ Ты шворила.
 Продолжише, Небеса,
 Продолжише Ея лѣта
 Къ удивленію вы свѣта!

Разположеніе пляски всей кадрили, ко-
 торая чрезъ нѣсколько колѣнъ Польскаго
 прерывалася конпрапанцами, было изобрѣ-
 шенія самага хозяина. — Славный Пикъ ис-
 кусствомъ своимъ сообщилъ ей всю пріят-
 носшь, какъ въ важныхъ, такъ и въ весе-
 лыхъ шлодвиженіяхъ. Что вы предъ симъ,
 буйныя пьяншвенныя и шумовскія позо-
 рища! Что вы предъ симъ? —

Не такъ ли, Лира восхищенна,
 Въ Пиндаровы цвѣшущи дни,
 Была при торжествахъ почтенна?
 И онъ, возшедшій пальмъ въ шѣни,
 Вѣнцемъ покрытый, багрянцей,
 Передъ премудрости Царицей

Дѣла своихъ Героевъ пѣлъ,
 Рукой злая движала струны.
 Какіе сладкіе перуны!
 Какой огонь опъ нихъ лепѣлъ!

* *

*

Подъ поражающимъ согласьемъ
 Его пріятныхъ сердцу стрѣлъ,
 Орелъ, нагнувъ на перси выю,
 И млечнымъ облакомъ сокрывъ
 Въ полъ-яблока звѣнцы быспры,
 Хребтомъ пернашымъ тихо зыблясь,
 Дремалъ, казалось, близъ его,—
 Спустивъ свои на розы крылья:—
 Но неразшлѣнно нѣгой сердце
 И духъ его парилъ у звѣздъ.

* *

*

И самыя забавы,
 И самая любовь,
 Наукой были славы
 И къ подвигамъ жгли кровь
 Души благородной.
 Что слухъ внялъ восхищенной,
 Что зрѣлъ прельщенный взоръ,
 То юность вся швердила
 И по домамъ своимъ,
 По шѣмъ спезямъ ходила,
 Что пѣлъ Піиша имъ
 И что гремѣлъ ихъ хоръ.

Онъ пѣлъ имъ випязей ристанье
 И крики на коней возницъ,
 И молній по мечамъ блиспанье,
 И пылъ сполпомъ опъ колесницъ;
 Онъ пѣлъ имъ непорочны нравы,
 Желаніе чеспей и славы,
 И къ общему любовь добру;
 Онъ пѣлъ имъ къ божеству почтенье,
 Вдыхалъ къ порокамъ омерзенье,
 Мздоимну злашу, серебру.

* *

*

Сѣдые спарцы, преклоненны
 Вокругъ его на ихъ жезлахъ,
 Внимая добродѣтель чпиму,
 Спруили шокъ блестящихъ слезъ.
 Пріятно было имъ то слышать,
 Что хваляшъ добры ихъ дѣла:
 Но сердцу ихъ еще стокрашъ
 Того милѣй и слаще было,
 Что пошъ же на сынахъ ихъ видѣнь
 Былъ знакъ ко славѣ спраспныхъ душъ.

* *

*

Минерва съ Марсомъ зрѣли
 На юношъ полкъ молодыхъ,
 По взорамъ разумѣли
 Свою породу въ нихъ;
 И чрезъ лѣша полики
 Кшо Александръ Великій,

Кто будешь Константинъ;
 Божественные взгляды
 Свою чипали Chesъ
 И весь въ нихъ блескъ Эллады:
 Тотъ громы къ Персамъ несъ,
 Сей вновь построишь Римъ.

Въ самомъ дѣлѣ сіи танцы кадрили
 сопровождались громкою музыкою и хорами,
 воспѣвавшими побѣды, кажешся не съ инымъ
 какимъ намѣреніемъ, какъ чпобы по при-
 мѣру древнихъ возбуждашь юношесство къ
 славѣ. — Пріятно было видѣть нѣкоторыхъ
 молодыхъ людей сполько симъ пронупыхъ,
 чшо слезы у нихъ на глазахъ являлись.

Чшо принадлежишь до прекраснаго пола,
 шо развѣ шолько Анакреонъ изобразилъ бы
 всѣ его прелести.

Нѣжный, нѣжный воздыхашель,
 О пѣвецъ любви и нѣги!
 Ты когда бы лишь увидѣлъ
 Сполько Нимфъ и сполько милыхъ:
 Безъ вина бы и безъ хмеля
 Ты во всѣхъ бы въ нихъ влюбился;
 И въ мечпѣ, иль въ восхищеньи
 Ты бы видѣлъ, будшо въ явѣ,
 На спаницѣ ппичекъ бѣлыхъ
 Во жемчужной колесницѣ;

Иль на аленькомъ листочкѣ,
 Какъ на облачкѣ весеннемъ,
 Тихимъ воздуха дыханьемъ,
 Со колчаномъ вѣшся мальчикъ
 Съ позлащеннымъ легкимъ лукомъ,
 И щуда сюда лешаетъ,
 И сядишся онъ по Нимфамъ,
 То на шу, то на другую,
 Какъ сядишся желшы пчелы
 На цвѣшны въ поляхъ младае.—
 Онъ у той блиспаль во взглядахъ,
 У иной блиспаль въ улыбкѣ,
 И пускаль опшуда жалы,
 Какъ лучи пускаешъ солнце.
 Жалы были ядовишны:
 Но и меду были слаще,
 Не пролепывали мимо,
 Попадали прямо въ душу.
 И душа бѣ швоя помилась,
 Уязвленная любовью:
 Лишь Паллады щипъ небесный
 Уполядъ швой бы вздохи.

Въ продолженіе танцовъ Августѣйшая
 госпья, оказавъ свое благоволеніе учаспво-
 вавшимъ въ оныхъ, изволила оставишъ со-
 браніе, и уклонилась для опдохновенія въ
 черпогъ, ушпанный коврами и обишый

драгоцѣнными тканьями. Здѣсь на стѣнахъ изображена исторія Персидскаго Вельможи Амана и Мардохея Израильянина. Изпканіе шоль живо, что кажешся слышанъ гласъ послѣдняго:

И есѣли я не миль шого вельможи оку,
Ты вѣдаешъ, могуль я бышь рабомъ пороку?
Тебѣ извѣстно все, о кропкая Эсѣиръ,
Владычица сердець и красота порфиръ!
Судьба на пронъ шебя съ шѣмъ царскій возводила,
Чшобъ милость ты и судъ на пронъ воцарила,
Невинность бы спасла, низверглабъ клевету,
И сердце нѣжное и духа высокоу
Совокупя въ себѣ, вселенной показала,
Ты мудростьюбъ примѣръ мужей великихъ спала!

Между шѣмъ, какъ разсмапривая здѣсь обои, воображеніе мечпало сіе или чшо либо сему подобное, разумъ съ почпеніемъ похвалялъ вкусъ и намѣреніе хозяина, или всякаго вельможи, котораго душа непричастна была клеветѣ и мщенію, и который подобными нравоучительными быпіями украшалъ свое жилище и сердце. Тогда въ другой комнапѣ подлѣ сей, золотой слонъ, обвѣшанный жемчужными бахрамами, убранный алмазами и изумрудами, началъ обращать хоботъ. — Онъ былъ какъ бы живъ и поспа-

влень нарочно на спражѣ у Ассуира, предѣ
 копорымъ происходила помянушая исторія.
 Персіянинъ сидящій на немъ, ударилъ въ
 колоколь, и сіе было возвѣщеніемъ театраль-
 наго представленія. Хозяинъ всеподданнѣйше
 просилъ къ оному Высочайшихъ своихъ Посѣ-
 щителей, и пригласилъ прочихъ госпей.—
 Открылся занавѣсъ. — Мѣсто дѣйствія и
 помостъ освѣтился лучезарнымъ солнцемъ,
 въ срединѣ котораго сіяло въ зеленыхъ лав-
 рахъ вензловое имя Екатерины II.—Высту-
 пили танцовщики, представлявшіе поселянъ
 и поселянокъ. Воздѣвая руки къ сему благо-
 творному свѣпилу, они показывали движе-
 ніями усерднѣйшія свои чувствованія.—Ба-
 лешъ препровождается былъ музыкою и пѣ-
 ніемъ.

Х О Р Ъ III.

Сколь швоими чудесами,
 Взгляда швоего лучами,
 Именемъ швоимъ блаженны!
 Сколь побой мы восхищенны!
 Зри на наши днесъ шы лица,
 Крошкая небесъ зѣница!
 Гдѣ швое лишь имя, взоры
 Намъ возблещушь: пѣсни, хоры

Тамъ повсюду раздаются,
 Восклищанія несущся:
 Всѣхъ съ побой мы въ свѣтъ краше,
 Лучезарно солнце наше!

За симъ слѣдовала комедія: а послѣ оной балетъ, представлявшій Смирнскаго купца, торгующаго невольниками всѣхъ народовъ. Но къ чести Россійскаго оружія, не было ни одного соопечесивенника нашего въ плѣну сего корысполубиваго варвара. Какая пере-мѣна полипического нашего соспоянія! Давно ли Украина и Низовыя мѣста подвержены были непреспаннымъ набѣгамъ хищныхъ Ордъ? — Давно ли? — О коль пріятно напомниманіе минувшихъ напасшей, когда онѣ прошли, какъ спрашный сонъ! — Теперь мы наслаждаемся въ пресвѣплыхъ порже-спвахъ благоденспвіемъ. — О попомспво! вѣдай: все сіе еспъ швореніе духа Екате-рины. — Она рекла: —

Создалъ Румянцовъ по шепямъ,
 Подвигъ ходящи съ громомъ грады;
 Крылапы Эпны по морямъ
 Текли съ Орловымъ до Эллады,
 Они три свѣта пошрясли:
 Подобны лавры возрасли

И днесъ Пошемкина рукой.
 Коль силенъ духъ ея средь боевъ!
 Коль онъ вездѣ великъ собой!
 Онъ маніемъ пвориль героевъ,
 Которыхъ въ поздны времена
 Дѣянья, память, имена
 Гремящей славой будутъ вѣчны,
 Грозой спихіевъ непресѣчны.

Уже наступила ночь, и когда изъ театра
 возвращались въ залу, предвозвѣщено было
 концертомъ великолѣпнѣйшее зрѣлище.

Х О Р Ъ І V.

Опъ крыль орловъ парящихъ
 По югу воешь шумъ:
 Погрязли въ морѣ флоты,
 Легли въ поляхъ полки;
 Съ холмовъ низверглись грады,
 Запмилася луна;
 Подъ Росскою рукою
 Склонилъ чело Дунай.

* * *

Владычица полсвѣта,
 Россіянъ храбрыхъ Мать!
 Въ богоподобной славѣ,
 Въ сіяньи благъ Твоихъ,

Твоимъ небеснымъ взоромъ,
 Какъ радуга на пѣнѣхъ,
 Благоволи приникнуть
 На сонмъ Твоихъ побѣдъ.

Воззри, какъ въ небѣ звѣзды,
 Какъ въ домѣ семь огни:
 Такъ ревностью горѣли
 Въ бояхъ Твои сыны.
 Моежъ къ Тебѣ усердье
 Коль можнобъ съ чѣмъ сравнишь,
 Давнобъ Тебѣ вселенна
 Воздвигнула олшарь.

Вспутили въ освѣщенные черпоги. —
 Чшожь предспавилось? Сама Августѣйшая
 Императрица вопрошаетъ: „не уже ли
 „мы шамъ, гдѣ прежде были?“, Спо тысячъ
 лампадъ внутри дома: корнизы, окна, про-
 сѣнки, все усыпано чистымъ кристалломъ,
 наполненнымъ возженнаго бѣлаго благовон-
 наго воску. Граненныя паникадилы и фонари,
 висящіе съ высоты, а со споронъ позлащен-
 ные свѣшильники, одни какъ жаръ горятъ,
 а другіе какъ воды переливаются; и сово-
 купляя лучи свои въ веселое торжествен-
 ное сіяніе, все покрывали свѣтлостію.

Какой блескъ! Волшебные замки Шехеразады, сравнишесь ли вы съ симъ храмомъ, униженнымъ звѣздами, или лучше съ цѣлою поднебесностію, увѣшанною солнцами? Безсмертные пѣвцы храмовъ вкуса и славы (*)! по чѣму вы не видали сего великолѣпія? — Чѣмъ я вижу? Тупѣе играетъ яркій и живой лучъ, и какъ бы зноемъ Африканскаго лѣта припугляющія взоры. Тамъ, какъ бы въ пасмурный день, разливается блескъ понкій и умѣренный: — я весь въ заряхъ. — Окна окружены звѣздами. — Горящія полосы звѣздъ по высотѣ спѣшь проспираются. — Рубины, изумруды, яхонты, попазы блещутъ. — Разноогненные, съ живыми цвѣтами и зеленью переплешенные, вѣнцы и цѣпи висятъ между столпами; — шѣнистыя радуги бѣгаютъ по проспранспву; — зарево сквозь лѣсъ проглядываетъ; — искусство вездѣ подражаетъ природѣ. — Но чѣмъ кромѣ сего было чрезъестественнаго, описать трудно. — Высочайшія пальмы, по подбористымъ и равнымъ ихъ стеблямъ до самыхъ вершинъ, увѣшаны какъ бы звѣздами, и горятъ, какъ пламеннѣющіе столпы. — Ароматныя роши обременены запапрозрачными померанцами, лимонами, апельсинами; — зеленый, червленый

(*) Волтеръ сочинилъ поэму: *храмъ вкуса*: а Попъ: *храмъ славы*.

и желтый виноградъ, вѣясь по пычинкамъ огнистыми кистями своими, и въ пѣняхъ по чернымъ грядамъ лилеи и пюльпаны, ананасы и другіе плоды пламенностію своею неизреченную пестроту и чудесность удивленному взору представляющъ. Гдѣ находишься? — Чѣмъ видишь? Не обманываешься ли? — Самъ себѣ не вѣришь! Но если природа, искусство, и самое, такъ сказать, волшебство неодушевленными и неподвижными предметами приводящъ здѣсь въ изумленіе: то какимъ безмолвнымъ воспоргомъ, какимъ пріятнымъ оцѣпенѣніемъ останавливаешься, когда внезапно находишь подъ густою древесныхъ вѣтвей чистую воду и въ нихъ плавающихъ золотыхъ и серебряныхъ рыбъ — когда шумъ же средъ грома музыки и лишавръ слышишь звонкіе соловьиные свисты? Одни съ свѣтлой стихіи пріятнымъ движеніемъ, а другіе изъ опдаленной мрачности прерывающимся сладкимъ пѣніемъ, жадные слухъ и взоры несказаннымъ увеселеніемъ наполняющъ. Такая необыкновенная и восхищительная внезапность совсѣмъ новое чувство рождаетъ. Но чѣмъ съ побою будешь, когда посреди всѣхъ оныхъ дивъ представится тебѣ въ сапфирныхъ, розовыхъ и янтарныхъ лучахъ горящій и всеосвѣщающій памятникъ любезной Матери твоего опечесства, олтарь ея и образъ, во-

кругъ копорыхъ по сторонамъ, въ зеленыхъ и лиловыхъ заряхъ, видны дражайшія имена всего ея наслѣдія? (*) Всякой Россіянинъ вообразишь и почувствуешь ни съ чѣмъ несравненное удовольствіе, отъ благодарности за прошедшее, отъ любви за настоящее и отъ надежды ожидаемаго блага.—Ежели онъ благоразуменъ, то въ умиленіи сердца скажешь: „Сей чистый и ясный огонь есть истинное подобіе моего къ ней усердія; сіе лиловое и зеленое пламя образъ безсмертной моей и попомства моего на нихъ надежды.,, Еспли же онъ чувствителенъ: то проліешь ангельскія слезы, и блаженствомъ своимъ приближися къ небожителямъ, созерцающимъ непосредимое вѣчное сіяніе.

Не такъ ли солнцевъ домъ стоишь среди небесъ,
Весь радугой обьяшь и весь покрывъ зарями?
Моря сверкають въ немъ, поля, долины, лѣсъ;
Рубина рдянаго поддержанъ онъ горами;
Въ сапфиръ, кристалъ, въ немъ звѣзды, какъ свѣщи,
Кругомъ и внутрь его колеблются лучи.

(*) Сквозь транспараны сіяли вензловыя имена Его Императорскаго Высочества, Наслѣдника престола, Его Супруги, Великихъ Князей и Княженъ, озаренныя фіолетовымъ и зеленымъ цвѣтами, знаменующими безсмертіе и надежду.

Въ каленомъ златѣ въ вѣкъ горишь и не сгараешь,
И око смертное сіяньемъ прищупляешь.

Щедрою своею Виновница блеска сего,
достойная, чѣмъ и въ позднѣйшія времена
такіе храмы въ честь ея воздвигаемы были,
ходишь вокругъ, осматриваешь все съ обык-
новенною ей милостію. Предъ нею ка-
жется все живѣе становився, все пріемлеть
большее сіяніе; — слѣды ея суть блиста-
тельные волны пѣснящагося за нею весе-
лаго, радостнаго, торжествующаго собранія.
Сіе паче всего ее утѣшаетъ. Свѣтлое лице
ея ободряетъ улыбки, игры, пляски, лики,
забавы. — Се подобіе Матери, се Монар-
хиня, окруженная славою, любовію, велико-
лѣпіемъ!

Всѣ при,
Казалось, оны Божества
Съ Владычицею душъ, съ небесъ
Пришли
Умножить блески, звуки, радость
Торжества.

Всѣ при,
Казалось, межъ собою
Какъ будто споръ вели:
Кому бышь презднества душою?

Но слава здѣсь съ вѣнцемъ лавровымъ,
 Съ короною изъ звѣздъ,
 На подвиги душамъ гошовымъ
 Трубой съ высокихъ мѣстъ
 Свой огонь вливала;
 Во всѣхъ сердцахъ одна поржесшвовала.

И Нимфъ, и Сильфъ соборы
 Ея всѣ пѣли хоры,
 Ея швердили гласъ,
 Плясали, бѣгали, скакали,
 Качались, (*) въ воздухъ лепали,
 И всѣ согласно восклицали:
 „Ушѣхамъ время, дѣлу часъ!,,

Между прочими танцами были также пляски по Малороссійскимъ и Рускимъ простымъ пѣснямъ, изъ копорыхъ одна ниже сего слѣдуешь. А какъ собственное народное пѣніе любящимъ свое опечесшво нравишся болѣе иностраннаго: то какое было удовольствіе видѣшь предъ лицомъ Монарха одобреніе къ своимъ увеселеніямъ? О вы, копорые не плѣняли такимъ образомъ

(*) Внутри покоевъ поставлены были великолѣпныя качели.

сердцецъ, а хопѣли бытъ естрашными, Цари! могли ли вы наслаждаться такими пріятными зрѣлищами?

Х О Р Ъ V.

На бережку у славка

На дощечкѣ у млинка, и проч.

Между шѣмъ какъ такими забавами занимались въ покояхъ, во внѣшнемъ весьма проспанномъ и прекрасномъ саду вожжены были увеселительные огни. — Хопя пасмурная погода не позволяла всѣмъ упѣшаться ими, но любопытство примѣшило оныя. Тамъ, на прекрасныхъ прудахъ, чешуящихся между опкрытою пологою зеленью, а индѣ древами осѣненныхъ, зыблилася флопиля, изъ нѣсколькихъ судовъ соспоявшая, украшенная разноцвѣтными флагами и фонарями, со множествомъ мапировъ и гребцовъ богато одѣтыхъ. Роши, пріятно разбросанныя, и алеи, далеко проспирющіяся, также изпещрены были разными огнями. Всего пріятнѣе казалось помаваніе деревъ, надъ водами стоящихъ, копорыя опѣ случившагося тогда нарочишаго вѣтра наклоняясь и возвышаясь, заславляли по колеблющемуся подъ ними спеклу пробѣгать по зеленыя по красныя спруи. Всѣ дороги были по-

крышы народомъ, толпящимся подобно рою пчель, привившихся къ тому мѣсту, гдѣ матка ихъ находится. Шорохъ деревъ, шумъ водъ капящагося водопада, жужуканье говорящихъ, гласъ въ далекѣ гребцакаго рога и пѣсень, слышимый съ гуломъ музыки, вырывающимся изъ дому, погружали мысли въ нѣкую забывчивость. Какіе разговоры, какіе вопросы о причинѣ праздника и щедрости хозяина! Мнѣ слышится ошвѣтъ его:

Я чѣмъ могу воздасть я ко мнѣ щедростѣ?

Величіе мое шворенье рукъ я;

Все щастіе мое души я въ добротѣ,

И слава торжества я, а не моя.

Угощенные полъ пріятнымъ образомъ посѣщали внутри и внѣ дома (*), ничего уже болѣе не ожидали, что бы могло усугубить ихъ удовольствіе: но вдругъ по данному ошъ хозяина знаку, шеапръ уничто-

(*) Въ продолженіе бала разносимы были чай, кофе, оржадъ, лимонадъ и всякіе конфекты.

жаешся; на мѣстѣ же его и еще въ нѣсколь-
кихъ другихъ покояхъ являющся для боо
человѣкъ накрытые столы, кромѣ пѣхъ,
которыя приспавлены были къ спѣнамъ для
всякаго, кто чего мимоходомъ пожелаетъ.
Гдѣ были театральное дѣйствіе и зрители,
тамъ чрезъ нѣсколько минутъ открылись
горы серебра съ разнымъ кушаньемъ, вокругъ
съ золошыми подсвѣшниками. Достойны были
удивленія распоропная услуга и порядокъ, а
паче хозяйское распоряженіе и присмотръ
его повсюду.

Онъ мечетъ молнію и громы,
И рушитъ грады и беретъ;
Волшебны созидаетъ дома,
И дивны праздники даетъ.
Тамъ подъ его рукой Гиганты,
Трепещутъ земли и моря;
Другою числитъ бриліанты
И пѣшился, на нихъ смотря.
Севодни бурю представляетъ,
Летаетъ завтра какъ зефиръ,
И лавръ и мирры собираетъ,
И бой ведетъ и строитъ миръ;
То крылья вдругъ беретъ орлины,
Паритъ къ лунѣ и смотритъ въ даль;

То рядить щеголей въ бошины (*),
 Любезныхъ дамъ въ прелестну шаль (**).
 И естѣли бѣ онѣ имѣлъ злодѣевъ,
 Согласны бѣ были всѣ они:
 Что видяшъ образъ въ немъ Прощеевъ,
 Который жилъ въ злые дни.

Начался ужинъ. Мѣста театра и оркестра удостоены были Высочайшаго Императорскаго присутствія. — На первомъ, въ числѣ кадрили, изволили кушать Государи Великіе Князья Александръ и Константинъ Павловичи; а на второмъ Всемилостивѣйшая Государыня и Его Императорское Высочество, Наслѣдникъ престола съ Высочайшею Его Супругою: паршеръ и нѣсколько карпинныхъ покоевъ заняты были прочими обоего пола особами. Порядокъ постановленныхъ столовъ достоинъ примѣчанія. Всѣхъ взоры обращены были къ лицу Государыни, и отъ сцены по степенямъ до нѣкоего особаго возвышенія возносилась освѣщенная гора съ приборами, услугою и гостями, подобно какъ

(*) Легкіе сапожки, которые ввелъ Его Свѣтлость въ употребленіе своимъ примѣромъ.

(**) Азіатскія шонкія покрывала, которыми Его Свѣтлость дарилъ Дамъ.

бы съ зришелями. На самой высотѣ оной сіяли спекляные разноогненные сосуды, что также предспавляло нѣкое необычайное зрѣлище. Казалось, что вся Имперія пришла со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ и изобиліемъ на угощеніе своей Владычицы, и пѣснилась даже на высотахъ, чѣобъ насладишься Ея лицезрѣніемъ.

Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
Разсыпала по нихъ и злато и сребро;
Воспочный, западный, сѣдые океаны,
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы сшепи,
Украйна, Холмогорь, несли шельцовъ и дичь;
Вѣнчанна класами хлѣбъ Волга подавала,
Съ плодами сладкими принесь кошницу Тавръ;
Рифей, нагнувшись, въ попазны, амаписпны
Лилъ кубки медъ златый, древь искромешный сокъ,
И съ Дона сладкія и Крымски вкусны вина;
Прекрасная Нева, пріявъ опъ Бельша съ рукъ
Въ фарфоръ, кришаль, чужія пишья, снѣди,
Носила по госпямъ, какъ будто бы спыдясь,
Что попчивашь должна такъ прихошь по неволѣ.
Обилъе шучное всѣмъ проспирало длань.
Карпины по снѣнамъ, огнями освѣщенны,
Казалось ожили, и рдяны лица ихъ
Изъ мрака выспавя, на славный пиръ смотрѣли;

Лукуллы, Цезари, Траянъ, Октавій, Тишъ,
 Какъ будто изумясь, сойши со спѣнь желали,
 И спросишь: кого такъ угощаешь свѣшъ?
 Кто, кромѣ насъ, владѣть отважился вселенной?

Вскорѣ послѣ ужина Высочайшая Посѣ-
 пительница, обозрѣвъ еще веселящихся,
 соизволила со всѣмъ своимъ Августѣйшимъ
 Домомъ уклониться къ покою. — Уже подве-
 зены были колесницы, — внезапно раздалось
 нѣжное пѣніе съ тихимъ звукомъ органовъ,
 низходящее съ висящихъ хоровъ, копорые
 закрыты было разноцвѣтными и озаренными
 яркимъ цвѣтомъ спекляными сосудами.
 Всѣ безмолвспвуютъ, внимаютъ и обра-
 щаютъ всюду взоры свои, и не видя пою-
 щихъ, въ пріятномъ восхищеніи думаютъ
 созерцать облака, или зари, съ копорыхъ
 слышалось Ангельское пѣніе, сопровождае-
 мое небесною гармоніею.

Х О Р Ъ VI.

Царство здѣсь удовольствій,
 Владычество щедротъ Твоихъ,
 Здѣсь вода, земля и воздухъ
 Дышетъ все Твоей душой,
 Лишь Твоимъ я благомъ
 И живу и счастливъ.

Что въ богатствѣхъ и чesпяхъ?
 Что въ великопи моей,
 Есѣли мысль, тебѣ не зрѣшь,
 Духъ ввергаетъ въ ужасъ?

Стой и не лепи, ты время!
 И благъ нашихъ не лишай.
 Жизнь наша путь есѣ печалей:
 Пусть въ ней цвѣшутъ цвѣты (*).

По окончаніи хора хозяинъ съ благоговѣніемъ палъ на колѣни предъ своею Всемилоspивѣйшею Самодержицею и облобызалъ еѣ руку, принося усерднѣйшую благодарносѣ за посѣщеніе. — Паки новая и прогающая сердце картина! Великолѣпный Дворъ и все многочисленное собраніе видѣшъ полъ славную Монархиню съ величественнымъ и милоспивымъ взоромъ споящую предъ своимъ подданнымъ, копорый вѣсколько минушъ держишъ еѣ десницу съ нѣкакимъ особливимъ душевнымъ умиленіемъ. Тако оспавляла божественная Минерва сына Улиссова.

(*) Сей хоръ, взяшый изъ Италіанской оперы, пѣшъ на Италіанскомъ языкѣ; но здѣсь съ перемѣною нѣкопрыхъ словъ соглашенъ съ пою музыкаю.

Низшедшимъ облакамъ,
Богиня въ нихъ возсѣла;
Подъемлясь къ высотамъ,
Къ нему съ улыбкой зрѣла.
Отъ брони въпрямъ звуки,
Отъ взоровъ лучъ лешѣлъ:
Воздѣвъ онъ къ небу руки,
Ей въ слѣдъ безмолвно зрѣлъ.

IV.

РОДСТВЕННОЕ ПРАЗДНЕСТВО,

на

брачное воспоминаніе

К Н Я З Я

АЛЕКСАНДРА АЛЕКСѢВИЧА

и

К Н Я Г И Н И

ЕЛЕНЫ НИКИТИШНЫ

ВЯЗЕМСКИХЪ,

представленное невзначай

сѣмѣйствомъ

АЛЕКСѢЯ ИВАНОВИЧА

ВАСИЛЬЕВА

въ Селѣ Александровскомъ, въ саду.

1791 года 18 Іюля.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ФЛОРА	—	—	Каперица	{ Алексѣевны Ва- сильевы, малолѣт- ныя дѣвицы.
ПОМОНА	—	—	Марья	

РОДСТВЕННОЕ ПРАЗДНЕСТВО.

Зрѣлище предспавляетъ въ саду бесѣдку и въ ней сидящихъ Хозяина съ Хозяйкою, украшенныхъ лѣтами, почеспиями и добродѣтелями, окруженныхъ ихъ семействомъ.— Къ нимъ входяшь, въ убранствѣ флоры и Помоны, двѣ младыя дѣвицы съ корзинами, одна неся цвѣты, а другая плоды.

Ф Л О Р А.

И мы въ сіи мѣста,
Почтенная чеша!
Среди семьи швоей
Пришли сораздѣлишь
Пріятный праздникъ сей,
И въ сельскихъ пѣсняхъ возгласишь
Тебя, почтенный мужъ!
Тебя, почтенная супруга!
Сколь счастлива семья сія, сія округа,
Познайте по въ воспоргѣ нашихъ душъ.

П О М О Н А.

Взгляните вы на всѣхъ здѣсь взоры,
Во всѣхъ печешъ здѣсь ваша кровь;
Внемлите шамъ поющихъ хоры,
Они поють вашъ бракъ, любовь.

Х О Р Ъ I. (вдали.)

Да царснвуешъ веселье здѣсь,
Упѣхи, радость, восхищенье!
Любовь! швое воспламененье,
Твой даръ мы торжеснвуемъ днесъ.
О нѣжные супруги!
Се вашихъ день прохлада,
Се вамъ здѣсь предстоитъ
Любезны ваши дѣти, други
И чада вашихъ чадъ.

Ф Л О Р А.

За вашу къ намъ любовь, за милость, за труды,
О щастѣ нашемъ попеченья,
Я въ даръ сіи цвѣты.

П О М О Н А.

А я сіи плоды

(обѣ вмѣстѣ.)

Подносимъ вамъ во знакъ почтенья:
Примише ихъ опъ насъ, опъ искреннихъ сердецъ,
Сего семейснва Мать, и шы, его Отецъ!

(Спавяшъ предъ ними
корзинки)

Х О Р Ъ II.

Мы васъ всѣ любимъ сердечно,
Милы намъ, милы вы вѣчно,

Наши плѣнили сердца;
 Видимъ въ васъ Мать и Отца.
 Будьте счастливы и здоровы,
 Полны ушѣхи и славы!
 Всякой намъ съ вами естъ край
 Радость, блаженство и рай,
 Рай, рай, рай!

Ф л о р а.

Любезная сестра! подь симъ совосклищаньемъ
 Почтимъ сейдень своимъ невиннымъ мыпляньемъ.

Х О Р Ъ III.

О чеша почтенна рода!
 Для того тебѣ природа
 Бышѣ дала,
 Чшобъ была его хвала!
 Мы швои усердны чада
 Просимъ небо, чшобъ досада
 Васъ не знала никогда.

* * *

Печаль ошъ васъ бы удалилась,
 Надежда, радость водворилась
 Въ почтенный домъ вашъ навсегда:
 Да мы, среди ушѣхъ, забавы,
 Среди довольствъ, блаженства, славы,
 Жить будемъ вѣчно безъ вреда.

По окончаніи хора, Флора и Помона берутъ другъ друга за руки и начинаютъ Польской танецъ; прочіежь молодые люди почтеннаго сего семейства встають съ мѣстъ своихъ и попарно слѣдуютъ за ними. Потомъ Флора и Помона подходятъ къ хозяевамъ, въ честь копорыхъ празднество сіе было, и цѣлуютъ ихъ руки. — Подражая сему и другіе дѣлаютъ имъ приспойные знаки почтенія, и пѣмъ оканчивается сіе родственное празднество.

V.

П Р О Л О Г Ъ

А Л Л Е Г О Р И Ч Е С К І Й

на

рожденіе въ свѣрѣ

Л Ю Б В И,

въ одномъ дѣйствіи.

*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ЛЮБОВЬ.

ЖРЕЦЫ.

ЮНОШИ.

ДѢВЫ.

НАРОДЪ.

Дѣйствіе происходитъ въ Сѣверѣ.

Сей прологъ былъ сочиненъ на случай разрѣшенія опъ бремени Государыни Великой Княгини Елисаветы Алексѣевны Великою Княжною Марією Александровною, по соображенію погдашняго времени и обшояпельспвъ: но какъ опъ автора Двору предспавленъ не былъ, то и не игравъ.

ПРОЛОГЪ АЛЛЕГОРИЧЕСКІЙ.

Театръ представляетъ на разсвѣтѣ лѣсъ, покрытый инеемъ, Въ срединѣ лѣса купа дубовъ, подъ которыми семь жрецовъ сидятъ въ бѣломъ одѣяніи. Предъ ними олтарь. Вдали видны каменные скалы съ висящими съ нихъ оледенѣлыми испочниками. Музыка соображается дикой замерзлой природѣ, сливаясь съ шумомъ вѣтра.

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ. (Тихій унылый безъ музыки, изъ пеньоровъ и басовъ составленный.)

Долголь инеемъ покрытый
Будетъ сей ужасень лѣсъ?
Свѣшлы дни уже забыты,
Видимъ въ спужѣ гнѣвъ небесъ!

ЖРЕЦЪ, (пеноромъ поющій, приступая къ олтарю представляетъ предъ нимъ жертвенный преножникъ, покрытый бѣлымъ пологомъ.)

Съ первымъ бы цвѣткомъ явишься
Къ намъ должна была весна:
Но земля безплодна зрится,
Холодомъ умерщвлена.

ВТОРОЙ ЖРЕЦЪ. (Спаршій, басомъ по-
ющій, снимаетъ съ
преножника покры-
вало.)

Часто покрываешь мглою
Блески своего чела,
Чшобъ съ сугубой красою
Послѣ возсіяшь могла.

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ, (съ музыкою, воз-
спавъ и прибли-
жаясь къ олтарю.)

Принесемъ же мы моленье
Благодѣтельнымъ Богамъ,
Чшобъ швое произреченье
Скоро совершилось намъ.

ТРИ ЖРЕЦА, (спаршій и два младшіе
съ музыкою.)

Боги! наши голоса
Да коснутся неба свода!
Озарише небеса,
И воскреснеть вся природа!

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ, (безъ музыки.)

Чада! чада! къ намъ идише
И мольбы соедините. (Показывается на-
родъ, юноши и
дѣвицы.)

Х О Р Ъ О Б Щ І Й съ музыкаю. (Народъ, жре-
цы, юноши и дѣвицы.)

О небо! преклонись къ молениямъ
Ты сокрушенныхъ нашихъ душъ.
Весна, приди! — и дуновеньемъ
Оковы мразныя разрушь.

Вели дыхашъ благоуханьямъ,
Вели разкинушься цвѣшамъ,
Да мы щедрошъ ея даяньемъ
Здѣсь жершвы принесемъ богамъ.

(Подъ симъ хоромъ хороводъ дѣвицъ и юношей
соспавляющъ вкругъ олшаря и жершвеннаго прено-
жника медленный священный танецъ. Между тѣмъ
старшій жрецъ возжигаетъ на преножникѣ огонь.
Хоръ прерывается слышимымъ вдали проекрашнымъ
гуломъ грома, при каждомъ коего олшголоскѣ пламя
на преножникѣ вспыхиваетъ; и хоръ, возобновляясь
при крашъ, посшепенно шихо умолкаетъ.)

Т Р И Ж Р Е Ц А .

Смягчилось спремленье
Холодныхъ буръ и спужъ,
Услышано моленье
Усердныхъ вашихъ душъ.

Х О Р Ъ (народа, юношей и дѣвицъ.)

Услышаны мольбы сердечны,
Молишва наша принята!
О боги праведны и вѣчны!
Обрадуйте сіи мѣста.

Надежда, утѣшай драгая:
Приди скорѣй весна злая.

(Сей народный хоръ пресѣкается сильнымъ громовымъ ударомъ. Театръ постепенно освѣщается, сходящъ облака и закрывающъ часть лѣса; а сцена мало по малу перемѣняется въ весеннія явленія.)

Х О Р Ъ Д Ъ В Ъ.

Оживишесь пошвы льдисшы,
Разпустишесь цвѣтки,
Да сплешемъ изъ васъ душишшы
Милымъ и себѣ вѣнки.

Х О Р Ъ Ю Н О Ш Е Й.

Разстелишесь зелены
Намъ на подвиги луга,
Чшобъ бросашь огонь военный
Мы учились на врага.

Въ сіе время спускаются облака ниже во глубинѣ театра, и сославляющъ изъ себя группу.

Х О Р Ъ Ю Н О Ш Е Й.

Поспѣваетъ наша дань
Дѣвамъ юнымъ и прекраснымъ.

Х О Р Ъ Д Ъ В Ъ.

Ужъ открылося на брань
Поле юношамъ беспрашнымъ.

(Сіи хоры одинъ послѣ
другаго повторяющъ.)

О Б Щ І Й Х О Р Ъ (юношей и дѣвъ.)

Всѣ утѣхи обѣщаетъ
Сердцу радостна весна;
Но еще не доставляетъ
Нѣкихъ намъ блаженствъ она.

(Тупъ указываетъ народъ на сгущенную группу облаковъ и приближается къ ней вмѣстѣ съ жрецами.)

Х О Р Ъ Н А Р О Д А И Ж Р Е Ц О В Ъ. (фуга)

Что за явленье
Снисходишь съ небесъ?
Спранно видѣнье
Рѣдкихъ чудесъ!

(Нижняя часть густыхъ облаковъ, садясь на землю, раздвигается и появляется изъ нея розовый кусъ.)

Х О Р Ъ Д Ъ В Ъ.

Весна открылась красою,
Сплешемъ вѣнки себѣ мы вновь.

(Подбѣгаютъ къ кусу рваныя цвѣты: но въ немъ показывается Любовь въ видѣ младенца. Въ сіе мгновенье разрѣшаются замерзлыя воды, текутъ водопады, лѣсъ и земля покрываются цвѣтами.)

Х О Р Ъ, (народа, жрецовъ, юношей и дѣвицъ.)

Мы видимъ съ юною весною
Родилась нѣжная любовь.

(Дѣвицы поднимающъ на рукахъ Любовь и несутъ ее при повпореніи сего хора на олшаръ, украшенный тогда жъ цвѣтами, на кошоромъ и посшавляющъ.)

Х О Р Ъ Ю Н О Ш Е Й.

Лишь взглянешъ только, вспламенишъ
Намъ къ мужесшву сердца.

Х О Р Ъ Д Ъ В Ъ.

Въ насъ пламенну любовь родишъ
Улыбкою лица.

Х О Р Ъ О Б Щ І Й.

О швердая любовь! злашая
Всего народа цѣпь сердець!
Прославимъ, праздникъ сосшавляя,
Въ тебѣ залогъ благихъ небесъ.

Ю Н О Ш И И Д Ъ В И Ц Ы, (высшупя на средину театра и обращающа къ Любви.)

Сладкая души опрада!
Тяжесшъ золошыхъ оковъ!
Твоего едина взгляда
Ищемъ, жаждемъ мы, Любовь.

Д Ъ В И Ц А.

Есшъли сердце нѣжно, спрасшно,
Милый мой! однимъ шобой,
И ты любишъ: — все прекрасно,
Все прелесшно предо мной.

Ю Н О Ш А.

Естьли сердце нѣжно, спрасно,
 Милая! одной побой,
 И ты любишь: — я безспрашно
 За тебя иду на бой.

Х О Р Ъ Ю Н О Ш Е Й И Д Ъ В И Ц Ъ,

Обладай, Любовь, ты нами,
 Обладай взаимна спрасъ!
 Царствуй, царствуй надъ сердцами,
 Всѣмъ твоя пріятна власъ.

Х О Р Ъ Д Ъ В И Ц Ъ, (поднося Любви розо-
вый вѣнокъ.)

Весенни мы приносимъ дары,
 Да розой жизнь твоя цвѣтешъ.

Х О Р Ъ Ю Н О Ш Е Й, (поднося лавровый
вѣнокъ.)

А мы тебѣ подносимъ лавры,
 Да удивишя славѣ свѣшъ.

Х О Р Ъ Ж Р Е Ц О В Ъ, (поднося вѣнокъ ду-
бовый.)

Явися общихъ благъ Содѣшель,
 Народа радость и краса,
 Любя свящую добродѣшель,
 Преклонь на насъ ты небеса.

(Весь народъ повворяетъ по-
слѣдніе два стиха жрецовъ.)

Сей хоръ сопровождается трубами и лилаврами, подъ копорымъ Корифеи производяшъ пляски, и на посохахъ, увѣщенныхъ цвѣточными плешеницами, соспавляюшъ около олшаря подобіе Храма. — Съ небесъ спускающа къ Любви профей, въ копорыхъ видны лукъ, колчанъ и пламенникъ. — Она надѣваетъ на себя колчанъ, беретъ лукъ и пламенникъ, копорый въ рукахъ ея зажигается. — Имъ она касается профеевъ, между копорыми освѣщается вензловое имя новорожденныя. Жрецы подносяшъ къ Любви жертвенный шреножникъ, на копоромъ она пламенникомъ своимъ зажигаетъ аромашъ. На олшарѣ являешся огненная надпись:

*Блаженство, щастье водворится,
И именею Ея весь Сѣверъ озарится.*

Сей стихъ воспѣвается всеобщимъ Хоромъ и дѣйствіе шѣмъ кончится, что всѣ съ колѣнопреклоненіемъ покланяюща Любви.

VI.

П Р О Л О Г Ъ

на

р о ж д е н і е в ъ с ѣ в е р ѣ

ПОРФИРОРОДНАГО ОТРОКА,

п о ч е р п н у ш ы й

изъ д р е в н я г о В а р я г о - Р у с к а г о

б а с н о с л о в і я ,

в ъ т р е х ѣ д ѣ й с т в і я х ѣ .

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

РЮРИКЪ	—	—	—	—	Великій Князь Новгородскій, родоначальникъ Мо- нарховъ Рускихъ, произ- шедшій отъ Сѣвернаго бога Одина.
ЕДВИНДА	—	—	—	—	его супруга.
ЗНИЧЬ	—	—	—	—	или Май.
ЗИМЦЕРЛА	—	—	—	—	или Весна, его супруга.
ЛЕЛЬ	—	—	—	—	или Купидонъ, ихъ сынъ.
ВАЛКИ	—	—	—	—	небесныя дѣвы, или Граціи.
ЖРЕЦЫ	—	—	—	—	Богослужители. { первые оплеча- ющіяся на главахъ вѣнцами.
ВАРДЫ	—	—	—	—	Пѣснопѣвцы.
ДАЖЬ - БОГЪ	—	—	—	—	Духъ, покровитель сѣвера.
ОГНЯНЫ	—	—	—	—	{ Духи, повелѣвающіе спи-
ВѢТРЯНЫ	—	—	—	—	{ хіями, то есть: Сала-
МОРЯНЫ	—	—	—	—	{ мандры, Сильфы, Наяды
ЗЕМЛЯНЫ	—	—	—	—	{ и Гномы.
БОГЪ ОДИНЪ, и прочіе БОГИ И ГЕРОИ СѢВЕР НЫЕ.	—	—	—	—	{ пирующие въ Валкалѣ, или въ раѣ храбрыхъ. { безъ
ДАГОДЫ	—	—	—	—	или Зефиры. { рѣ-
КИКИМОРЫ	—	—	—	—	или Мечпы. { чей.
РУСАЛКИ	—	—	—	—	или Нимфы рѣчныя.

Дѣйствіе въ старой Ладогѣ, на мѣстѣ, гдѣ
былъ домъ Рюриковъ.

Сей прологъ, какъ и первый, сочиненъ въ одно
время на случай разрѣшенія отъ бремени
Великимъ Княземъ.

П Р О Л О Г Ъ

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ лунную ночь и рощу на берегу рѣки Волхова. Нѣсколько купъ старыхъ дубовъ. Въ ближайшей изъ нихъ виситъ съ огнемъ лампада. Нѣсколько скамей и арфъ. Сквозь шумъ пороговъ и бушующаго лѣса слышны изрѣдка звуки арфъ. Музыка соображается видимымъ предметамъ. Со стороны выходятъ Барды, не менѣе пѣши.

ПЕРВЫЙ БАРДЪ.

Бурлива ночь!

ВТОРЫЙ.

А вѣтръ часъ ошъ часу крѣпчаетъ.

ТРЕТІЙ.

Луна сквозь пучь едва на Волховѣ сверкаетъ,
И слышанъ громъ въ дали. (Луна покрывается облаками и ближнся громъ.)

ПЕРВЫЙ.

Во кущу поспѣшимъ

Ушренневать богамъ. (Въ сіе время спускается на облакъ Дажь - богъ.)

Я В Л Е Н І Е II.

Тѣже и Дажъ - богъ.

ДАЖЪ - БОГЪ, (не видя жрецовъ.)

О роща, гдѣ Одинъ,
И Рюрикъ сѣверный съ Эдвиндой воспѣваемъ,
Жилище Бардовъ! край, богами соблюдаемъ!
Какую радостну тебѣ я вѣсть принесъ!
Судьбы провозвѣщу тебѣ благихъ небесъ.

БАРДЫ, (въ споронѣ между собою.)
Ахъ! что такое? Что? Кто сшелъ со облаковъ?

ДАЖЪ - БОГЪ, (не усматривая ихъ.)

Арія.

Духъ вѣсть радостна волнуешь,
Въ сердце льется живо кровь;
Мною Богъ предзнаменуешь
Сѣверу свою любовь:
Веселись, спрана блаженна,
Озаренна небомъ днесъ! (*Гроза умножается.*)

Молнія въ ночи блистаетъ,
Это знакъ щедротъ боговъ;
Громъ на Западъ ударяешь, —
Это гнѣвъ на злыхъ умовъ:
Трепещи спрана мяшежна!

Казнь тебѣ лешишь съ небесъ. (Спрашно громъ
ударяешь и роща мол-
ніей вся освѣщается
какъ пожаромъ.)

ПЕРВЫЙ БАДРЪ.

Увы! знашь гнѣвъ боговъ!

ВТОРЫЙ.

О милосердый духъ! и роща вся пылаешъ.

ДАЖЬ - БОГЪ.

Не бойшесь! Небо вамъ блаженство предвѣщаетъ.

Я Дажь-богъ, я вашъ другъ, я не предвѣспникъ бѣдъ.

Пускай Перунъ шамъ гидръ спрѣлами грома бѣешъ:

Я вамъ Одиново принесъ благословенье.—

Внимайше: „Онъ вчера, низведъ съ Валкала зрѣнье,

„Окинулъ взглядомъ міръ, зря въ западъ раздоръ,

„На сѣверѣ покой, склонилъ съ улыбкой взоръ

„И повелѣлъ боговъ позвашъ на пированье.

„Усладъ исполнилъ вмигъ всесильно приказанье.

„Всѣ Боги собрались, и въ дружной чашѣ медъ,

„Какъ золошо, блиспаль розъ на ланишахъ цвѣшъ.

„Глава Боговъ сосудъ изъ злапа и порфира

„Велѣлъ себѣ подашь, гдѣ жребьи крылись міра.

„Онъ крышку снялъ, и всѣхъ прекраснѣйшій изъ

Валкъ

„Веселымъ маніемъ очей онъ подалъ знакъ.

„Дѣвица розову десницу проспираешъ,

„И нишокъ клубъ злапыхъ изъ урны вынимаешъ.

„Размашываешъ клубъ, по воздуху лепишъ,

„И свипокъ на помоспъ вдругъ падаетъ священный,

„Печашью огненной совнѣ запечатлѣнный.

„Богъ Царь открылъ печать, внутрь свипка писъ-
мена!

„Въ молчаньи чшущъ, и вдругъ, счастливы пле-
мена

„Народовъ сѣверныхъ!—всѣ боги восклицающъ:

„Потомство Рюрика, какъ онъ подобно самъ,

„Войною нанесетъ страхъ Сены берегамъ;

„Весь сѣверъ соединитъ въ подсолнечну едину,

„Поклонятся всѣ въ немъ всеильному Одину:

„Героевъ тьма, Царей, сольетъ свою съ нимъ кровь,

„Отъ Мая и Весны произойдетъ Любовь.

„Такъ Боги въ свипкѣ чли, и всѣ единодушно,

„Что время сѣверу грядетъ благополучно,

„Велѣли мнѣ предречь младенца рождество:

„Устройтежъ жершвы вы, устройте торжество,

„Идите спѣшно въ храмъ.

ПЕРВЫЙ БАРДЪ.

О благошворный духъ!

О покровитель нашъ! Но чей повѣришь слухъ

Такому божескихъ судебъ предъизреченью

И швоему предъ насъ только чудному явленью?

ВТОРЫЙ.

Родишся опрокъ ли, иль красна дѣва намъ?

Д А Ж Ъ - Б О Г Ъ .

О смертны слабые! не мнѣ, такъ симъ древамъ
Повѣрьте, и звѣздѣ сей блещущей надъ вами.

Я В Л Е Н І Е III.

Показывается межъ облаковъ Сѣверная звѣзда.
На дубахъ огненные надписи: отрокъ. Дажь-Богъ
на облакѣ пико возносився. Барды падаютъ на
колѣна и съ умиленіемъ поютъ:

Д У Э Т Ъ .

Духъ добрый, свѣшлый, лучезарный!

Мы вѣруемъ тебѣ.

Виждь наши души благодарны,

Внемли ны сей мольбѣ,

И вознеси ее въ чертоги,

Гдѣ вѣчно торжествуютъ Боги.

Т Р Е Т І Й Б А Р Д Ъ .

Нашъ долгъ провозвѣсшить, что сдѣлалось съ нами.

(Входящъ въ кущу, принимаются
за арфы и соспавляютъ съ повпо-
реніемъ оныхъ общій хоръ, смотря
съ воспоргомъ на звѣзду.)

Х О Р Ъ.

Внемлите всѣ народы свѣта!
 Одиновъ распворенъ черпогъ,
 Благословляешъ свверъ Богъ,
 Сіяешъ новая планета!

П Е Р В Ы Й Б А Р Д Ъ.

Теперь мы поспѣшимъ въ Одиновъ храмъ,
 И жерпву принесемъ съ жрецами шамъ Богамъ.
 (уходящъ)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Я В Л Е Н І Е I.

Театръ представляешъ царство Сѣвера. — Дремучій лѣсъ, покрытый инеемъ, посреди коего Гошическій серебряный черпогъ и пронъ. На возвышеніи онаго сидятъ Рюрикъ и Эдвинда. Ниже предъ ними виситъ колыбель подъ шуманомъ. — Ее качающъ съдые мразы и океаны. Съ небесъ, подобно лѣспвицѣ, къ прону облака. На нихъ видны Мечпы и Зефиры, помагающіе на колыбель крылами. — Съ самаго верха слышны голоса чепырехъ Валкъ.

К В А Р Т Е Т Ъ (тихо)

Спи, дитя, ты спи, любезно,
 Въ буряхъ, мразахъ возрастай:
 Мужество тебѣ полезно,
 Нѣгу, роскошь презирай.

Ты рождень на свѣтъ судьбою
 Ради царскаго вѣнца;
 Въ нуждахъ дай примѣръ собою,
 Правдой покори сердца.

Р Ю Р И К Ъ.

Военны зрѣлища вы, сны! ему мечпайше,
 Мечами о мечи въ слухъ шихо ударйше;
 Пускай онъ въ юности привыкнеть видѣть брань
 И поражашъ, какъ я. (Мечпы, сошедъ съ обла-
 ковъ, въ балешъ сѣкупся
 мечами, и представля-
 ютъ разныя военныя дѣй-
 ствія.)

Э В Д И Н Д А.

А вы, Зефиры! дань
 Играніемъ ему и рѣзвостью плашите.
 Порфирородныхъ долгъ, не брань одна, внушите,
 Имъ надлежитъ еще изящнѣйшая часъ:
 Бытъ крошкими, какъ я. (Зефиры сходятъ съ
 облаковъ, и въ другомъ
 балешъ представля-
 ютъ разныя дѣйствія
 милосердія и щедрости;
 попомъ совокупно съ
 Мечпами соспавля-
 ютъ веселый панець.)

Я В Л Е Н І Е II.

Огняны, вѣтряны, моряны и земляны,
предводишельствуемые подѣ великолѣпнымъ мар-
шемъ Дажь - Богомъ, приносятъ съ собой въ
разныхъ сосудахъ новорожденному дары.

ДА Ж Ъ - Б О Г Ъ.

Надѣ всѣмъ имущій власпъ,
Богъ неба и земли и всей Господь вселенной,
И боги прочіе изъ вѣчности священной
Прислали опроку дары:

О Г Н Я Н Ъ.

Со мною огонь и громъ,
Духъ мужесшвенный, мечъ, шуль спрѣль, шеломъ.

Р Ю Р И К Ъ.

Къ зашпѣ нужный даръ. (Помаваепъ, и духи кла-
душъ дары предѣ шро-
номъ.)

В Ъ Т Р А Н Ъ.

Со мной красу прелесшну
Лица, пріятности и чиспощу небесну.

Э Д В И Н Д А

Любезный всѣмъ!

(поже по мановенію дѣлають.)

М О Р Я Н Ъ.

Со мной, раждаемы въ моряхъ
Кораллы и жемчугъ, и щасье на водахъ.

(по же)

З Е М Л Я Н Ъ.

Со мною прислано обиліе, убранство,
И злато и серебро, несмѣнное богатство,
Которое пворишь блаженство на земли,
И все, чѣмъ смертные блистали гдѣ, цвѣли.

(по же.)

Д А Ж Ъ - Б О Г Ъ.

А мнѣ ему еще къ тому всѣхъ благъ Содѣтель
Во грудь вдохнуть велѣлъ небесну добродѣтель.

(Подходишь къ колыбели и
дуешь на младенца.)

Р Ю Р И К Ъ.

О коль прекрасный даръ!

Э В Д И Н Д А

Прекраснѣйшій изъ всѣхъ!

Д А Ж Ъ - Б О Г Ъ.

Въ единомъ дарѣ семь несчетны шьмы ушѣхъ.

В С Е О В Щ І Й Х О Р Ъ.

Ты, добродѣтель! всему красота,

Дверь ты небесъ!

Солнце и свѣта ты лѣпоша,

Краше ты звѣздъ!

Опроку въ перси юны и нѣжны
 Чаше дыхай,
 Въ сердце спрахъ Божій, мысли смиренны
 Въ душу вливай.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ зеленый священный холмъ, на немъ въ опверсшой ропондѣ преизящный храмъ, а предъ ними лугъ окруженный рощами. — Рюрикъ и Эдвинда сядящъ въ споронѣ подъ балдахиномъ на полукружномъ шронѣ. — Жрецы и Барды внушрь храма предъ олшаремъ, на копоромъ горитъ благоуханный огонь. — Надъ храмомъ въ свѣшлыхъ облакахъ видѣнъ Валкаль, гдѣ по срединѣ во всемъ оружіи спойшъ Богъ Одинъ, а по обѣ спороны его другіе Сѣверные боги, Герои и Валки. — Дажъ-Богъ въ низу у шрона Рюрикова.

ДУЭТЬ Жрецовъ и Валкъ, повторяемый Бардами на арфахъ.

ЖРЕЦЫ.

Се жертва непорочна,
 Горишъ чистѣйшій огонь:
 Изображаетъ точно
 Душъ нашихъ пламень онъ. (Имъ опвѣшш-
 вуюшъ, какъ эхо,
 съ Валкала двѣ
 Валки.)

В А Л К И.

Какъ розъ благоуханье,
 Восходишь къ нему дымъ:
 Такъ душъ сихъ изліянье
 Внеслось къ мѣстамъ святымъ.

Ж Р Е Ц Ы.

Услышь, услышь моленье,
 И нашихъ гласъ похваль;
 Исполнь благоволенье,
 Которо обѣщаль.

В А Л К И.

Услышано моленье,
 Пѣснь ваша приняша;
 Боговъ благоволенье
 Вамъ: Май, Любовь, Весна.

О Б Щ І Й Х О Р Ъ

Жрецовъ и Валкъ. (Громогласно)

Услышано моленье,
 Пѣснь наша приняша,
 Небесъ благоволенье
 Грядешъ въ сіи мѣста.

ДАЖЬ - БОГЪ.

О какъ я радуюсь! какъ духомъ веселюся!
Молишва принята! Дождуся я, дождуся,
Когда сюда слепяшъ младыя божесшва
Въ сіяньи ихъ лучей, во славъ торжесшва.

СТАРШІЙ ЖРЕЦЪ. (Въ священномъ
воспоргъ предъ
олшаремъ.)

Я вижу опроча, неслыханно, чудесно,
И пѣломъ и душой божесшвенно, прелесшно!
Печашью въ вѣчноши онъ былъ запечашлѣнь,
Вознакъ: чшо рѣдкій даръ имъ въ свѣшъ произведенъ.
Чшо съ клуба въ бездну нишъ шянулася злашая,
То знаменье, чшо жизнь продлишся дорогая;
Чшо благовонная изъ урны вышла мгла,
То пользой осѣняшъ весь міръ его дѣла,
И словомъ: будешъ онъ великъ между Царями.

Уже распешъ! —

МЛАДШІЙ.

Но будшо пѣнный холмъ вспаешъ между цвѣшовъ.
Его священное названье: Лель, Любовь!

СТАРШІЙ.

Его родишель Зничъ. Такъ свѣплъ, какъ Май, лучами.

МЛАДШІЙ.

Зимцерла мать его, весна, заря красами!

Р Ю Р И К Ъ.

Ужъ вижу обоихъ я ихъ небесъ въ лучахъ!

Э Д В И Н Д А.

Лешяшъ любезные на легкихъ облакахъ!

Д А Ж Ъ - Б О Г Ъ.

Лешяшъ всѣмъ милые, прекрасные, молодые,
Лешяшъ сюда отецъ и мать и сынъ съ высотъ:
Какое множество въ сихъ божествахъ красотъ!

Х О Р Ъ О Б Щ І Й.

Восторгъ нашъ умъ плѣнишъ,
Вся млещъ кровь:
Весна и Май лепишъ,
При нихъ Любовь!

Я В Л Е Н І Е II.

Тѣ же, и на свѣшломъ облакѣ являющся
Зничъ, зимцерла и лель, (которыя по-
юшъ.)

Т р і о.

По вашему прошенью
Съ небесъ лешимъ,
Боговъ по мановенью
Природу обновимъ.

<i>Зничь.</i>	<i>Зимцерла.</i>	<i>Лель.</i>
Я васъ лучами Попшуся просвѣ- пишъ, Наукъ вѣнцами И щаспьемъ на- дѣлишъ.	А я цвѣтами Попшуся разцвѣ- пишъ, Злапыми днями, Блаженствомъ наградишъ.	А я спрѣлами Попшуся уяз- вишъ, Владѣть сердца- ми, Любя, любимымъ бышъ.

(Мечутъ на землю цвѣты и золотыя спрѣлы.)

Я В Л Е Н І Е III.

Множесство Зефировъ и Нимфъ, выбѣгая изъ рощей, подбираютъ цвѣты и спрѣлы: одни прикалываютъ ихъ къ груди, другія вшыкаютъ за поясъ. Въ концѣ сославляютъ торжественный балетъ.—Рюрикъ и Эдвинда смотрятъ съ прона, Жрецы и Барды изъ Храма; Зничь, Зимцерла и Лель съ облаковъ: а Дажь - Богъ близъ прона.

Р Ю Р И К Ъ И Э Д В И Н Д А (по окончаніи балета подошедъ къ облаку.)

Р Ю Р И К Ъ .

Сойдише, милыя, боговъ по повелѣнью.

(Въ сіе время въ Валкаль Богъ Одинъ и прочіе Боги и Герои Сѣверные звучатъ въ щипы, показывая шѣмъ свое согласіе.)

Э В Д И Н Д А

Упѣшьте нашъ народъ.

З Н И Ч Ъ.

Я ихъ соизволенью

Покорствую всегда.

З И М Ц Е Р Л А.

Сойду.

Л Е Л Ъ.

И я сей часъ. (Облака осѣдаютъ на
землю.)

Ж Р Е Ц Ы.

Уже священный щипъ готовъ тебѣ у насъ.

(Барды берутъ изъ храма щипъ,
а изъ рукъ Знича и Зим-
церлы Леля, котораго спа-
влятъ на щипъ и несутъ на
пронъ, на коемъ сидяще Рю-
рикъ, Эдвинда, Зничъ и Зим-
церла принимаютъ его на свои
руки.)

Д А Ж Ъ - Б О Г Ъ

Се опрокъ, мною вамъ, о Барды! предреченный:
Воскликнемъ гимнъ ему торжественный, священ-
ный!

Х О Р Ъ, (общій на театръ и въ
Валкалъ.)

О юноша! о плодъ прекрасный!
Намъ купно съ розами родясь,
Какъ упренней зари блескъ ясный,
Какъ нѣжна лилія, смѣясь,
Распи, дышя, Зимцерлы въ лонѣ
И Зничя подъ злапымъ щипомъ;
Блиспай на Рюриковомъ пронѣ
Нашъ юный Лель, какъ лучъ лицомъ!

VII.

Д О Б Р Ы Н Я,

ТЕАТРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ

С Ъ М У З Ы К О Ю,

В ъ п я т и д ѣ й с т в і я х ъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Владимиръ, Великій Князь Кіевскій.
Силоумъ, — первый его бояринъ.
Добрыня, — богатырь Новгородскій, сродникъ Вла-
димира
Прельпа, — Княжна Изборская, невѣста Владими-
рова.

ЗМЪЙ ГОРЫНЫЧЬ, — — { Царь и чародѣй Бол-
ЗМЪУЛАНЪ ЗМЪУЛАНЫЧЬ { гарскій.
ТУГАРИНЪ ТУГАРИНЫЧЬ, {

спосова, наперсница Прелѣпы.
торопъ, конюшій Добрынинъ.
добрада, жрица и волшебница Холмогорская.
среброврады, бояре Владимировы, соспавляющіе
верховную думу.

жрецы, изъ нихъ главный только съ рѣчьми.
сотникъ, начальникъ спражи врагъ градскихъ.
часовой, на башнѣ.

ДВА ВЪСТНИКА,
ГЕРОЛЬДЪ.

в ирючъ, — Герольдъ Тапарской.

дворъ владимировъ,—Рынды, или Пажи, Боярышни, или дѣвицы, живущія въ Княжескомъ перемѣ. всѣ безъ рѣчей, а только

ВЪДЪМА.

войски { Рускія.
 { Тапарскія.

НАРОДЪ.

Дѣйствіе въ сполічномъ городѣ Кіевѣ, при
окончаніи идолопоклонства.

Д О Б Р Ы Н Я,
ТЕАТРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ
въ пяти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляешь въ упренномъ мракѣ при рѣкѣ Днѣпрѣ городъ Кіевъ. — На спражевой башнѣ часовой; вблизи, въ кустарникѣ, лежишь градская спража, а вдали шапры.

Я В Л Е Н І Е I.

ДОБРЫНЯ и ТОРОПЪ.

ТОРОПЪ.

На Княжескомъ лугу, въ зеленомъ лукоморѣ,
Добрыня! своего пуспиль гуляшь коня.

ДОБРЫНЯ.

Спасибо Торопу! утѣшилъ ты меня.

ТОРОПЪ.

Да тамъ же на раздольѣ,
Какой-то спрашный чорпъ, знашь вишязь, Князь
Ташарской,
Къ намъ подсосѣдилъ свой шаперъ.

Часть IV.

7

Д О Б Р Ы Н Я.

Хошя бы на примѣрь
И Царь Чипчашской:
Какая въ помъ бѣда?

Т О Р О П Ъ.

Однакожь вѣдь Орда
Не шумишь иногда.

Д О Б Р Ы Н Я.

Не бойсь!

(По воздуху лешишь огненный змѣй.)

Т О Р О П Ъ.

Ай змѣй! ай змѣй по воздуху лешишь!
И слышь, какъ искрами орешъ, свиспишь, шумишь.

Д О Б Р Ы Н Я.

Спой знай! — и не спрашися.

Три раза молвь: аминь, аминь, (*) разсыпсья!

(поюшь въ два голоса.)

Т О Р О П Ъ.

Аминь, аминь, разсыпсья! —

Боюся я его!

(*) Слово сіе и у язычниковъ какъ прежде, шакъ и
нынѣ, упопреляется.

Д О Б Р Ы Н Я.

Пустое! не спрашися,
Не будешь ничего.

Т О Р О П Ъ.

Вѣдь эдакіе змѣи
Тьмы дѣлають проказъ.

Д О Б Р Ы Н Я.

То басни и запѣи
И глупыхъ бабъ разсказъ.

Т О Р О П Ъ.

Влепають въ дома, въ башни,
Пролазять и сквозь спѣнь.

Д О Б Р Ы Н Я.

Любовныя по шашни,
Дѣвъ выдумки и женъ.

Т О Р О П Ъ.

Цѣлуютъ и милуютъ
Украдкой и во снѣ.

Д О Б Р Ы Н Я.

Спарухи такъ полкуютъ,
И вздоръ, повѣрь въ шомъ мнѣ.

*

Т О Р О П Ъ.

Аминь, аминь, разсыпья!

Боюся я его.

Д О Б Р Ы Н Я.

Пустое! не страшися,

Не будешь ничего.

И мы межъ шѣмъ какъ здѣсь вспаешь заря злашая,

Природу освѣщая,

Хопъ полюбуемся на городъ глядя сей.

(Восходитъ солнце.)

Какой воспоргъ очей!

Т О Р О П Ъ.

Ужъ подлинно сказать! — Вѣдь это Кіевъ?

Д О Б Р Ы Н Я.

Во всей подсолнечной межъ городовъ звѣзда.

(поетъ одинъ.)

Ахъ! Сполица это солнышка

Свяшославича, Князя Рускаго,

Ахъ! шого ли Володимира!

Сколько башень бѣлокаменныхъ!

Сколько злаповерхихъ перемовъ!

Словно жаръ они въ печи горяшъ.

Т О Р О П Ъ.

И впрямъ! смопри, какъ шамъ опъ шерема пре-
красна

Поверхъ Днѣпра спруя, что свѣчка блещетъ ясна.

Д О Б Р Ы Н Я.

Не въ семь ли перемѣ, что краше въ свѣтѣ нѣтъ,
Моя возлюбленна живешь?

Т О Р О П Ъ.

Твоя возлюбленна?—Ба, Рыцарь мой любимый!
Железный, каменный, никѣмъ непобѣдимый!
Свое ли говоришь мнѣ ты?

Д О Б Р Ы Н Я.

Увы, Прелѣпы красоты. . . .

Т О Р О П Ъ.

Ну, вошь тебѣ и сказка!

А шамъ хошь объ закладъ, немудрена развязка:

Влюбился молодецъ

Въ владычицу сердцецъ! (поетъ одинъ,
передражнивая.)

У ней очи соколиныя,

У ней брови соболиныя,

Посшупъ тихая павлиная,

Грудь высока, лебединая:

Не такъ ли, какъ во всемъ красавицѣ бытъ должно?

Какъ въ солнце, на нее—слышь—посмотрѣшь
не можно.

Д О Б Р Ы Н Я.

Ты шушишь, Торопъ, мной.

ТОРОПЪ.

Да гдѣ же, Расскажи, когда въ нее влюбился?
 Мы придевяшь земель проѣхали съ побой:
 А ты чрезъ три года мнѣ въ эшомъ изъяснился.

ДОБРЫНЯ.

Завѣдала одна шо молодецка грудь:—
 Но слушай, еспѣли такъ—лишь скромень будь,—
 Я пайну всю тебѣ опкрою,
 Чѣмъ споль себя я безпокою.
 Мнѣ помощь, вѣрный другъ, теперь твоя нужна;
 Прелѣпа милая, Изборская Княжна,
 Влюбленною въ меня была еще измлада;—
 И словомъ, съ той поры, какъ мудрая Добрада
 Во капищѣ боговъ, во Холмоградѣ, насъ
 Воспишывала съ нею вмѣстѣ,
 Не выпускаючи ее изъ спрасшныхъ глазъ,
 Вдыхаю я о ней, какъ о моей невѣстѣ.
 Средь пиршесствъ, средь боевъ, средь рыцарскихъ
 превогъ,
 Средь женскихъ прелеспей, занявшись я не могъ
 Никѣмъ другимъ, какъ ей.—Вездѣ искали очи
 Ея, средь свѣтла дня, средь темной ночи;—
 Ее одну люблю, храню въ душѣ моей:
 А днесъ, о Боги!
 Колико мнѣ явились вы спроги!
 Я слышу, что она въ столицѣ сей.

ТОРОПЪ.

Такъ сильно, знашь, шебя кручина обуяла,
О милый Рыцарь мой! Да дѣло то, ну въ чомъ?

Я В Л Е Н І Е II.

Звукъ слышанъ рога, и тогда же упадаешъ
спрѣла предъ башнею.

Ч А С О В О Й, (на башнѣ.)

Къ ружью! спрѣла упала. (Спража спаш-
новишся въ по-
рядокъ.)

С О Т Н И К Ъ.

Ахпи! еще и съ ерлыкомъ!
Иль бусурманска нѣка сила
Ошкуда привалила,
И богатырь какой
Нахлынуль къ намъ съ грозой?—
Да чпожь? Вѣдь Рускіе не кажутъ тыла,
Намъ не знакомишся съ войной:
Пойду я къ Князю со спрѣлою,
А вы здѣсь безъ меня управьшеся съ зарёю.

(уходишъ.)

(На башнѣ слышны бубны и съ
сиповками тихое пѣніе; спража,
снявъ шапки, преклоняешъ копья.)

Х О Р Ъ.

О Хорсь! Перунь! О Лель! О Лада!
 Хранише Князя, спѣны града;
 И тихой какъ зари восходъ,
 Да Руской такъ цвѣшешь народъ!

Д О Б Р Ы Н Я.

Враша ужъ града отворились!

Т О Р О П Ъ.

И люди, посмотри, какъ въ нихъ зашевелились!

Д О Б Р Ы Н Я.

Великій Князь идешь, пойдемъ:
 Иль нѣтъ, останься здѣсь съ собраньемъ шы при-
 дворнымъ,
 Развѣдай о Княжнѣ, развѣдай обо всемъ:
 Яжъ, скрывшись до поры, пребуду незнакомымъ.
 (Уходишь.)

Т О Р О П Ъ.

А! а! чтобъ опгадашь, не спраша много словъ,
 Я вижу для чего вильнуль соколъ въ Сполицу:
 Ну, сирѣчь, поймашь подъ небомъ шамъ синицу.
 Да что бы ни было, я съ нимъ на все гошовъ.

Я В Л Е Н І Е III.

Владимиръ, съ Княжескимъ жезломъ въ рукахъ, сопровождаемый Силоумомъ и придворными.

В Л А Д И М И Р Ъ.

Кто такъ на Рускіе предѣлы
Дерзаетъ смѣло наступать,
Мешать на нихъ враждебны стрѣлы
И браннымъ рогомъ возбуждать
Опъ сна Владыку полвселенной?—
Или не знаешь онъ, невѣрной!
Какъ спрашенъ Руской Князь, какъ силенъ, зна-
менишь?
И можешь ли онъ чьихъ въ брань вызововъ
бояться?
Война Россіянамъ—лишь случай прославляться.
Взойди скорѣе ты на башню, Силоумъ!
И въ сребренный ударъ шамъ дѣдовъ звучный щипъ,
Да потрясешь его сердца и души шумъ,
Въ спранахъ раздавшись полсвѣша.

С И Л О У М Ъ.

Усердіемъ къ тебѣ грудь Руская согрѣла:
Исполнися сей часъ Владимира приказъ.
(Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е IV,

Тѣже и два вѣстника,

В Ъ С Т Н И К И.

(Оба вмѣспѣ)

Спасай и защищай, Великій Князь!

П Е Р В Ы Й В Ъ С Т Н И К Ъ,

Ташары все швое владѣнье раззорили.

В Т О Р Ы Й В Ъ С Т Н И К Ъ.

Разграбили жильє, народы порубили.

(Оба вмѣспѣ.)

И головнею всю Россію покашили.

В Л А Д И М И Р Ъ.

О Боги праведны! О злобный, спрогій рокъ!

Для добраго Царя какъ сей урокъ жестокъ!

(споишъ въ задумчивости.)

Х О Р Ъ П Р И Д В О Р Н Ы Х Ъ.

Кшо въ бѣдспвахъ спонешъ, унываетъ,

Великія души въ помъ нѣшъ:

Война обиды опмщеваетъ,

Въ согласіи содержишъ свѣшъ.

И нынѣ ль въ Рускихъ духа нѣшу?

Вели, — пойдемъ, покажемъ свѣшу!

(Слышанъ звукъ щипа.)

В Л А Д И М И Р Ъ.

Но ежели на брань ишши мнѣ неизбѣжно
И проливать народа кровь,
Не должно ли сперва размыслить намъ прилѣжно:
Начать войну велишь къ опечесшву ль любовь?
Пожду, что скажешь Дума мнѣ?

Я В Л Е Н І Е V.

Тѣже, Силоумъ и Сребробрады.

С И Л О У М Ъ.

Щишь прогремѣль твоей странѣ.

С Р Е Б Р О Б Р А Д Ы.

Предъ свѣшное лице явились Сребробрады:
Что повелишь Великій Князь?

В Л А Д И М И Р Ъ.

Опечесства сына, щипы, сполпы, ограды!
Совѣща я прошу у васъ.

С Р Е Б Р О Б Р А Д Ы.

Мы рады.

ВЛАДИМИРЪ.

По мѣстамъ!

(Сребробрады становятся въ полциркуля. — Владимиръ сперва на правой, потомъ на лѣвой рукѣ, шепчетъ на ухо ближнему стоящимъ, и отходя говоритъ:)

Я время вамъ

Даю на размышленье. (Сребробрады тихо совѣщаются между собою.)

ХОРО.

Кто въ бѣдѣвахъ спонешъ, унываетъ,
Великія души въ шомъ нѣшъ:
Война обиды отмщеваетъ,
Въ согласіи содержишъ свѣшъ.
И нынѣ ль въ Рускихъ духа нѣшу?
Вели, пойдѣмъ, покажемъ свѣшу.

СИЛОУМЪ *Сребробрадамъ.*

Князь ждетъ рѣшенья.

СРЕБРОБРАДЫ.

Сердца Царей въ рукѣ Боговъ.

СИЛОУМЪ, (будто про себя.)

Не рубяшъ, не казняшъ пословъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Хошите вы приняшъ посольство отъ злодѣя?

СРЕБРОВРАДЫ.

Мы тако разумѣя.

(Кланяющся.)

СИЛОУМЪ.

Глаголь швой намъ законъ свяшой:

Всѣ соглашающся съ тобой.

ВЛАДИМИРЪ.

Велишежъ мнѣ принести скорѣ лукъ и стрѣлы.

СИЛОУМЪ, (опходя.)

Велико дѣло есть совѣщъ подавашъ:

Но болѣе того умѣшъ ихъ принимаешъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Я вашимъ разумомъ спасу мои предѣлы,

И безъ сомнѣнія, совѣшъ вашъ будетъ благъ;

Онъ поданъ ревностью, къ Опечеснву любовью,

И вѣрно не въ однихъ исполнишся словахъ:

Не придетъ больше врагъ багришься Руской кровью.

ХОРЪ.

Кто въ бѣдстввахъ спонешъ, унываетъ,

Великія души въ шомъ нѣшъ:

Война обиды опмщеваетъ,

Въ согласіи содержишъ свѣшъ.

И нынѣ ль въ Рускихъ духа нѣшу?

Вели, пойдемъ, покажемъ свѣшу.

Я В Л Е Н І Е VI.

Тѣ же и Силоумъ въ великолѣпномъ послѣдованіи народа. — За нимъ Рынды на богашыхъ подушкахъ несутъ въ налучѣѣ лукъ, а въ шулѣ стрѣлы, изъ коихъ къ одной привязанъ ерлыкъ.

СИЛОУМЪ.

На силу шестеро мы лукъ напратли швой,
Что прадѣдъ напягалъ одинъ швой, самъ собой.

ВЛАДИМИРЪ.

Къ чему же съ пышностью такою,
При томъ съ народною толпою? —
Я блеска не терплю.

СИЛОУМЪ.

За шѣмъ, что я шебя люблю.

(Тихо.)

Народъ души швоей никакъ не поспигаешь,
На внѣшность смопришь онъ, по оной уважаешь;
И повинуюешься охотнѣе тому,
Неравнымъ зришься кто ему.

ВЛАДИМИРЪ.

Куда пусшишь стрѣлу: на лѣво, иль на право?

СРЕВРОБРАДЫ (кланяющся.)

Царь судишь здраво.

СИЛОУМЪ, (указывая.)

Шатры разкинушы, мнѣ мнишся, шамъ.

СРЕБРОБРАДЫ.

Такъ, впрямъ.

ВЛАДИМИРЪ, (спуская стрѣлу.)

Щасливый пушъ!

ТОРОПЪ, (высоча изъ народа
въ спорону.)

Ужъ какъ

Воспруха загремѣла,

Запѣла, засвиспѣла,

И прямо къ небу полешѣла!

СИЛОУМЪ, (къ народу.)

Щасливый эшо знакъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Знашъ дѣло наше право. (Уходишъ и всѣ за
нимъ.)

ХОРЪ НАРОДА.

Стрѣла запѣла, засвиспѣла,

И прямо къ небу полешѣла:

Такъ дѣло наше право;

Царь судишъ здраво,

Здраво, здраво,

Право, право!

—

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ Гошической заповѣрхій Княжны Прелѣпы теремъ, окнами и лѣспницей на берегъ рѣки Днѣпра. Противъ его съ другой стороны площадь, на коей для зрителей ложи, а между ими мостъ чрезъ рѣку, вновь усроенный.

Я В Л Е Н І Е I.

С П О С О Б А одна.

И мостъ гошовъ!—Такъ знашь великолѣпный Назначень въѣздъ. Но что здѣсь невидашь Прелѣпы Въ ея прогулки часъ?

П Р Е Л Ъ П А. (Въ теремѣ подъ окош-комъ поетъ, сопровож-дая голосъ свой арфою.)

О опрада дней мучишельныхъ!
Въ скукѣ, въ грусти облегченье мнѣ!
Образъ мыслей восхищительныхъ,
Гдѣ ты? гдѣ ты? во какой странѣ?
Посреди ли лѣса шумнаго?
Посреди ли степи знойной ты?
Посреди ли моря бурнаго?
Гдѣ твои сокрылись красоты?
Пролепая всю вселенную,
Мыслью въ ней себя вездѣ ищу;
Въ душу спрасно воспламененную,
Возвратишь тебя себѣ хочу.

СПОСОБА.

Что за унылый сонъ?

И пѣсенки такой причина бы какая?

А! вошь она сама.

(Прелѣпа сходитъ по лѣстницѣ,
а Способа успаняется.)

ПРЕЛѢПА.

О сонъ! о спрашный сонъ!

Мечта ужасная, полъ люшая, полъ злая!

Казалось, змѣй его сглопиль! — Я препену!

Добрады полъко щипъ. . . .

СПОСОБА (подходя къ Прелѣпѣ.)

Давно тебя ищу

Я, милая Княжна!—Но что ты такъ уныла?

ПРЕЛѢПА.

Какая радость мнѣ?

СПОСОБА.

Какъ! развѣ, ты забыла

О щасіи своёмъ?

ПРЕЛѢПА.

Какомъ?

СПОСОБА.

Ну, что невѣста ты Владѣшеля шакова,

Монарха Рускаго, прекраснаго, младава,

Часть IV.

8

Кошорый славою, сіяньемъ окружень;
 Предметъ вздыханія прелесныхъ многихъ женъ,
 О комъ ни написашъ,
 Ни разскашъ
 Не лзя красиво:
 А ты на все сіе шакъ смощишь горделиво!

ПРЕЛЪПА.

Да кто тебѣ сказалъ, чшобы невѣсшой я
 Изъ всѣхъ моихъ подругъ ему ужъ нареченна?

СПОСОБА.

Изрядно, коль шеперь усердная моя
 И вѣрная тебѣ шакъ служба заплаченна!
 Пришворствуй, лицемѣрь, лукавъ, скрывай, Княжна
 О шомъ, чшо вѣдаешъ ужъ вся сія сшрана.

ПРЕЛЪПА.

Ахъ! нѣшъ, Способа! нѣшъ, шоль скромностію злою
 Не упрекай меня.

СПОСОБА.

Да Князь помолвилъ вѣдь съ шобою?

ПРЕЛЪПА.

Никакъ.

СПОСОБА.

Да городъ весь. . . .

ПРЕЛЪПА.

Напрасно до себя дошла шоль лжива вѣспь.

СПОСОБА.

Гласъ Божій говоришь, коль говоришь сполица.

ПРЕЛЪПА.

Не знаю ничего.

СПОСОБА.

Послушай же меня

Ты, юная дѣвица!

Скажу, не лѣспя тебѣ и не маня,

О чемъ всѣ знаютъ совершенно:

Твоею красою Княжое сердце пѣнно.

ПРЕЛЪПА.

Способа! ты меня въ томъ хочешь увѣряшь,

О чемъ, мнѣ кажется, не лѣзя тебѣ и знать.

СПОСОБА, (разсердяся поетъ.)

Знаю, знаю я не ложно: —

Лѣзяль наперсницамъ не знашь,

Чшо имъ надобно и должно,

И чшо можешь составлять

Ихъ госпожъ въ любви успѣхи,

Тайны, радости, успѣхи?

Знаю, знаю я не ложно: —

Лѣзяль наперсницамъ не знашь,

Чшо имъ надобно и должно,

И чшо можешь исполнять

*

Ихъ госпожъ сердець желаньи,
Вздохи, грезы, ожиданьи?

Знаю, знаю я не ложно.—

Льзяль наперсницамъ не знашь?

ПРЕЛЪПА.

Коль знаешь, шакъ скажи пожалуй, какъ?

Какимъ по образомъ, какой судьбою,

Я спала у тебя невѣстою Кнѣжою?

СПОСОБА.

Послушай же, вопъ шакъ:

По волѣ какъ его здѣсь собраны дѣвицы,
Въ супруги чшобъ ему краснѣйшую понятьъ,
Къ великолѣпью сей родишель швой споллицы
Позволилъ и шебѣ въ ихъ шеремѣ предспашь.
Ужъ годъ прошель, какъ шы въ кругу сего собранья
Оспориваешь всѣхъ достоинспвы, Княжна!—
Хотъ пошемняются предъ солнцемъ звѣздъ сіянья,
Но часто безъ друзей и прелесшь не сильна:
А для того, чшобъ нравъ швой оказаць и душу,
И внушренню красу съ наружной согласишь,
Спаралась я склонишь наперсницу Малушу,
Чшобъ чрезъ нее шебя предъ Княземъ опличишь.
Доспигла до того: она мнѣ другомъ спала,
И возведя къ себѣ ночныхъ сидѣльницъ въ ликъ,
Ни въ чемъ передо мной себя ужъ не скрывала,
Свободный даже входъ опверзла и въ шайникъ,
Ошколь нерѣдко мы на садъ смопрѣли чудный,

На васъ прекрасныхъ дѣвъ!—Я вижу какъ шеперь,
Въ одну тишайшу ночь, въ блистательный часъ
лунный

Съ наперсницей отверзъ въ повалушу Князь дверь,
И тихо проходя ряды красавицъ нѣжныхъ,
Смотрѣлъ, ихъ обходя въ глубокомъ спящихъ снѣ;
Но свѣтъ луны какъ палъ на верьхъ возглавій
снѣжныхъ

И ясно освѣпилъ ихъ лица въ тишинѣ:
Какія красоты во мракѣ возблиспали!
Румянецъ на щекакъ, казалось, горѣлъ,
Лилей на грудяхъ сквозь тонку шкань блиспали.
Великій Князь, смотря на нихъ, оцѣпенѣлъ
И долго онъ, стоя въ безмолвьи, колебался;
Не зналъ, копорую копорой предпочесть:
Замѣтяжъ между ихъ, что ангель улыбался,
И, руки вверьхъ взмахнувъ, хотѣлъ какъ бы лепѣть,
Онъ взялъ одну изъ нихъ и въ жилки голубыя
Увидя розову текущу тихо кровь,
Прижалъ къ своимъ уснамъ, чптя признаки благія,
Въ сей дѣвъ, возгласилъ, живешь моя любовь! —
Сказалъ,—и взоръ возвелъ на взшедшую зарницу:
„О Лада! Мать упѣхъ, такъ ты своимъ лучомъ
„Мнѣ показала всѣхъ краснѣйшую дѣвицу —
„Благодарю тебя., — И вышелъ пошчасъ вонъ
Изъ спальни крадучись и тихими спопами,
Малушѣ повелѣлъ предъ всѣми отлечашъ

Тебя почпеніемъ, уборами, сполами;
 Жемчугомъ, серебромъ и злапомъ осыпашь. —
 И я сама съ шѣхъ поръ богаче содержуся:
 Ну послѣ - то сего, что скажешь ты шеперь?

ПРЕЛЪПА.

Увы!

СПОСОВА.

Пожалуй, хошъ еще не вѣрь.

ПРЕЛЪПА.

Тревожуся, мяшуся!

Я В Л Е Н І Е II.

Тѣже и Торопъ, (который, пришедъ
 тихо, весь слышалъ
 разговоръ Способи.)

ТОРОПЪ.

Я вашей милосши, Царевна, покланяюсь.

ПРЕЛЪПА.

Кто ты? О чемъ?

ТОРОПЪ.

Я Торопъ называюсь;

И вошъ о томъ

Я даже до лица земнова. . . (кланяется
 въ землю.)

ПРЕЛЪПА.

О чомъ, о чомъ?

И мнѣ?

ТОРОПЪ.

Опъ рыцаря младова.

СПОСОБА.

Да кто ты, говорящъ: за чѣмъ, и опъ какова
Ты рыцаря сюда къ кому пришолъ?

ТОРОПЪ.

Я конюхъ богатырской
И вошъ пришелъ. . . (*въ сторону*) какъ бишь? . .
Захрюснуло въ умѣ.
(*потираетъ лобъ*)

ПРЕЛЪПА.

На чпожъ ко мнѣ?

ТОРОПЪ.

Поклонъ опдашь здѣсь низкой (*кланяется*)
Пресвѣптому лицу Царевны молодой,
И у нея спросишь: не любъ ли Рыцарь мой?

СПОСОБА.

На чпо?

ТОРОПЪ.

Въ прислугахъ бышь у ней, или въ посылкахъ.

ПРЕЛЪПА.

Не нужно.

СПОСОБА.

Слышь, слуга ненадобень такой.

ПРЕЛЪПА.

Явился къ Князю шы.

СПОСОБА.

А кто же Рыцарь швой?

ТОРОПЪ.

Кто Рыцарь мой?—

Онъ невидимкой спалъ.

ПРЕЛЪПА И СПОСОБА (смѣются.)

Вошь полкъ какой!

СПОСОБА.

Изволь пожалуй съ нимъ шы скоро разойшишься.

(Слышится вдали маршъ войскъ.)

ПРЕЛЪПА.

Однако мнѣ пора пойши принарядиться,

Чу! войски ужъ идущъ для вспрѣшенья посла.

(Уходитъ.)

ТОРОПЪ, (подсупя къ Способѣ.)

Я оаду вашему не могъ не удивляться:

Куда бы хорошо, какъ бы въ него. . . . !

СПОСОБА.

Кого?

ТОРОПЪ.

Меня.

СПОСОВА (съ насмѣшкою.)
Козла?

ТОРОПЪ, (приосамяся.)

Эй, барска барыня! изволишь насмѣхаться,
Не выслушавъ, не зная, въ чемъ дѣло соспоишь.

СПОСОВА.

Ба! конюхъ балагуръ совсѣмъ другой взялъ видъ.

ТОРОПЪ.

Проси, сударыня! . . .

СПОСОВА.

Годишься ль разговоры
Подслушивашъ другихъ? Чѣмъ оправдаешься шущъ?

ТОРОПЪ.

Мнѣ праведны швои, боярыня, укоры;
Повинну голову не рубяшь, не сѣкушь;
Я присланъ Рыцаремъ съ шобою объяснишься,
И помощи швой намъ дружеской просишь.

СПОСОВА, (про себя.)

Другая пѣсенка. (вслухъ.) Я чѣмъ могу служишь?

ТОРОПЪ.

По обстоятельствамъ: мой рыцарь безыменный
Желаешь разговоръ имѣшь уединенный

Съ Прелѣпой, и меня прислалъ онъ для того,
Чшобъ попросишь на то согласья твоего.

СПОСОБА.

На что же тайныя съ дѣвицами свиданья?

ТОРОПЪ.

О нуждѣ можешь бышь поговорить. . .

СПОСОБА.

Какой?

ТОРОПЪ.

Не знаю.

СПОСОБА, (про себя.)

А, постой!

Не опъ шоголь у насъ смяшенья, воздыханья?

Изрядно, господинъ конюшій! Мы пойдемъ

Ошселъ въ мой перемъ,

И шамъ поговоримъ мы обо всемъ подробно:

Ты видишь, здѣсь шеперь народно.

(Указываетъ на входящія
войска, и оба уходящъ.)

Я В Л Е Н І Е III.

Войски Рускія и Тапарскія, въ сопровожденіи народа, переходяшъ чрезъ мостъ, каждое подъ своимъ знаменъ и своимъ маршемъ, и спановяшся въ порядокъ другъ прошивъ друга. Въ ложахъ зрители, между коими и Прелѣна. На Рускихъ знаменахъ лепящій орелъ держишъ пукъ громовыхъ стрѣлъ, а на Тапарскихъ крылатый змѣй свѣщающуюся луну.

Х О Р Ъ Р У С К И Х Ъ.

Спупай, Россійская дружина!
 Куда швой Князь и честь велишъ.
 Перунъ и молнія орлина
 Вездѣ во слѣдъ тебѣ лешишъ:
 Спупай! ура, ура!

Х О Р Ъ Т А Т А Р Ъ.

Гайда, Тапарская спаница!
 Куда швой Ханъ и месъ велишъ.
 Несмѣшной силы вереница,
 На васъ Магмешъ, Луна глядишъ:
 Гайда! Алла, алла!

Я В Л Е Н І Е IV.

Въ продолженіи хоровъ Великій Князь вер-
хомъ на конѣ, окруженный богатырями, во много-
численномъ провожаніи Двора и народа, въ числѣ
кошораго и Торопъ; а попомъ Тугаринъ, въ ли-
чинѣ крокодила на двухъ крылашихъ шреглавыхъ
змѣяхъ выѣхавъ на колесницѣ, ошановливаясь
у моспа; и сошедъ съ коня и колесницы, каждый
ошановишся предъ своимъ войскомъ.

ТУГАРИНЪ

Речитативъ.

Царь Казанской,
Аспраханской,
Чипчанской золотой орды
Всемощный повелитель,
Другъ солнцевъ, братъ луны и зять звѣзды
Блиспашей съ воспока,
Сынъ Магомеша, всѣхъ сильнѣйшаго Пророка,
Священныхъ Алкорана словъ
Благоговѣйный исполнишель,
Ближайшій родственникъ ословъ
Абубекировыхъ; преспрашный чародѣй,
Горынычъ Змѣй,
Надъ всей вселенной Князь Князей
Россійскому Князьку повелѣваешь,
И исполненья ожидаешь:
Чшобъ онъ ему

Сей часъ въ его гаремъ
 Прекрасную Княжну
 Прелѣпу возврашилъ,
 И золошой
 Казной

Безчешно надѣлилъ,
 На что онъ и ея согласіе имѣеть.
 Но вопрошившись Владимиръ коль посмѣеть,
 То Русь всю испребить огнемъ онъ и мечемъ.

В Л А Д И М И Р Ъ.

Великій Рускій Князь угрозы споль нелѣпы,
 Несходныя ни съ чѣмъ,
 Умѣеть презирашь:
 Но было съ Змѣемъ чѣмъ согласіе Прелѣпы,
 Ты чѣмъ то можешь доказатьъ?

Т У Г А Р И Н Ъ.

Спроси ея о томъ, она не опречется.

В Л А Д И М И Р Ъ.

Ошъ клеветы такой весь духъ во мнѣ мянется!
 Но пусть придетъ Княжна!—Скажи ей, Силоумъ.

С И Л О У М Ъ.

Велѣньемъ таковымъ грудь нѣжная пронзится,
 (Слышно взвизгиваніе.)
 И вошъ ужъ слышу въ ложѣ шумъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Но что же дѣлашь мнѣ? Ей нечего спрашиваться;
Открышь я долженъ ложь, и дерзость наказашъ.
(Силоумъ опходишь.)

ТУГАРИНЪ.

Казнь можешь сила лишь одна опредѣляшь.

ВЛАДИМИРЪ.

Нѣшь, правосудіе.

ТУГАРИНЪ.

Ты можешь забавляшь
Себя и свой народъ пріятной сей мечшою.
Коль раздавишь тебя могу одной рукою:
То истинна твоя, права, законъ свяшой
Ничто, какъ только бредъ пусшой.

ВЛАДИМИРЪ.

Бесспрашный твердый духъ и разумъ просвѣщен-
ной
Противное тому являли всякой разъ.

ТУГАРИНЪ.

О нѣшь! Агарянъ родъ вѣкъ будетъ бичъ вселенной.

ВЛАДИМИРЪ.

Покажешь время то!

Я В Л Е Н І Е V.

Тѣже, Прелѣла, Слособа и Силоумъ.

С И Л О У М Ъ.

Исполненъ швой приказъ.

П Р Е Л Ъ П А.

Я здѣсь.

В Л А Д И М И Р Ъ.

Скажи, Княжна, рѣши мое сумнѣнье:
Посоль сей предлагалъ тебѣ со Змѣемъ бракъ?
И будто естъ швое на то соизволенье?

П Р Е Л Ъ П А.

Ошвѣщешвуешь тебѣ мой огорченный зракъ;
Услыша швой приказъ, оспалась чупъ живою.

Т У Г А Р И Н Ъ.

Пускай она одна поговоришь со мною.

(Береть Прелѣпу за
руку къ споронѣ.)

Слухъ о Горынычѣ, какъ спрашный громъ, гремишь;
Онъ звѣзды красошой и славой солнце шмишь:
Я бракъ тебѣ, Княжна, съ Царемъ симъ предлагаю.

П Р Е Л Ъ П А.

Плѣнись кпо хочешь имъ, а я его не знаю.

Т У Г А Р И Н Ъ.

Нѣшь, вѣроломная! должна его знашь шы,
Прочши: вопъ харшія, и чьи на ней чершы?

ПРЕЛЪПА.

Ахъ! что это? мои! (про себя.)

ТУГАРИНЪ.

Ты то ко мнѣ писала!

Я не чудовище. (Снимаетъ съ себя личину, и поетъ окончаніе той аріи, которую пѣла Прелъпа въ перемѣ.)

*Пролетая всю вселеную,
Мыслью въ ней тебя вездѣ ищу;
Въ душу, страстью вспламененную,
Возвратить тебя себѣ хочу.*

Почто же лишь теперь меня ты не узнала,
Споль пламенно свою являя прежде спросишь?

ПРЕЛЪПА, (съ удивленіемъ.)

Ты выдумалъ сію поль злую мнѣ напасишь!

СПОСОБА.

Сама ты въ перемѣ такую пѣсню пѣла.

ПРЕЛЪПА, (съ досадой.)

Такъ что же изъ того? Я пѣшь ее хошѣла;
Ошчепомъ никому я въ чувсхвахъ не должна.
Баянова то пѣснь, извѣсна всѣмъ она.

ТУГАРИНЪ.

Нѣшь пѣмъ, коварная! ты не опговоришься:
Ты принадлежишь мнѣ, и съхищникомъ проспишься.
(Схвапываетъ ее и хочетъ увести.)

ПРЕЛѢПА.

О варварь!

(бросается къ Способѣ.)

СПОСОБА.

Ахъ! спаси, спаси, Великій Князь!

Опъ люпаго шоль змѣя,

Спаси скорѣ насъ!

ВЛАДИМИРЪ, (бросается съ мечемъ.)

Я дерзость накажу злодѣя! (Въ сіе время Прелѣпа и Способа уходятъ.)

ТУГАРИНЪ.

И я мои права умѣю защищать! (про себя)

Я силой опшиму, когда не могъ прельснить.

ВЛАДИМИРЪ.

Россіяне!	{	Оба сіи войска у- спремляють другъ на друга свои ко- пья, а Владимиръ и Горынычъ зама- хиваються мечами.
ТУГАРИНЪ		
Агаряне!		

СИЛОУМЪ, (спавъ между ими.)

Столь скороспѣшная должнаъ смущать васъ ссора?

ТРІО.

СИЛОУМЪ.

На что пакъ горячнсья,

Сердишься и бранишься?

Часть IV.

Сыскашъ бы лишъ вину,
И объявишъ войну.

ВЛАДИМИРЪ.

Мнѣ честь велишъ рѣшишся
Опѣ змѣя боронишся,
Въ помѣ сыщемъ мы вину:
Чшобы спасши Княжну.

ТУГАРИНЪ.

Мой духъ во мнѣ яришся,
Хотѣ съ свѣпомъ радѣ сразишся!
Въ помѣ сыщемъ мы вину:
Хочу имѣшъ Княжну.

В С Ъ.

Войну, войну, войну!

СИЛОУМЪ.

Войну! — Но шокмо лишъ, по силѣ договора,
Когда, гдѣ, какъ и кѣмъ начашъ,
Условье должно вамъ другъ другу дашъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Я радѣ договоришся.

ТУГАРИНЪ.

Знакъ шрусосши! — Да пусшъ! Вѣдъ силой бой рѣ-
шишся.

(Они кладушъ мечи въ
ножны, а войски копья
на плечо.)

Я В Л Е Н І Е VI.

Владимиръ и Тугаринъ даюшъ знакъ. Конь верховой, богатыри и колесница удаляюшся; а на мѣсто ихъ по прежнему полукружіемъ смыкаюшся Рускія и Таттарскія войски, по срединѣ коихъ между Владимиромъ и Горынычемъ Силоумъ предлагаешъ договоръ, котораго окончательныя слова музыка повторяешъ речипашивомъ.

СИЛОУМЪ.

„Избрашъ вамъ рыцарей сперва между собой,
„И имъ велѣшъ вступишъ единоборствомъ въ бой.

ВЛАДИМИРЪ

„Изрядно.

ТУГАРИНЪ.

„Ну, ладно.

СИЛОУМЪ.

„Коль Рыцарей такихъ не можешъ отыскашся,
„То Князю самъ на самъ съ Горынычемъ сражашся.

ВЛАДИМИРЪ.

„Мечомъ!

ТУГАРИНЪ.

„Не спорю и о томъ.

х

ТУГАРИНЪ.

„Паду, когда мой взоръ шьма скроешь ночи вѣчной.

СИЛОУМЪ.

„Но рѣдко у Князей обѣшь чистосердечной

„Бываль въ шакихъ дѣлахъ: а видомъ лишь однимъ.

ВЛАДИМИРЪ и ТУГАРИНЪ (вмѣстѣ)

„Мы кляпву въ помъ дадимъ.

*ВЛАДИМИРЪ и ТУГАРИНЪ, ставъ каждый
на колѣни предъ своими знаменами.*

ВЛАДИМИРЪ.

„Перуна свѣшь!

ТУГАРИНЪ.

„О Магомешъ!

ВЛАДИМИРЪ.

„Услышьте насъ!

ТУГАРИНЪ.

„Въ сей спрашный часъ.

ВЛАДИМИРЪ.

„Мы клясья смѣемъ.

ТУГАРИНЪ.

„Я эшимъ змѣемъ!

ВЛАДИМИРЪ.

„Я симъ орломъ!

(оба вдругъ)

„И вѣрно слово мы даёмъ!

СИЛОУМЪ.

„А естѣли кляшвы вамъ не удержашь случишся?

ВЛАДИМИРЪ.

„Перунъ пусть погасишся!

ТУГАРИНЪ.

„Померкнешь пусть луна!

ОБА, (вспавая вмѣстѣ.)

„И ввергнешь въ плѣнь сія преступника война.

(При сихъ словахъ на знамѣ Рускомъ изъ пучка перуновъ пышетъ пламя, а на знамѣ Ташарскомъ луна блѣднѣетъ.)

ВЛАДИМИРЪ.

Что вижу я!

ТУГАРИНЪ.

Я весь опъ ужаса прясуся!

ВЛАДИМИРЪ.

Я вашей помощи, о Небеса! ищу:

Ужъ не предвѣспѣе ль то?

ТУГАРИНЪ.

Ничѣмъ не успрашуся!

Пусть адъ и небеса прошивъ меня:—опмщу!

(Уходитъ, а за нимъ и Владимиръ.)

Я В Л Е Н І Е VII.

Оба войска спановяются въ прежній порядкъ другъ прошивъ друга. Герольдъ и Бирючь съ трубами, имѣя на высокихъ спягахъ Руской шапку, а Ташарской чалму, копорыми вершаютъ одинъ за другимъ, и трубы возглашаютъ:

Б И Р Ю Ч Ъ.

Услышьте орды всѣ Ташарски!
Чипчашскій Князь на край Славянскій
Трубитъ трубой,
Идетъ войной.

Г Е Р О Л Д Ъ.

Услышьте Россы и Славяна!
Князь Кіевскій на Змѣулана
Трубитъ трубой
Идетъ войной.

(Оба войска подъ своими маршами уходящъ и раздается опъ нихъ издали глухой гулъ:)

(отъ Рускихъ.)

Ура! ура!

(отъ Ташарскихъ)

Алла! алла!

Т О Р О П Ъ, (давъ уйпи войскамъ и народу.)

Тѣфу пропасть! кое какъ на силу провалили:
Какую кашу заварили!

Ужъ подлинно сказаць, чю кушерьма,
 Придешъ ряхнушься вѣмъ съ ума.
 Отверсны тысячамъ войной, я вижу, гробы:
 Но здѣсь ужъ не видашь Способы.—
 О Невидимкѣ съ ней еще бѣ пошолковашъ,
 И ей ширинку бѣ мнѣ, вошь эшу, показашъ;
 Въ ней скрыша капля водъ рѣки священна Буга.
 Но какъ бы не пришло и съ ней мнѣ очень шуго;
 Вѣдь два соперника съ моимъ-шо соколомъ:—
 Великій Князь, да Змѣй съ зубаснымъ спрашнымъ
 ршомъ.
 Слышь, оба молодцы, хошябъ куда, шакъ хваши!
 При шомъ же обѣ одной красомкѣ спорашъ вдругъ:
 А ты межъ ихъ, какъ бѣсь, перебѣгай палаши.
 Нѣшь, право, съ ужасу дрожишь во мнѣ мой духъ.

П о е т ъ

Я дрожу, боюсь, робѣю,
 Какъ въ шиски бы не попасшь.
 Змѣй и Князь!—Спрашна ихъ власть!
 Гладокъ въ царски входъ чершого,
 Верхъ завиденъ ихъ крыльца:
 Но лишь поскользнушя ноги,
 Въ мигъ спровадятъ молодца.
 Но какъ бы ни было, хошь пасшь, хошь спомы-
 кашься,
 Къ Способѣ нужно мнѣ съ шириночкой пробрашъся.

Не вѣришь безъ того разсказамъ никакимъ,
 Хоть, правда, я мигнулъ ужъ ей глазкомъ однимъ.
 Да вошь она и здѣсь!....

Я В Л Е Н І Е V I I I .

Тороль и Слособа.

СПОСОБА.

Конюшій мой безцѣнной!
 Ты не видалъ ли здѣсь шой грамошки бездѣльной,
 Кошорую Княжнѣ Тугаринычъ....

ТОПОРЪ.

Онъ взялъ.

СПОСОБА.

Къ себѣ?

ТОРОПЪ.

Да, да, онъ взялъ.

СПОСОБА.

Заподлинно? — Меня о томъ Княжна просила,
 Чшобы узнать. —

ТОРОПЪ.

Срази меня Перуна сила!

А что развѣ?

СПОСОБА.

Нѣшъ, шакъ.

ТОРОПЪ.

А я ширинку шу,
О коей говорилъ, принесть во увѣренъе.

СПОСОБА.

Подай! (*смотря*) Чшо вижу я?—Бѣсовскую мечшу!
Повѣрь-ка на часокъ, Княжнѣ на разсмотрѣнъе.

ТОРОПЪ.

Нѣшъ, милый свѣшникъ мой,
Съ одной я головой.

СПОСОБА.

Чшо, развѣ шайна шупъ скрывается какая?

ТОРОПЪ.

Ну, кѣмъ подарена, шакъ ша, ее узная.

СПОСОБА.

Такъ чшожь?—Не просишель и сами вы о шомъ?

ТОРОПЪ.

Да Рыцарь хочешъ самъ предспасть своимъ лицомъ:
То мнѣ, опдавъ шебѣ ширинку эшу,
Повѣсишь вывѣской ужъ Невидимку свѣшу.

СПОСОБА.

Знашь хочешся вамъ насъ обѣихъ оплесни:
Подижъ коль шакъ, гуляй; мнѣ недосугъ, — прости!

Т О Р О П Ъ.

Ахъ! милая моя, сударушка Способа!
 Минуточку поспой и выслушай одна,
 Мы можемъ сдѣлаться съ тобой счастливы оба.
 Прелѣпа въ Рыцаря, какъ видно, влюблена:
 Куда бы хорошо, и мнѣ съ нимъ пріющись
 На тепло гнѣздышко!

С П О С О Б А.

А какъ?

Т О Р О П Ъ.

Ну какъ! — Женишься.

С П О С О Б А.

На комъ?

Т О Р О П Ъ.

На комъ же, лапочка,
 Когда не на тебѣ, моя косачка?

С П О С О Б А (смѣется.)

И впрямь?

Т О Р О П Ъ.

Божусь тебѣ, что спрасная любовь
 Давно уже мою зажгла къ тебѣ всю кровь.

С П О С О Б А, (грозя пальцомъ.)

Ну, хорошо! — Смотри! (Уходитъ.)

Т О Р О П Ъ, (оборотясь догоняешь.)

Дуэты.

Нѣшь, посшой, посшой, косашка,
Лель махнуль ужъ намъ крыломъ;—
Не уйдешь ты безъ задашка,
Поцѣлуй, такъ и съ концомъ.

С П О С О Б А.

Что за дерзкая ухвашка
Смѣшь присшупомъ брать въ полонъ!
Тутъ нужна еще догадка:
Ну, побей-ка мнѣ челомъ.

Т О Р О П Ъ.

Радъ я, свѣщикъ, покланяюсь, (*кланяется*)
Милосши твоей просишь:
Полюбишь меня, и взяшься
Господину пособишь.

С П О С О Б А.

Такъ-то, лучше приласкашься,
То могу и услужишь;
Только должно обѣщаешься
Намъ другъ друга вѣкъ любишь.

(*оба влѣстѣ.*)

Хорошо! — о помъ ни слова,
Лель махнуль ужъ намъ крыломъ.
Я гошовъ — и я гошова
Жишь съ голубкой — съ голубкомъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляешь перемь Княжны Прелъпы. Она сидитъ на софѣ въ задумчивости, перебираешь перстами струны арфы, копорья издають меланхолическіе аккорды.

ПРЕЛЪПА.

Какія странная севодни приключенья
Во снѣ я видѣла!—Пожрала Добрыню змѣй!
Безвѣстный богатырь идетъ мнѣ въ услуженье!
Баяна пѣснь пропѣла Чипчанской чародѣй!
Опколько онъ взялъ ее? Никакъ не понимаю.
И Князь!

ЯВЛЕНІЕ II.

Прелъпа и Владимиръ.

ВЛАДИМИРЪ.

Невеселу Прелъпу я встрѣчаю!
Да и не лзя не такъ.—Споль дерзосный злодѣй
Осмѣлился смущить покой души твоей.

ПРЕЛЪПА.

Благодарю, мой Князь, за пѣжное учасіе.

ВЛАДИМИРЪ,

Ахъ! здравіе швое, Княжна, спокойство, щасье,
Первѣйши должности на сердцѣ у меня.

ПРЕЛЬПА.

Не спою милосшей, ихъ для меня шакъ много!

ВЛАДИМИРЪ.

Почшенье и любовь къ тебѣ въ душѣ храня,
Мяшуся, зря тебѣ разположенну спрого;
Взгляни на зракъ шы мой, и изъ него прочши,
Какъ власшвуешь шы мной. . . .

ПРЕЛЬПА.

Кшо? — Я?

ВЛАДИМИРЪ.

Такъ, шы.

Поетъ

Владычица души плѣненной!
Царица сердца моего!
Познай любовію возженной
Вдохъ узника днесъ швоего!
Познай, чшо я шобою спрасшень,
Твоей сраженный красошой;
Познай, чшо я въ себѣ невласшень,
И шы одна владѣешь мной!

ПРЕЛЪПА.

Къ чему, о Государь, въ шоль изреченьяхъ спра-
спныхъ

Ты обращаешься со мной?

Имѣешь тысячу ты въ шеремѣ прекрасныхъ,
Кошорымъ можешь ты опкрыть сей пламень швой.
Изборскажъ Князя дочь. . . .

ВЛАДИМИРЪ.

Хошябъ и всей вселенной
Царица ты была: невѣстой обрученной
Монарху Рускому не низко бышь шебѣ.

ПРЕЛЪПА.

Невѣспою?

ВЛАДИМИРЪ.

Сей день!

ПРЕЛЪПА.

Увы!

ВЛАДИМИРЪ.

Что за вздыханья,
Позволилъ коль шебѣ
Опецъ швой для избранья,
Бышь въ шеремѣ моемъ? И ты тогда себѣ
Не чла сего обиднымъ.

ПРЕЛѢПА.

Велика честь!

Позволь себя назвашь, Владимиръ, непоспѣжнымъ.
 Ты спѣшную любовь являешь, а не лѣшь:
 Но съ Змѣемъ ны меня на доску свель одну,
 Злодѣйскому его повѣря соплеменью.

ВЛАДИМИРЪ.

Какъ обожашель твой, я признаю вину;
 Какъ Царь, имѣю я причину къ извиненью:
 Чшо бы сказалъ тогда народъ подвласпный мнѣ,
 Когда бь, не объяснясь съ врагомъ, далъ знакъ къ
 войнѣ?

Не справедливо ли бь меня винили въ спѣши,
 Чшо ради я тебя Россію ввергъ въ напасши?
 Пусть винень предъ тобой, но я исполнилъ долгъ:
 Ты жь нѣжності сама ошъ изверга шерпѣла.

ПРЕЛѢПА.

Чшо онъ шу жь пѣсню пѣлъ, я кою прежде пѣла?...

ВЛАДИМИРЪ.

Она извѣстна мнѣ.—Но что же мой предлогъ?
 Ужель въ возлюбленной какой успѣхъ имѣешь?
 Могу ли льсшишься я?

ПРЕЛѢПА.

Владимиръ споль владѣшь собой умѣешь
 И знаешь, что...

Поютъ.

ПРЕЛѢПА.

Любишь насильно невозможно,
Не лѣзя намъ сердцу повелѣшь
Владѣшь собой, терпѣшь.

ВЛАДИМИРЪ.

Такъ воздыхать мнѣ должно
И тщетной спраснѣю горѣшь,
Горѣшь, — и умерешь.
(Оба влѣстѣ.)

ПРЕЛѢПА.

Владѣшь собой, терпѣшь.

ВЛАДИМИРЪ.

Горѣшь и умерешь!

Терпѣшь, жестокая, пы мнѣ велишь,
Безвременно меня перзаешь и мершвишь:
Смягчися, зря мое несносное мученье!

(цѣлуешь спраснѣю
ея руку.)

ПРЕЛѢПА.

Къ чему такое, Князь, предъ дѣвой униженье?
Терпѣніе всему дашь можешь оборонѣть.

ВЛАДИМИРЪ.

О всѣхъ собраніе пріятностей, красота!
Любовь величествва и шипль не разбираешь,
Законъ ея Царя съ паспушкою равняешь. —
Но вижу я, Княжна, обширный разумъ швой

И правильно швое о спрасши разсужденъе:
Ты хочешь, чшобъ войну иль поединокъ мой
Окончивъ, ожидаль я швоего рѣшенъя. —
Сеголь желаешь ты?

ПРЕЛѢПА.

Моей шупъ воли нѣшъ.

ВЛАДИМИРЪ.

О! съ сей надеждою пріятно и шерпѣшъ.
(Еще цѣлуешъ ея руку.)

Я В Л Е Н І Е III.

Тѣже и Слособа.

СПОСОБА.

Доносишъ Силоумъ о рыцарскомъ собранъѣ.

ВЛАДИМИРЪ.

Такъ, я ихъ повелѣль собратъ,
Чшобъ силы испышашъ
Во рыцарскихъ играхъ, и сдѣлашъ бы избранъе
Храбрѣйшаго изъ нихъ въ единоборный бой.
Сей избранный, Княжна, украсишся шобой.

ПРЕЛѢПА.

Ошличная мнѣ чесшъ. (Взявшисъ за руки,
уходяшъ.)

СПОСОБА, (одна.)

Пожалуй разкручинься,

Разрюмься, разпузырься,

И дѣвку въпрену раздумай, разгадай!

И вида, давича, Горыныча страшилась;

Пошомъ опять смягчилась,

И вошь о пѣснѣ пой его поди узнай!

Бышь съ Невидимкою боялась на свиданьѣ,

А о ширинкѣ знашь желаетъ: кто? за чѣмъ?

Опъ Князя въ обморокъ, и шущъ же на собранье

Съ нимъ рыцарей спѣшимъ, и руку подаемъ! —

И такъ, шущъ разбери поди любовь прямую;

Влѣзь въ сердце и узнай, кто миль и кто поспылъ?

Да нѣшь, Хишрянушка, я пошчасъ разполкую

На одинѣ съ тобой, мнѣ полькобъ случай былъ.

(Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е IV.

Театръ перемѣняется и представляешь великолѣпный дворецъ Княжескій, украшенный балкономъ и колоннами, прошивъ копораго Амфитеатръ для зрѣлища Гимнастическихъ игръ, а вдали по перспективѣ Ипподромъ для конскаго ристанія. — Въ срединѣ высокій столбъ. Все отдѣляется опъ двора Княжескаго золопою рѣшешкою, въ срединѣ копорой золопыя гербовыя вороша. — По споронамъ ихъ двѣ скамьи, не

нихъ сядяпся нѣсколько пришедшихъ богатырей.
Владимиръ Прелѣпа, перемныя дѣвицы, на
балконѣ; а народъ въ Амфишестрѣ.

СИЛОУМЪ, ДОБРЫНЯ, ТОРОПЪ И БИРЮЧЬ.
(Изъ нихъ Добрыня закрылъ шлемомъ.)

СИЛОУМЪ (Богатырямъ.)

Вошъ, брашцы молодцы, вамъ випязь безъимяной!
На широкъ дворъ взлешѣлъ, какъ ясный онъ соколъ;
Кормилъ коня пшеномъ, поилъ сышой медвяной,
И привязавъ его къ столбу, къ кольцу злашому,
Во грядню Княжеску не доложась вошолъ:
Порадуйшесь, друзья, вы удалцу такому!
Князь силы вамъ своей велѣлъ съ нимъ попышашъ.

(Богатыри, пошатая головы, при-
поднялись съ мѣстъ, сняли шапки, по-
клонились и опяшь сѣли.)

ДОБРЫНЯ, (не открывая шлема.)

Знашъ мѣсто надобно здѣсь самому сыскашъ.

(Съ послѣднимъ словомъ пришедши къ
концу одной скамьи, присѣлъ, и подвиг-
нулся, опъ чего сидящіе на ней бога-
тыри попадали, а съ другой вскочили
упавшихъ поднимающъ.)

СИЛОУМЪ.

Самъ видно у себя! (Уходитъ.)

ТОРОПЪ (съ насмѣшкой въ сторону.)

Съ похмелья повалились. (Уходитъ.)

Г Е Р О Л Д Ъ, пропруя.)

По волѣ Княжеской, проспранный свѣпъ внемли!

Здѣсь игры рыцарски опкрылись
Удалымъ молодцамъ Россійскія земли.—

Спупайте, подвизайшесь,
Проворство, силу показашь.
Славнѣйшаго изъ васъ спарайшесь

Вы въ Вишязя избрашь.

(Рѣшетка золотая разпворяется на
обѣ спороны, и Бирючь въ опдаленно-
спи псапра спановилсь у сполба
богашырскаго, опкуда всякой разъ
даешь знашь прубой обѣ окончаніи
какого либо рыцарскаго подвига.)

Х О Р Ъ Б О Г А Т Ы Р Е Й.

Не сизы соколы по поднебесью,
Не бѣлы кречеты подъ облаки,
Богашыри слешались Рускіе
Къ Великому Князю ко Владимиру,
Ко владыкѣ Всероссійскому,
Чшобъ попѣшишсья молодечествомъ,
Позабавишъ бы удальствомъ его.
Чшо одинъ изъ нихъ всѣхъ провориѣ,
Всѣхъ провориѣ, всѣхъ могучѣ:
Гдѣ онъ спупишъ,—шущъ земля дрожишъ;
Гдѣ рукой махнешъ,—шущъ и улица. —
Чшо возговоришъ богашырской кругъ:
Ты-шо, брапець, намъ и надобенъ.

(Въ продолженіи сего хора богапыри, взадь и впередъ разхаживая, показывающъ, что снимающъ съ себя тяжелые доспѣхи, а между тѣмъ непримѣтно уходятъ за кулисы: на мѣстожъ ихъ вслутивъ танцовщики, изъ коихъ одинъ въ закрытомъ шлемѣ, танцуютъ балетъ, въ которомъ представляющъ разныя Гимнастическія игры какъ то: борьбу, кулачный бой, бѣганье и проч. Полномъ вдали видно на Ипподромѣ риспаніе на коняхъ верьхами и въ колесницахъ, машинами представляемое: гдѣ летаютъ по воздуху деревья и каменья, слышно ржаніе коней, звукъ мечей, прескъ преломленныхъ копей, и тому подобное. По окончаніижъ игръ танцовщики и представляющій закрытаго Рыцаря уходятъ; а на мѣсто ихъ паки являющся богапыри, изъ коихъ Герольдъ выводя на сцену Добрыню, закрытаго шлемомъ, говоритъ богапырямъ:)

Г Е Р О Л Д Ъ .

Закрытый вишязь сей поидетъ въ единоборство.
Опличную явилъ онъ силу и проворство:
На воздухъ стрѣлу другою разсѣкалъ,
Въ пятьсотъ пудъ палицу за облако мешалъ,
Рвалъ холмы и дубы съ корней одной рукою.

ХОРЪ БОГАТЫРЕЙ (три раза повто-
ряетъ послѣдній
списъ.)

Ты-то, братаецъ, намъ и надобенъ.

(Добрыня кланяется.)

Я В Л Е Н І Е V.

Владимиръ съ Прельпою и всѣми Дѣви-
цами шеремными сходящъ съ балкона.—Дѣвицы
въ рукахъ своихъ имѣютъ копья, щипы, мечи,
луки, стрѣлы и прочіе легкіе доспѣхи воинскіе,
между копорыми входятъ и Хористы.

В Л А Д И М И Р Ъ.

Преславны вишязи! пусть всякой самъ собою
Здѣсь милую себѣ подругу изберетъ,
И опъ нея свое оружіе возьметъ!

А ты, моя Княжна, Героя безъимянна
Грудь богатырскую укрась опличьемъ симъ.

(Взявъ у Силоума съ золопаго
блюда гривну, или медаль, подаетъ
Прелѣпѣ.)

П Р Е Л Ъ П А, (надѣвая оную на
Добрыню, спав-
шаго на колѣни,)

Какъ блещетъ злато здѣсь, и слава шакъ желанна
Твоя да возблеспишъ, о вишязь знаменишъ!

Д О Б Р Ы Н Я.

Щаспливъ, когда судьба мнѣ долгъ велишь свер-
шишь,

И съ должной честію предъ Князя возвращуся!

В Л А Д И М И Р Ъ, (ударя Добрыню по
плечу мечемъ.)

Я вѣрю, что побой ни въ чемъ не поспыжуся:

Будь рыцаремъ моимъ!

(Владимиръ. Прелѣпа и Добрыня
уходящъ, богащыри паки удаля-
ющъ; а на мѣсто ихъ танцов-
щики и танцовщицы въ продол-
женіе нижеслѣдующаго хора пред-
ставляющъ другой балетъ, въ
коемъ дѣвицы раздающъ оружіе
Рыцарямъ.)

Х О Р Ъ Д Ъ В И Ц Ъ.

Разрѣзвились, разыгрались
Красны дѣвицы въ кругу,
Какъ на грозну брань собирались
Руски молодцы врагу.
Будемъ дѣвушки рѣзвѣе,—
Говорили межъ собой, —
Чтобъ отважнѣе, храбрѣе
Наши милые шли въ бой;
Чтобы славу заслужили,
Спавъ опеческву сыны,
И щаспливѣе бѣ мы жили,
Чѣмъ безъ славы, безъ войны;

Въ изарбашахъ бы ходили,
 Во парчахъ и во камкахъ,
 Леншы золошы носили
 И жемчуги на главахъ;
 Мы бы чванились собою,
 Намъ бы кланялся народъ. —
 Нѣшъ вѣдь славы, кромѣ бою,
 И богатства и красота.

(По окончаніи балета уходятъ.)

Я В Л Е Н І Е VI.

Театръ перемѣняется и представляеть въ
 ночи небольшую часть сада съ каскадами, освѣ-
 щеннаго луною, копорой лучъ, отражаясь отъ
 крышки золотой шерема Прелѣпы, падаетъ на
 водоскапы. Въ шѣни видны мрачные переходы
 и поштенная лѣспница.

ПРЕЛѢПА и СПОСОБА.

ПРЕЛѢПА.

Доколѣ вишязя и прочія дружины
 Князь въ бой не оппустилъ, поговоримъ съ побой.

СПОСОБА.

Не лучшесть намъ ишти подъ свислыхъ дровъ вер-
 шины?
 А здѣсь ужъ слишкомъ мы освѣщены луной.

ПРЕЛЪПА.

И здѣсь не видно насъ.—Что мнѣ о пѣснѣ скажешь?

СПОСОБА.

Унесъ съ собою змѣй.

ПРЕЛЪПА.

О Невидимкѣ что ты знаешь?

СПОСОБА.

Я знаю только то, что виписъ безъимянной
На играхъ превзошелъ всѣхъ силой несказанной,
Иныхъ изъ сѣделъ выбилъ вонъ.

ПРЕЛЪПА.

Но кто же онъ?

СПОСОБА.

Старалась я узнать по по твоимъ желаньямъ:
Но опъ конюшаго, со всѣмъ моимъ спараньемъ,
Я не добилаь ничего,
Окромъ лишь того,
Что похваляешся ширинкою онъ шою,
Что сказывала я.

ПРЕЛЪПА.

Какъ?

СПОСОБА.

Съ именемъ твоимъ и вышипъа побою.

ПРЕЛЪПА.

Какъ, съ именемъ! Не лзяль его сюда скорѣй?

СПОСОБА.

А со Владимиромъ въ помолвкѣ-по своей
Вы вѣрно ужъ сошлись?—А мнѣ шы и ни слова!

ПРЕЛѢПА.

Да, говорили мы: — а Рыцаря. . . .

СПОСОБА.

Какова?

ПРЕЛѢПА.

Ну, невидимку-по.

СПОСОБА.

Ужъ ночь. . .

ПРЕЛѢПА.

Но при лунѣ.

СПОСОБА.

Ахъ, милая Княжна! чпо говоришь шы мнѣ?
Коли узнаешь Князь!—И какъ это возможно?

ПРЕЛѢПА.

Изъ любопытства лишь.

СПОСОБА.

Не лзя, неоспорожно.

ПРЕЛѢПА.

Теперя ночь.

СПОСОБА.

Поди ты прочь!

ПРЕЛЪПА.

Способа, милый другъ! подай душѣ оспраду,
Я только одного его желаю взгляду.

СПОСОБА.

Ахъ! Лада надъ побой! — Ужъ я тебя не знаю.
То Князь въ умѣ, то змѣй, то поштенный другъ!

ПРЕЛЪПА.

Нѣтъ больше силъ моихъ, волнуется весь духъ!
Я предъ побой себя ужъ больше не скрываю:
Горыныча боюсь, и вида не терплю,
Со многими въ Княжомъ не лзя бытъ сердцѣ
вмѣстѣ;

Съ издѣшства самага Добрыню я люблю,
И рокъ судиль ему во мнѣ лишъ бытъ невѣстѣ.
Вотъ тайна вся. — Теперь иди скорѣй за нимъ.

СПОСОБА.

Какіе ужасы! какія повелѣнья!

А естѣли кто меня въ пущи увидишь съ нимъ?

ПРЕЛЪПА.

Когда душа чиста, то нѣтъ шутъ пресшупленья,
Поди!

СПОСОБА.

Ахъ, милая! чшо дѣлашь мнѣ съ тобой?
Желаю и боюсь. (*Подумавъ про себя*)

Съ нимъ Торопъ будетъ мой.
(уходишь.)

ПРЕЛЬПА.

Я ошдалась любви, послала за Добрыней;
Но безъимянной сей бышь можешь и не онъ.
То можешь бышь обманъ, подобно какъ змѣиной;
Не даромъ ужасаль меня сей ночи сонъ.

(Слышно въ той сторонѣ, гдѣ
Тугариновъ шаперъ, по Днѣпру
хохочущее эхо опъ пшиць, а
на перемѣ спонъ филина.)

Поетъ.

Чу! кшо-то тамъ въ лугахъ хохочешъ,
На кровлѣ слышу чудный спонъ.—
Знашь чародѣй прельстишь насъ хочешъ,
А здѣсь меня пужаешъ онъ.
Машусь, дрожу, изнемогаю!
Чшо будетъ съ бѣдною со мной?
Къ тебѣ, Добрада, прибѣгаю,
Покрой меня швоей рукой!
Покрой!—и опжени всѣ спраспи,
Мечшы, волшебства и напаспи.

Я В Л Е Н І Е VII.

Земля разверзается. Выходишь Доврада въ бѣломъ жреческомъ одѣяніи, на подобіе шѣни, и въ тоже время на другой сторонѣ съ пошаенной лѣстницы сходяшь закрытыя также бѣлыми покрывалами, Спосова, Торопъ и Доврыня съ опущеннымъ на лицѣ забраломъ.

Д О В Р А Д А.

Услышана твоя молитва мною:

Не бойся, будь тверда душою. (Исчезаетъ)

П Р Е Л Ъ П А.

Что вижу я?—Ахъ! вокругъ меня мечшы.

(увидя Способу)

Иль это ты?

Ужъ возвратилася Способа?

С П О С О Б А.

Конюшій съ Рыцаремъ пришли со мною оба;

Мы такъ закрылись, чтобъ никто насъ не узналъ.

Т О Р О П Ъ, (ощупывая деревья руками.)

Глаза мои еще тьмы, ужаса полны.

С П О С О Б А.

На кровлѣ филинъ шамъ уныло завывалъ.

Т О Р О П Ъ.

Въ лугахъ русалки хохотали.

СПОСОБА.

Мы отроду такой боязни не видали.

ДОБРЫНЯ.

Но здѣсь ужъ блещетъ свѣтъ луны!

СПОСОБА, (Прелѣпъ, представляя Добрыню.)

Вотъ богатырь, Княжна, безвѣстной, безымянной.

ПРЕЛѢПА.

Плѣненна славой несказанной,

Хотѣла бъ я его въ лицо узрѣть.

ДОБРЫНЯ.

Большимъ бы щасіемъ почелъ и я шу Chesъ:

Но мнѣ до времени бытъ нужно сокровеннымъ.

СПОСОБА.

Не межъ народомъ ты, сударь, обыкновеннымъ.

ПРЕЛѢПА.

Мы можемъ скромны бытъ.

ТОРОПЪ, (въ сторону.)

Въриѣ нѣтъ сего отъ женщинъ обѣщанья.

ДОБРЫНЯ.

Прекрасныя Княжны исполнишь чѣмъ желанья,

Я принужденъ себя открыть.

(Снимаетъ шлемъ.)

ПРЕЛЪПА.

Добрыня! эшто ты! шебя ли вижу я?

Какъ щасплива щеперь судьба моя! (*съ восторгомъ обнимаются.*)

Какимъ то образомъ, любезный мой, случилось?

ДОБРЫНЯ.

Знашь небо надъ моимъ спраданіемъ смягчилось.

Разставшия съ побой, оставя Холмоградъ,

Проѣхалъ я моря, лѣса, пустыни, горы,

Побилъ невѣрныхъ тѣмы, богатырей напоры

Ужасны опразилъ; и возвращаясь назадъ,

Заѣхалъ посмопрѣть Владимировъ дворъ славной,

Помѣришь силъ моихъ со Рыцарями его:

Но къ горести моей услышалъ несказанной,

Что въ теремѣ ты здѣсь.

ПРЕЛЪПА.

Ужъ годъ какъ у него.

ДОБРЫНЯ.

Невѣстой обрученной?

ПРЕЛЪПА.

Сей день назначень былъ, но помѣшалъ невѣрной
Тугаринъ, богатырь.

ДОБРЫНЯ.

Увы! и онъ, я слышу, бракъ
Тебѣ съ собою предлагаетъ.

ПРЕЛЪПА.

Да, онъ того желаетъ.

ДОБРЫНЯ.

И съ наглостью при томъ неслыханною?

ПРЕЛЪПА.

Такъ.

ДОБРЫНЯ.

Чудовище! злой змѣй!

ПРЕЛЪПА.

Но какъ же, дерзновенье
Такое слышавъ, ты его не опвращилъ?

ДОБРЫНЯ.

Представь себѣ, Княжна, мое ты положенье!
Совмѣспникъ мнѣ мой Князь и могъ тебѣ бытъ миль:
То какъ я, безъ заслугъ, безъ нова увѣренья
Въ швоей ко мнѣ любви, себя могъ объявить?

ПРЕЛЪПА.

Возмогъ ли хоть на часъ во мнѣ ты усумнишься,
Чтобы могла въ кого другаго я влюбишься?

ДОБРЫНЯ.

Благоволи Перунъ лишь славой осѣнишь,
Тогда явлюся я тебя уже достойнымъ.

Часть IV.

II

ПРЕЛЪПА.

Какая польза въ помъ? Уже ли Князь спокойнымъ
Зрѣшь будешь окомъ на себя?
Онъ въ славѣ, въ торжествѣ своемъ, меня любя,
Не возжелаетъ ли имѣть своей женою?
Ахъ, горе мнѣ тогда! ахъ, горе и тебѣ!

ДОВРЫНЯ.

Я покорюсь судьбѣ.
Но бывъ съ заслугами и бывъ любимъ побою,
На бракъ я больше правъ, чѣмъ Князь, могу имѣть:
А паче, есѣли Князь правдивъ, великодушенъ....

ПРЕЛЪПА.

Иди же, мой Герой, со славой умереть!

ДОВРЫНЯ.

Во всемъ тебѣ, моя любезная, послушенъ.

Дуэтъ.

ПРЕЛЪПА.

Ко мнѣ ты спрасшью плѣешь?

ДОВРЫНЯ.

Да, я горю побой.

ПРЕЛЪПА.

Ты жизнь во мнѣ имѣешь?

ДОВРЫНЯ.

Я живъ твоей душой.

ПРЕЛЪПА.

Вся мысль швоя мной плънна?

ДОБРЫНЯ.

Въ шебъ моя вселенна

(Оба вѣдрузъ.)

И всѣ ушѣхи глазъ.

Я зря шебя прельщаюсь,

И также восхищаюсь,

Какъ въ самый первый разъ!

ПРЕЛЪПА.

О коль сладка любовь!

ДОБРЫНЯ.

Небесной то воспоргъ души!

СПОСОБА.

А шы, мой Торопъ, что задумчивъ шакъ въ пиши?

ТОРОПЪ.

Жду, лапочка, какъ шы умильно вздернешь бровь!

ДОБРЫНЯ (поешь)

Коль въ шомъ швоя забава,

Чтобъ бышь всегда со мной:

То щасіе и слава

Мнѣ зрѣшь на образъ швой;

*

Тобою занимаешься,
 Тобою любоваться,
 Мнѣ нѣтъ блаженствъ иныхъ.
 Цари пусть веселятся:
 Но смѣютъ ли равняться
 Со мной въ сіяньи ихъ?

П Р Е Л Ѣ П А (поемъ)

Порфиною одѣта,
 Не вознесусь собой;
 На всѣ державы свѣта
 Не промѣнюсь тобой.
 Тобою утѣшаюсь,
 Горжусь и величаюсь,
 Твое мнѣ сердце пронъ;
 Всѣ пышности земныя
 Молвы лишь всё пустыя
 И грубый сердцу звонъ.

С П О С О Б А.

А мы вѣдь такъ съ тобой не прогоняемъ скуку.

Т О Р О П Ѣ.

И впрямь, красавица: такъ дай же мнѣ ты руку.
 Куда игла, пускай идешь шуда и нишь;
 Влюбился господинъ, и я давай любишь.
 (Даютъ другъ другу руку.)

Д О Б Р Ы Н Я.

Но полночь ужъ шеперь; мнѣ въ храмѣ помолишся,
Ошкланяшся съ Дворомъ, и съ брашьями про-
спишся.

П Р Е Л Ъ П А.

Проспи, любезный мой, и возвратися здравъ
Въ объятіе любви моей, на лоно чеспи.

Д О Б Р Ы Н Я.

Проспи!

Т О Р О П Ъ (Способъ)

Проспи и шы, милѣй мнѣ солнца спавъ.

С П О С О Б А.

Проспи, мой суженой! Пришпоръ къ своей невѣ-
спѣ.

(Хопяшъ уйпи, но возвратясь
обнимающся попарно и поюшъ
въ чепыре голоса.)

Д О Б Р Ы Н Я.

Небесно наслажденье

Т О Р О П Ъ.

Съ любезной вмѣспѣ жишъ!

П Р Е Л Ъ П А.

Несносное мученье

СПОСОБА.

Въ разлукѣ съ милымъ бышь.

(Вмѣстѣ.)

Я адъ шамъ ощущаю,
Гдѣ безъ тебя бываю,
Томлюся всей душой;
Но гдѣ тебя видаю,
Ласкаю, обнимаю,
Прижму къ груди своей:
Тамъ рай души моей.

(Въ сіе время Вѣдьма, съѣхавъ по лунному лучу, кувыркаясь, перебѣгаешъ чрезъ театръ въ бѣломъ плащѣ съ распрепанными волосами: опъ чего всѣ врозь разбѣгаются, кромѣ Добрыни, копорый не поропясь надѣваетъ шлемъ и уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Я В Л Е Н І Е I.

Театръ представляешъ обширную овальную внизу съ большими продолговатыми, а вверху съ круглыми окнами, освѣщенную многими лампадами повалушу.—Вокругъ сѣнъ видѣнъ съ балюспрадомъ помосъ съ поспелями, копорыя покрыты червлеными покрывалами съ золошою бахрамою; при концѣ каждой на шабурешахъ сидятъ Дѣвицы, (между коими и Прельпа,) съ пряслицами, обвишыми кудельками багрянаго шелка, копорый они прядутъ. — Сквозъ нижнія окна вдали видны градскія сѣны, а изъ верхнихъ выглядываютъ нянюшки и мамушки.—При окончаніи нижеслѣдующаго хора входитъ Владимиръ съ рындами и придворными.

Х О Р Ъ Д Ѣ В И Ц Ъ *(безъ музыки.)*

Что по гриднѣ Князь,

Что по свѣшлой Князь,

Наше солнышко Владимиръ Князь похаживаетъ;

Что соколій глазъ,

Молодецкой глазъ,

Какъ на пшашечекъ, младыхъ дѣвицъ посматриваетъ;

Что у ласпочки,

У косачочки,

Алу бѣлу грудь, сизы крылья, пошрогиваетъ.

Парчевой кафтанъ,
 Сапоги сафьянъ,
 Золошу казну и соболи показываешъ;
 Веселымъ лицомъ,
 Въ обинякъ словцомъ
 Мысли дѣвичьи и думу ихъ извѣдываешъ.
 Не мани насъ, Князь,
 Не гадай насъ, Князь,
 Красно солнышко! ему боярышни возговоряшъ.
 Не злшой казнѣ,
 Но пвоей красѣ
 Очи и сердца свои давно всѣ продали.
 Ты взгляни на насъ,
 Ты вздохни хоть разъ,
 Дай въ залогъ перспень любой тебѣ, шу выбери.

В Л А Д И М И Р Ъ.

Такъ рано, милья! а вы ужъ на работѣ?

П Р Е Л Ъ П А.

Ты въ безпокойствѣ Князь: по мы, чшобы не спашъ,
 Прядемъ.

В Л А Д И М И Р Ъ.

Пріятно все по собственной охотѣ:
 Однакожъ красотамъ себя шакъ изнуряшъ! . . .

П Р Е Л Ъ П А.

Мы Князю нашему гошовимъ багряницу.

СПОСОБА.

Ахъ, милоспивый Князь! все вокругъ возколебалось!
Крупишся предо мной еще шеперя пыль.
Поздравишь смѣю васъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Быть можешь, что и былъ.

ХОРЪ ДѢВИЦЪ, (поднося на золотомъ блюдѣ пригословленный вѣнецъ изъ розъ.)

Съ побѣдой проздравляемъ,
И нѣжныхъ въ знакъ сердець
Поднесшь тебѣ дерзаемъ
Сей изъ цвѣшовъ вѣнецъ:
Любуйся, восхищайся!
Побѣдой утѣшайся!

ВЛАДИМИРЪ.

Велика честь сія: но оной я не спою,
Она принадлежишь доспойному Герою.
Вамъ побѣдишело сей должно даръ поднесшь.
При всемъ томъ невѣрна еще сія и вѣспь:
Способинымъ словамъ не худо подшверженъе.

СПОСОБА.

Нѣтъ, красно солнышко, ни малаго сумнѣнья;
Сама я видѣла.

Я В Л Е Н І Е III.

Тѣже и Горолъ. (Въ безпамятствѣ
вбѣгая поешъ, бѣгая
туда и сюда.)

Т О Р О П Ъ.

Брашцы, бѣда!

Судари, бѣда!

Знайше, разбишы мы въ прахъ.

(Плачетъ.)

Ахъ! ахъ! ахъ!

Брашцы, бѣда!

Судари, бѣда!

Рыцарь мой бѣдный въ кохсяхъ.

(Плачетъ.)

Ахъ! ахъ! ахъ!

Брашцы, бѣда!

Судари, бѣда!

Знайше, разбишы мы въ прахъ.

Ахъ! ахъ! ахъ!

В Л А Д И М И Р Ъ.

Что? Какъ?

Т О Р О П Ъ.

Такъ, такъ,

Бѣда всѣмъ намъ ,

За мною по пятамъ ,

Какъ буря за плечьми, валишь въ градски ворота

Татарска конница, и безъ числа пѣхоша.

Мы всѣ разбиши въ прахъ,
У Змѣулана-шо и Рыцарь мой въ кохпяхъ.

П Р Е Л Ъ П А.

Возможно ли?

Т О Р О П Ъ.

Ахъ такъ.

С П О С О Б А.

Ты не ряхнулся ли?

(Поютъ въ два голоса.)

Т О Р О П Ъ.

Нѣшь, шы ряхнулась.

С П О С О Б А, (съ сердцемъ.)

Ряхнулся шы ума.

Т О Р О П Ъ.

Бѣда спряхнулась.

С П О С О Б А.

Тугаринъ палъ, я видѣла сама.

Т О Р О П Ъ.

Упалъ, да вдругъ очнулся.

С П О С О Б А.

Да чпо же въ шомъ вреда?

Т О Р О П Ъ.

Онъ змѣемъ обернулся.

(Оба.)

Бѣда! ахши бѣда!

ВЛАДИМИРЪ (Торопу.)
 Да Расскажи ясныѣ
 О странной вѣспи сей.

ТОРОПЪ.

Слышь: палъ съ коня, какъ снопъ; но змѣемъ очу-
 шился

Крылашымъ, въ воздухѣ взвившись подъ облака.
 Тушъ вдругъ изъ челюстей, какъ огненна рѣка,
 На Рыцаря главу внизъ искры покапились,
 Покрылся дымомъ шлемъ, вокругъ перья вспламе-
 нились,

Мой вишязь вѣрно бы подъ дьявольщиной палъ,
 Когда бъ не нѣкая опъ шлема крѣпка сила,
 Какъ вѣтръ, невидимо огня не опносила:

А помощь свыше онъ какъ только лишь узналъ,
 Оправился, и лукъ натягъ съ двумя стрѣлами,
 Пустилъ въ Горыныча, и крылья вдругъ подскѣкъ.—
 Свернулся змѣй клубкомъ передъ его ногами,
 И человѣческимъ шакъ голосомъ прорекъ:

„Ты гой еси, удалъ младъ богатырь могучей!

„Пришелъ мой смертный часъ, напой водой ше-
 кучей!,,

Мой рыцарь добръ вельми, разжалившись надъ нимъ,
 Спальной шлемъ снялъ съ главы, на лугъ ширинку
 кинулъ,

И почерпнушь пошоль воды пекучей имъ. . . .

Тугаринъ, засвисня, засадну силу двинулъ,
И войскомъ вмигъ, какъ лѣсъ вокругъ рыцаря обнесъ;
Опрѣзалъ съ пылу, взялъ въ оковы, въ плѣнь пом-
чалъ.

Я блюлъ его коня, онъ чупъ меня унесъ:
А наши, изплошась, всѣ порознь поскакали.

В Л А Д И М И Р Ъ.

Ты сказку выдумалъ.

Т О Р О П Ъ.

Ахъ, нѣшъ! вопъ шѣ божусь.

(Указывая на
Способу.)

С П О С О Б А, (спороняся.)

Чшо шлешься на меня?—Ты первый, видно, прусъ.

(Одумавшись.)

Но ахъ! вѣдь пѣшухомъ здѣсь курица кричала.

Т О Р О П Ъ (плачетъ.)

Сорокажъ развѣ здѣсь въ ночи не щекошала?

Я В Л Е Н І Е IV.

Тѣже и Вѣстникъ.

В Ъ С Т Н И К Ъ.

Надежа Государь! Орда осѣла градъ,

Предмѣспья рубяшъ и паляшъ.

(Въ сіе время слышна по городу пре-
вога, и видѣнь въ окна дымъ, а на спѣ-
нахъ люди.)

ВЛАДИМИРЪ.

Веди, чшобъ воинспвы на стѣны шли градскія.
Я буду самъ сей часъ. — Вошъ случаи какія!
Князь кормщикъ корабля, — жди вѣспровъ перемѣнъ:
Но покажу примѣръ я моему народу,
Чшо управляшь могу рулемъ и въ непогоду.

Я В Л Е Н І Е V.

Тѣже и Силоумъ.

ВЛАДИМИРЪ.

А! ксшаши, Силоумъ, ты здѣсь! На вѣроломспво
Я самъ шеперь иду; храни ты градъ, чершогъ,
Княжну.

СИЛОУМЪ.

Пошщуся упишишь печаль и безпокойспво,
И въ градъ сохраню порядокъ, шину.

(Владимиръ уходитъ, а за нимъ
Вѣспникъ, Способа, Торопъ, и
всѣ Дѣвицы.)

Я В Л Е Н І Е VI.

ПРЕЛѢПА и СИЛОУМЪ.

ПРЕЛѢПА.

Какой насъ жребій ждешъ по бранной неудачѣ?
Стенашь подъ узами, и умерешъ во плачѣ!

СИЛОУМЪ.

Не сокрушай себя безвременно, Княжна!
Войнѣ Владимиръ дастъ щасливо окончанье;
Онъ тамъ, надежда есть.

ПРЕЛЪПА.

Какъ суежна она!

Надеженъ рыцарь былъ, и ласпно ожиданье:
Но что?—И побѣдивъ, онъ самъ спалъ погубленъ.

СИЛОУМЪ.

Онъ живъ.

ПРЕЛЪПА.

Пріятнѣй смершь, чѣмъ варварскихъ рукъ плѣнь.

(Поютъ въ два голоса:)

Премѣненъ сей и скученъ свѣшъ:

Онъ мечшъ лишь горестныхъ собранье,

Темница узъ, жилище бѣдъ,

Мигъ радостей, вѣкъ ожиданья;

Севодни щасливы бышъ мнимся,

А завтра въ безднѣ золь явимся.

Я В Л Е Н І Е VII.

Тѣже и Сотникъ. (Съ чалмой въ рукахъ.)

СОТНИКЪ.

Великій Князь, какъ вѣпръ съ полей сдуваетъ прахъ,
Опъ града опразиль такъ бусурмански силы;
Змѣй дрогнуль опъ него, пымы пыль оборошили;
Мечемъ онъ чудеса въ ихъ показаль полкахъ.
Прислаль къ шебѣ чалму, знашь съ шайною какою,
Копору самъ онъ сшибъ со Змѣя булавою.

СИЛОУМЪ, (вынувъ изъ чалмы пѣсню съ ширинкою, и разсмотрѣвъ, показываетъ Княжнѣ.)

Рука это швоя?

ПРЕЛЪПА. (Съ радостію.)

Моя!

СИЛОУМЪ.

Теперя я пойду для срѣшенья Княжова.

(Уходитъ и съ нимъ Сотникъ.)

ПРЕЛЪПА, (одна, въ задумчивости.)

Что, премѣнясь, ушелъ опъ одного онъ слова?
Ужъ нѣшъ ли вновь еще нещасія какова?—
Но ждашь еще какихъ мнѣ бѣдъ? (Съ опчаяніемъ.)
Свершился знашь ударъ ужъ рока злова!
Добрыни болѣе на свѣшъ нѣшъ!

Въ чалмѣ Горыныча ширинку полонили,
И пѣсню въ ней же принесли.

Убить онъ: такъ, убить! свирѣпые сразили
Мою грудь молніей, и сердце все сожгли.

(Поетъ.)

Разверзися земля скорѣй,

И адская зілій ушроба!

Добрыня! Царь души моей!

Тебяль я зрю во мракѣ гроба?

Мнѣ гласъ твой слышишся, тѣнь зришся,

Иду съ тобой соединишся!

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Я В Л Е Н І Е I.

Театръ представляетъ великолѣпный Княжескій чертогъ, преддверіемъ Храму служащій, и отдѣленный отъ Храма обширною аркою, копорая задернута завѣсою.—Придворные, Среброврады, и Силоумъ угошованы на сръшеніе Владимира и торжество побѣды.

СИЛОУМЪ, (съ чалмой, Сребробрадамъ.)

Побѣду надъ врагомъ и щасія премѣну

Намъ возвѣспилъ Великій Князь:

Но чрезъ чалму сію узнаете измѣну,

Копорая, я мню, что удивитъ и васъ,

Коль скажемъ, наши кѣмъ ничтожились совѣшы.

СРЕБРОБРАДЫ.

Хвала, хвала богамъ, разрушившимъ навѣшы!

Я В Л Е Н І Е II.

Тѣже и Владимиръ съ Рындами.

ВЛАДИМИРЪ, (во всеоружіи.)

Исполнилъ я мой долгъ. (Опдаепъ щипъ, шлемъ и копье Рындамъ.—Всѣ ему кланяющіяся съ благоговѣніемъ.)

✱

СИЛОУМЪ.

Прислалъ на разсмотрѣнъе
Ширинку ты съ письмомъ, въ чалмъ сокрышу сей:
Прелѣпа сдѣлала о нихъ рѣшенъе.

ВЛАДИМИРЪ.

Какое? Знашь хочу.

СИЛОУМЪ.

Что принадлежатъ ей.

ВЛАДИМИРЪ.

Съ чего? . . .

СИЛОУМЪ.

Та шипа ей, по писано самою.

ВЛАДИМИРЪ.

Такъ спавишь ты ее виною:
Но въ чемъ пресшупница она?

СИЛОУМЪ.

Вина ея не шакъ шемна.
Къ врагу она писала,
И слѣдстввенно войну на Князя поднимала.

СРЕБРОБРАДЫ.

Измѣна, Государь!

ВЛАДИМИРЪ.

Спрашишесь, шарцы, шакъ
Невинностьъ клеветашъ споль зло, неоспорожно;
Княжна измѣнница! Какъ бышь шому возможно?

С И Л О Ъ М Ъ.

Ее въ шомъ обличиль и даже робкій зракъ.

В Л А Д И М И Р Ъ (съ печальнымъ видомъ.)

Не вѣрю. (*Подумавъ.*) Но я Князь, приспрасъе
не у мѣста

И чужды должны бышъ мнѣ жалосъ, вздохи, спонъ;

Равно прескупница, рабаль шо, иль невѣста.

Подъ безприспраснымъ лишъ царемъ незыблемъ
шонъ;

Хошя бы дочь были, сестра или супруга:

У праведныхъ Царей нѣтъ ни родни, ни друга.

Друзья! изслѣдуйте и донесите мнѣ.

(Хочешъ уйши.)

Я В Л Е Н І Е III.

Тѣже, Торопъ и Добрыня съ опкрышымъ
лицомъ, вошедъ шихо, слушаешъ разговоръ Вла-
димировъ съ его Совѣшниками; и пошомъ въ дру-
гя двери всупаешъ Прельпа съ Спосовою.

П Р Е Л Ъ П А, (увидя Добрыню, изъ
печальной вдругъ по-
казываешся радосш-
ною, и про себя.)

Живъ!

ВЛАДИМИРЪ, (примѣня Добрыню.)

Какъ! опколъ ко мнѣ

Вдругъ сродникъ мой драгой, Добрыня, могъ
явиться?

ДОБРЫНЯ.

Позволь, о Государь, въ томъ послѣ объясниться.
Кто здѣсь измѣнникомъ?

ВЛАДИМИРЪ (печально, не видя
Прелѣпы.)

Съ Тугаринымъ Княжны
Изборскія Прелѣпы
Сношенья найдены.

ДОБРЫНЯ.

Ужъ ли то правда? (*Подумавъ*) нѣшъ!
Нѣшъ, сплешни то нелѣпы:
Ширинку съ пѣсней, чшоль?

СРЕБРОБРАДЫ.

Ея руки, въ его чалмѣ.

ДОБРЫНЯ.

Вы заблуждаешесь, о судіи, во тѣмъ.
Послушай, Государь, сей шайны разрѣшенье:
То вещи всѣ мои;—опъ самыхъ юныхъ лѣшъ,
Въ знакъ дружбы нѣжныя, любви во увѣренье,
Невѣсшой были мнѣ моей подарены;
То нашихъ кляпвъ залогъ.

В Л А Д И М И Р Ъ.

Какъ, гдѣ, и опъ кого?

Д О Б Р Ы Н Я, (указывая на Прелѣпу.)

Опъ сей Княжны.

В Л А Д И М И Р Ъ, (оборотясь къ ней.)

Ты здѣсь Княжна?

П Р Е Л Ъ П А.

И сей обѣщъ

Внимали сами боги;

Я съ именемъ его обручена кольцомъ.

В Л А Д И М И Р Ъ.

Когда? при комъ?

Д О Б Р Ы Н Я.

Средь храма предъ жрецомъ.

П Р Е Л Ъ П А.

Въ училищѣ Добрады.

В Л А Д И М И Р Ъ.

Вошъ новый мнѣ ударъ! Вошъ нѣжности награды!

Ахъ! для чегожъ сію любовь,

Княжна, ты предомной такъ хитро сокрывала?

П Р Е Л Ъ П А.

Я времени искала.

СИЛОУМЪ, (въ спорону.)

Нѣшъ, хипросшъ; баснями не кормяшъ соловья.

(къ Добрынѣ.)

А какъ въ чалму онѣ къ Тугарину попали?

ДОБРЫНЯ.

Безсовѣстный рыцарь—я,

Сражался съ Змѣемъ я,

Съ коня его сбиль я;

Но послѣ такъ случилось,

Что пѣснь съ ширинкою коварствомъ очутилась

У моего врага.

ВЛАДИМИРЪ.

Вы видите теперь, какъ истина нага!

СРЕБРОБРАДЫ.

Еще сомнишельно.

ВЛАДИМИРЪ.

Но въ чемъ же шупъ сомнѣнье?

СРЕБРОБРАДЫ.

Не чрезъ наборы словъ.

СИЛОУМЪ.

Но чрезъ свидѣтелей бышь должно увѣренье.

Кто зналъ училище, залогъ ихъ, любовь?

ПРЕЛѢПА.

Добрада знала все. . . .

ТОРОПЪ И СПОСОБА (вдругъ.)
А развѣ мы вчерась не знали вашей справки?

ТОРОПЪ, (показывая на Способу.)

Не яль за ней ходиль?

СПОСОБА, (указывая на Добрыню.)

Не яль его

Вводила въ садъ?

ВЛАДИМИРЪ.

Довольно мнѣ сего.

СИЛОУМЪ,

Довольно испинѣ и правосудной власки,
Чшобъ ихъ съ виновными въ одинъ посшавишь рядъ.

СРЕБРОБРАДЫ.

Такъ, шакъ!

СИЛОУМЪ.

Бывъ воиномъ, шоль славнымъ, знаменишымъ,
За чѣмъ Добрыня былъ сокрышымъ,
И ночью въ Княжескій черпогъ
Способою вводился шайно?
И какъ конюшій могъ
Съ нимъ вмѣспѣ бытъ?—Все чшо-то чрезвычайно!
Но бывъ безъ памяти въ нее влюблѣнь,
Прешупницу справи лишь ищешъ онъ
И сказку выдумалъ нелѣпу.

СРЕБРОВАДЫ.

Судишь Прелѣпу!

ВЛАДИМИРЪ (съ гнѣвомъ.)

Не будьте скоры такъ другихъ на обвиненье,
Подумайте еще. . .

(Ошворопясь, подходитъ къ Добрынѣ и говоритъ съ нимъ тихо.)

ТОРОПЪ (въ сторону.)

(Поетъ.)

Не хотѣшь здѣсь правды вѣдать,
И приходишь намъ бѣда:
Одному Царю что дѣлать,
Коль проказать Господа?
Какъ дружатъ, такъ пса оправятъ,
Правъ! напишутъ въ при пера.
А налягутъ: въ мигъ задавятъ
И слона, какъ комара.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже, Сотникъ, и Тугаринъ съ перевязанною головою, поддерживаемый вѣрочемъ и воинами.

СОТНИКЪ.

Тугаринъ ко врагамъ во плѣнъ приведенъ:
Ты воинству во градъ велишь ли возвратишься?

ВЛАДИМИРЪ.

Какъ! взявъ злодѣй мой въ плѣнъ?

СОТНИКЪ, (указывая на Тугарина.)

Онъ шамъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Топчасъ разположисься

Вели по городу полкамъ:

Но Расскажи подробнѣй, какъ

Плѣненіе сіе случилось?

СОТНИКЪ.

Надежа Государь! я слышалъ шакъ;

Какъ полчище побой

Срацыновъ опразилось,

Тугаринычъ ушекъ съ опкрышой головой,

И въ шаборъ свой вбѣжавъ, со ужасомъ узрѣлъ,

Что Рыцарь сей (указывая на Добрыню) въ
плѣну прервавъ свои оковы,

Схвапъ свой мечъ, бѣжалъ, лепѣлъ

Ему на вспрѣчу;

Тьмы силъ вокругъ прыжки не преграждали львовы,

И головы въ чалмахъ, какъ пшицъ мелькавъ спада,

Опкрыли пушъ ему чрезъ преужасну сѣчу

Добрашся до врага.

Онъ на него напалъ,

И не смолпя, что Змѣй былъ на конѣ высококомъ,
 Со ухомъ жабръ ему опсѣкъ единымъ скокомъ,
 И выбивъ изъ сѣдла, на землю бросивъ, взялъ
 Во плѣнь.

В Л А Д И М И Р Ъ.

Какая вѣспь! Добрыня! чѣмъ заслугу
 Твою тебѣ я заплачу?

Д О Б Р Ы Н Я.

Исполнивъ должное, награды не ищу.

С Р Е Б Р О Б Р А Д Ы.

Дай правосудіе!

С И Л О У М Ъ.

И недругу и другу!

В Л А Д И М И Р Ъ.

О! что за судъ еще?—Тугаринъ на лицо,
 Вся тайна намъ шеперь открыша спала.

Т У Г А Р И Н Ъ, (въ спорону, скрыпя
 зубами.)

О! я имъ опомщу.

В Л А Д И М И Р Ъ (Тугарину.)

Писала ли къ тебѣ Княжна?

Т У Г А Р И Н Ъ.

Писала.

В Л А Д И М И Р Ъ.

О боги!

СРЕБРОБРАДЫ.

Мсшители!

ПРЕЛЪПА.

Проклятый лжець!

ТУГАРИНЪ.

Докажешъ истину мое у ней кольцо,
Что съ именемъ моимъ я далъ ей въ обрученье....

ДОБРЫНЯ.

Что слышу я!

ПРЕЛЪПА (Тугарину.)

Тебѣ?

СИЛОУМЪ.

Вошъ дѣлу и конецъ!

ВЛАДИМИРЪ (съ печальнымъ
удивленіемъ.)

И шакъ кольцо сіе намъ сдѣлаешъ рѣшенъе.
Прикажешъ ли, Княжна, сюда его принесѣть?

ПРЕЛЪПА.

Напрошивъ не скажу ни слова,
Кольцо то сдѣлаешъ мнѣ чесѣ;
Я имъ изобличилъ Тугарина гошова.

ВЛАДИМИРЪ.

Способа! Силоумъ! (Даешъ имъ знакъ,
чпобъ шли.)

ПРЕЛЪПА.

Тамъ въ досканцѣ и ешь,
Когда не вѣрише моимъ вы спонамъ.

СИЛОУМЪ.

Какъ эшу сѣшь разплессть?

ВЛАДИМИРЪ (съ огорченіемъ.)

Судише по законамъ. (Уходитъ, и всѣ
за нимъ, кро-
мѣ нижеслѣду-
ющихъ.)

Я В Л Е Н І Е V.

ТОРОПЪ, ДОБРЫНЯ и ПРЕЛЪПА.

ДОБРЫНЯ.

Какое выдешъ намъ рѣшенье?

ПРЕЛЪПА.

Вошъ добродѣшли плоды!

ТОРОПЪ.

И вошъ къ служивымъ уваженье!

ПРЕЛЪПА.

Любезный мой! швои всѣ ошъ меня бѣды:

Но зряшъ мою невинность боги.

Ширинку съ пѣснiю, любви моеѣ залoги,
Я ввѣрила тебѣ: кольцо же съ именемъ твоимъ
Хранился въ шерему въ ларцѣ съ кольцомъ моимъ.

Д О Б Р Ы Н Я.

Я вѣрю, милая!

П Р Е Л Ъ П А.

Не сомнѣвайся, другъ сердечной,
Въ любви моеѣ къ тебѣ безмѣрной, безконечной.

Д О Б Р Ы Н Я.

Нѣшъ, нѣшъ, умру тебя любя!

П Р Е Л Ъ П А.

Какая днесъ насъ ждетъ судьба?

Д О Б Р Ы Н Я.

Какая бѣ ни случилась!

П Р Е Л Ъ П А.

Лишь только бѣ я съ тобой не разлучилась.

Т О Р О П Ъ.

Широки бороды, ума палаша
У праведныхъ судей!

П Р Е Л Ъ П А.

Такъ несомнительна и клеветѣ ошпаша.

Д О Б Р Ы Н Я.

Опѣ божества, а не людей.

(Поетъ.)

Знай, зависть челоѣковъ, злоба
 На правду любящъ посягащъ;
 Гоня ее до двери гроба,
 Народъ, судей, царей мушящъ:
 Но грудь невинная спокойно
 Межъ змѣй вокругъ шипящихъ спишъ;
 Горъ возвышенной подобно,
 Смѣясь, на яры волны зришъ.

ТОРОПЪ.

Да на кого же шакъ надѣяшся, бодрисься,
 Коль не оправись судь насъ?

ДОБРЫНЯ.

На себя.

ТОРОПЪ.

Лишь одного?

ДОБРЫНЯ.

Невинность подъ щипомъ всегда небеснымъ зриш-
 ся.

ПРЕЛЬПА.

И не боишся никого.

ТОРОПЪ.

Подъ щипъ такой и я, пожалуй, радъ укрыться.

(Въ спорону.)

А правду коль сказашъ, шо шакъ и сякъ

На сердце купермится:

Но съ ними не храбришься

Не лѣзя никакъ.

(Поютъ въ три голоса.)

Невинностьъ наша намъ ограда,
Она намъ мужество даришь;
Она надежда и опрада,
И твердь на ней и вѣры щипъ.
Чшобъ съ нами въ свѣшъ семь ни спало,
Должны, благодаря, терпѣшь;
Хопъ небо бы на насъ упало,
Мы равнодушно вспрѣшимъ смерть.
(Уходишь.)

Я В Л Е Н І Е VI.

Завѣса въ аркѣ поднимается и предсав-
ляетъ внупренность Храма, наполненнаго куми-
рами, въ глубинѣ кошораго на постепенномъ
полукружномъ возвышеніи, въ срединѣ, на облакѣ,
Богъ Перунъ съ подняшымъ въ обѣихъ рукахъ
громомъ, нагнувшись, смотришь внизъ. При под-
ножіи его на первой сшупени Царской шронъ, а
внизу въ прямой линіи олшаръ съ возженнымъ
пламенемъ.—Съ самага верьху по обѣимъ споро-
намъ по сшупенямъ вдоль Храма полуциркулемъ
же сшояшь кумиры прочихъ Боговъ. — Между
ими на гранишныхъ постаменпахъ, (изъ коихъ
нѣсколько порожнихъ,) видны Рускія и иноплен-
ныя (*) знамена. Изъ нихъ первыя на вышинѣ, а

(*) Имена народовъ полуденныхъ должны бышь вы-
спавлены на щипахъ шѣ, копорыми обладалъ
Владимиръ, и копорыя нынѣ подъ другими Дер-
жавами находяшся.

послѣднія на низу. — Предъ знаменами на каждомъ поспаменшѣ сидятъ орлы, поднявшіе крылья нѣсколько вверху и держащіе въ когтяхъ своихъ на цѣпяхъ серебряные щиты съ именами городовъ Рускихъ, и знамена народовъ чужеземныхъ, кои они спрегнутъ подъ надзоромъ боговъ. На олтарѣ свѣшюкъ бумаги; вокругъ его Жрецы. На сценѣ среброврады, герольдъ, силоумъ и владимиръ; а въ споронѣ, какъ и прежде, съ перевязанною головою, поддерживаемый вирючемъ и воинами, тугаринъ.

В Л А Д И М И Р Ъ, (печально.)

Свершился ль судъ? —

С Р Е Б Р О Б Р А Д Ы.

Свершень.

Ж Р Е Ц Ы, (указывая на олтарь)

Се здѣсь опредѣленье.

В Л А Д И М И Р Ъ.

Открылиль новыя какія пресупленья?

С И Л О У М Ъ.

Открыша ихъ вина и нѣтъ ужъ въ шомъ сомнѣнья.

В Л А Д И М И Р Ъ.

Какъ!

С И Л О У М Ъ.

Самое кольцо, Княжна на кое слалась,
Со именемъ его (указывая на Горыныча) во до-
сканцѣ сыскалось,
Во перемѣ у ней. (Показываетъ
кольцо.)

ТУГАРИНЪ.

Она давно была любовницей моей.

ВЛАДИМИРЪ, (смотря на кольцо
съ удивленіемъ.)

Льзя ль было ожидать сей хипроси въ Прелѣпѣ?

СИЛОУМЪ.

Змѣя, рожденная въ вершепѣ!

СРЕБРОВАРАДЫ.

Измѣнница!

ВЛАДИМИРЪ.

Но судъ сей чѣмъ же заключенъ?

СИЛОУМЪ.

Какъ должно, такъ свершенъ:

Тебѣ лишь подписать.

ВЛАДИМИРЪ (Жрецу, указывая
на опредѣленіе, ле-
жащее на олшарѣ.)

Подай! (Читаетъ), „Княжну предъ олшаремъ заклашъ

„И съ ней сообщниковъ., Неправедно рѣшенъе!

(Бросаетъ опредѣленіе.)

Хошите исполняшъ? (Въ сіе время вдалекѣ слы-
шится тихій громъ.)

ЖРЕЦЪ.

Се неба изреченъе!

*

СРЕБРОБРАДЫ.

Знашь ушверждень нашъ судъ.

ВЛАДИМИРЪ, (съ горестію)

Бышь шакъ! (падаетъ въ обморокъ
на руки къ придвор-
нымъ.)

СИЛОУМЪ Герольду.

Дай знакъ. (Герольдъ прубишъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

ДОВРЫНЯ, ПРЕЛПА, ТОРОПЪ И СПОСОВА
вводяшся подъ сшражею въ преддверіе Храма
окованные цѣпями, изъ коихъ ПРЕЛПА въ бѣ-
ломъ плашѣ съ разпущенными волосами.

СИЛОУМЪ.

Вамъ казнь присуждена.

ТОРОПЪ.

Ахши!

СПОСОБА.

Онъ бусурманъ!

Не обморочиль ли какой меня дурманъ?

Не принесла ли я кольцо не шо, другое.

СИЛОУМЪ.

О! пустоее

ЖРЕЦЪ.

Покайтесь!—

СИЛОУМЪ.

Вамъ часъ дается на прощанье,
Не примется ошъ васъ пустое оправданье.

(Опсступаетъ со Жрецомъ
во глубину театра.)

ПРЕДЪПА И ДОБРЫНЯ, (обнимаясь.)

Дуэтъ.

Неизбѣжнымъ нашимъ рокомъ
Разстаешься ты со мной,
Во сшенаніи жестокомъ
Я прощаюся съ тобой;
Обливаясь слезами,
Скорби не могу снести;
Не могу сказать словами,
Сердцемъ говорю: прости!

ДОБРЫНЯ.

Прости, любезная нѣжнѣйшая супруга!
Моимъ ты сердцемъ такъ давно наречена.

ПРЕДЪПА.

Прости, драгой супругъ!
Душа моя съ твоей давно сопряжена.

ДОБРЫНЯ.

Увидимъ ли еще съ тобою другъ мы друга?

ПРЕЛЪПА.

Соединишся ль нашъ невинный въ небѣ духъ?

ТОРОПЪ.

Въ чужомъ пиру и намъ достанется, Способа!

СПОСОБА.

Пришла бѣда на нихъ, придетъ на весь нашъ родъ.

ТОРОПЪ.

Коль сдѣлалось ужъ шакъ, для добрыхъ сихъ Гос-
подь

Пойдемъ мы имъ служишь хопя въ срединѣ гроба.

Поютъ попарно въ чешыре голоса.

Руки, грудь, усша и очи

Лобызаю у шебя;

Нѣшу силы, нѣшу мочи

Отдѣлишся опъ шебл:

Лобызаю, умираю,

Тебѣ душу отдаю;

Иль изъ успѣ швоихъ желаю

Душу взять съ собой швою.

Я В Л Е Н І Е VІІІ.

Герольдъ даетъ знакъ трубою, и начинается печальная процессія при звукѣ унылаго марша. — Главный Жрецъ и его шоварищи, съ возженными факелами, берутъ изъ преддверія Прелѣпу и прочихъ осужденныхъ, и ведутъ во внутренность Храма; и съ пѣніемъ обводя нѣсколько разъ вокругъ олшаря, спавяшъ ихъ на колѣна по обѣимъ сторонамъ олшаря.

Х О Р Ъ Ж Р Е Ц О В Ъ. (Тихими басами
безъ музыки.)

Внемли, печальная Прелѣпа,
Какъ смерти гласъ тебя зовешъ;
Скрыпъ слушай адскаго заклепа,
Кошорый въ мракъ тебя запрешъ.
Законы правосудья спроги
Пролишь васъ осудили кровь:
Но будешь милосерды боги,
Невинна ваша коль любовь.

Ж Р Е Ц Ъ, (наклоня голову Прелѣпы и занося ножъ.)

Благоволи Перунъ!

При послѣднемъ словѣ Жреца ударяетъ страшный громъ, молнія освѣщаетъ Храмъ, ножъ изъ рукъ Жреца и оковы съ осужденныхъ падаютъ. — Они встаютъ на ноги, Владимиръ освобождается отъ обморока; — на облакахъ является Доврада.

Я В Л Е Н І Е IX.

ПРЕЖНІЕ и ДОБРАДА.

ДОБРАДА.

Ретитативъ.

Постой, о дерзновенный!

Не лей невинну кровь!

Судья лишь заблужденный

Караешь за любовь.

Но чшобъ невинность вамъ свяшую

Умѣть съ злодѣйствомъ различить,

На совѣсть должно прежде злую

Свою вамъ взоръ вашъ обратишь.

(Съ симъ словомъ показывающіяся на грудяхъ Тугарина, Сребробрадовъ и Силоума огненные надписи, у перваго: злодѣй; а у прочихъ у каждого: *пристрастенъ*.)

ВЛАДИМИРЪ.

О небо справедливо!

ТОРОПЪ.

Ахши! какое диво!

СПОСОБА.

О есшъли бы у всѣхъ людей

Такія окна въ сердце были!

ТОРОПЪ. (Въ сторону.)

Такъ машъ бы для судей.

Д О Б Р Ы Н Я.

А благо для Царей.

Д О Б Р А Д А, (сошедши съ облака,
которое улетаетъ.)

Въ судѣ вы вашемъ погрѣшили;
Я развяжу вамъ узелъ сей
И злыхъ разсыплю мракъ спрасшей:
Тугаринъ варваръ, чародѣй,
По славѣ о красѣ влюбившійся въ Прелѣпу,
Мысль забралъ въ голову нелѣпу,
Чшобъ какъ по ни было, ее себѣ доспашь;
А вспрѣшясь случаемъ среди пущыни,
Похищилъ пѣсню онъ у спящаго Добрыни,
Назвалъ ее письмомъ, и съ онымъ приспупашь
Онъ спалъ къ Владимиру съ извѣсною грозою,
Прелѣпу пребуя себѣ въ жены.
Но и ее прельстивъ чшобъ хитростию злою,
Онъ змѣемъ къ ней лещалъ, мечталъ ей страшны
сны,
Чшо будшо бы сглошилъ Добрыню онъ живаго,
И жениха въ себѣ представилъ ей другаго.
Пошомъ, у воинспва чшобъ бодрость всю опняшъ
И суевѣріемъ бояръ поколебашъ,
Онъ къ разнымъ прибѣгалъ коварспвамъ, чаро-
дѣйспвамъ:
На кровлѣ филиномъ въ полуночи споналъ,
Русалкою въ лугахъ, сорокой щекопалъ,

И сжегъ бы, погубилъ такимъ бѣсовскимъ дѣйств-
вомъ

Во змѣѣ огненномъ Добрыню наконецъ,
Коль данная бѣ ему мной въ шалисманѣ сила,
Во шлемѣ скрытая, огня не отвратила.

Когда же не успѣлъ и шѣмъ хитрецъ,
Упошребилъ еще обманъ и вѣроломство:
Засадой скрышою опрѣзалъ ваше войско,
И Вѣдѣму подкупя, перемѣнилъ кольцо.
Я съ кровли сбросила вѣчоръ ее въ досадѣ,
Но открываю здѣсь ему и вамъ въ лицо
Всѣ мерзоси его, къ достойнѣйшей наградѣ.

(Съ симъ словомъ прикасается же-
зломъ къ Тугарину, у котораго изъ
за пазухи выпадаетъ кольцо.)

СИЛОУМЪ, (поднявъ оное и раз-
мошря въ немъ над-
пись, читаетъ.)

Добрыни даръ Прелѣпѣ!

ВЛАДИМИРЪ, съ воспоргомъ.
Добрыни даръ?

СИЛОУМЪ, печально.
Такъ, ахъ!

ВЛАДИМИРЪ.

Вошѣ, честные судьи, вы правду чли въ поклепѣ.
Сколь оспорожнымъ бышѣ вамъ надлежишѣ въ су-
дахъ!

СРЕБРОБРАДЫ, (пропягивая шею.)

Вноси ударь!

СПОСОБА Торопу.

И головы боярь, вошь видишь, пошашнулись.

ТОРОПЬ Способь.

Ну, какже бышь, мой другъ, всей варею споткнулись

ПРЕЛЪПА.

О чудеса чудесь!

ДОБРЫНЯ.

Судь праведень небесь!

ДОБРАДА.

Родишелями мнѣ Прелѣпа и Добрыня

Съ издѣшства ввѣрены: то ихъ покинуль нынѣ?

ДОБРЫНЯ, ПРЕЛЪПА, ТОРОПЬ И СПОСОБА.

Поютъ.

О великая Добрада!

Благъ виновница, чудесь!

Намъ ушѣха и опрада!

Токъ оперла нашихъ слезъ.

Какъ тебѣ мы благодарны!

Но пролей лучъ свѣспозарный

На влюбленные сердца

И ущедрь насъ до конца!

СИЛОУМЪ.

Мы чувствуемъ вину и наше преступленье.

СРЕБРОБРАДЫ, кланяясь.

И просимъ о прощеньѣ.

Поютъ.

О великая Добрада!

Благъ виновница, чудесь!

Ты невинности награда,

Нашихъ зеркало очесь!

Смилосердися надъ нами

И избавь насъ отъ стыда,

Не клейми ты такъ лучами

Наши груди никогда!

ТУГАРИНЪ (съ звѣрскимъ видомъ.)

Я чувствую, огонь мое все сердце жжешь:

Но скоро, скоро онъ поухнешь и пройдетъ;

Досада, мечь его и злоба задушаетъ.

ТОРОПЪ И СПОСОБА.

Поютъ.

О великая Добрада!

Благъ виновница, чудесь!

Намъ утѣха и отрада!

Токъ очерла нашихъ слезъ.

Но прорѣжь въ грудяхъ окошки
У вельможъ и у судей,
Чтобъ въ ягнячьихъ кожахъ кошки
Близко не жили Царей.

Д О Б Р А Д А.

Не опъ волшебницъ, а Царей зависишь
Творишь счастливыми людей:

Кто хочешь благо всѣхъ возвысишь,
Владыка прежде будь пошъ собственнѣхъ спра-
сней.

В Л А Д И М И Р Ъ.

Добрада!—но и Царь такой же человѣкъ.

Д О Б Р А Д А.

Великій это Князь Россійскій мнѣ изрекъ!

В Л А Д И М И Р Ъ.

Нѣшъ! нѣшъ! я слабостями себя не извиняю.
Коль сродника подвергъ, невѣсту, я подъ судъ:
Нарушить истины законовъ не дерзаю,
И боги опъ меня пускай мой шронъ возмупъ!
Ужъ не въ моей теперь Прелѣпа больше власпи:
Поди шы опъ меня, съ опасной красотой!
Но что я говорю?—Лишусь нѣжнѣйшей спраспи,
Она въ душѣ моей:—нѣшъ, нѣшъ, Княжна, постой!
Я плѣнникъ!—Но и кто?—Великій Князь Россій-
скій!

Полсвѣша можешъ ли мнѣ такъ послушнымъ бышь,

Когда владѣюшъ мной самимъ желанья низки?
 Могушъ лишь только попъ, себя кто побѣдишъ.
 Добрыня и Княжна! хошъ вами я спрадаю,
 Но бышъ во Князѣ вамъ хочу шеперь опцомъ:
 Подайте руки мнѣ, я васъ сочешаваю! *(Соединяетъ
 ихъ руки.)*
 Царь щаспливъ, гдѣ краса и храбросшъ подъ вѣн-
 цомъ!

ДОБРЫНЯ И ПРЕЛѢПА, *(упадая на колѣ-
 ни и цѣлуя его
 руки.)*

Великая душа!—Великій Государь!

ВЛАДИМИРЪ, *(оборотясь къ То-
 ропу и Способѣ.)*

И вѣрныхъ шакже слугъ да наградишъ мой даръ.
(Къ Судьямъ.)

Прощаю я и васъ, судьи несправедливы.

*(Всѣ они упадаютъ на
 колѣни.)*

Къ Тугарину.

Тугаринычъ! и шы не плѣнникъ больше мой!

ТУГАРИНЫЧЪ.

Ошъ слабости шакой сраженъ мой духъ кичливый.
 Скорѣе, Адъ! меня ошъ милосердья скрой!

*(Срываетъ съ головы перевязку
 и упадаетъ на руки поддержива-
 ющихъ его бирюча и воиновъ, ко-
 торые уносятъ его за кулисы.)*

ХОРЪ ВСЕОБЩІЙ (на колѣняхъ.)

И побѣдитель всей вселенной
 Не столь великъ, какъ пошъ Герой,
 Кто силою своей душевной
 Побѣду снѣшетъ надъ собой,
 И кто достоинства умѣетъ
 Подвласныхъ зрѣть и опличать:
 Великодушю довлѣетъ
 Себя съ безсмертными равнять.

ВЛАДИМИРЪ.

Возспаньше!—Чеснь сія Добрынина и слава!
 Се воинство ему безсмертну пѣснь поетъ!

*(Слышно пѣніе входящихъ въ
 городъ войскъ.)*

ХОРЪ ДРЕВНІЙ РУСКІЙ.

Какъ ѣдетъ, поѣдетъ добрый молодець,
 Сильный, могучъ богащирь,
 Добрыня то, брашцы, Никишьевичь.
 Да ѣдетъ съ нимъ его Торопъ слуга,
 И сражается онъ съ Тугаринымъ;
 У Тугарина собаки крылья бумажныя,
 Лешалъ онъ собака по поднебесью
 И палъ онъ собака на сыру землю.

Я В Л Е Н І Е Х.

Ошрядъ войскъ вносишь въ Храмъ знамена
Рускія и бунчуки Тапарскіе, изъ коихъ первыя
спавяшь въ порожнихъ постаментахъ на полу-
кружномъ возвышеніи; а послѣдніе внизу, вдоль
Храма, позади сидящихъ на нихъ орловъ, и по-
мѣстятъ ихъ, уходящъ.

Т О Р О П Ъ.

Гдѣ есть Добрыни, та прещаслива держава;
Межъ ними добрый Царь, какъ маковъ цвѣтъ, цвѣ-
шешъ.

С П О С О Б А.

Какъ сопы съ молокомъ народъ весь услаждающъ,
Гдѣ благу общему всѣмъ служащъ живошомъ.

Т О Р О П Ъ.

Чрезъ нихъ поля и города блистающъ.

П Р Е Л Ъ П А.

Ихъ должностъ почно въ шомъ. . . .

Д О Б Р Ы Н Я.

Чшобъ жишь и умерешъ съ Царёмъ.

Д О Б Р А Д А, (Сперва важно, а
попомъ съ про-
роческимъ из-
скупленіемъ.)

Въ примѣрномъ для Царей швомъ, Князь, дѣлѣ
эшомъ

Рѣшенъ двухъ жребій царствъ: Россія возраспешъ:

Верхъ надъ Измаиломъ со временемъ возмешь.
 Великодушіе ея управитъ свѣтомъ,
 Я вижу въ будущемъ: Великій нѣкій Богъ
 Воздвигъ на Сѣверѣ свой Храмъ, олшарь, черпогъ;
 Страна сія его лучами озарилась,
 Нечестья, суевѣрствъ, волшебствъ изчезла тѣма;
 Свѣтъ, истина въ Царяхъ и людяхъ водворилась,
 Россіянъ славою вселенная полна!
 Такъ, вижу я сіе, вѣкъ зрю грядущихъ благъ,
 Дрожишь нашъ сонмъ боговъ: Владимиръ! ты въ
 лучахъ!

Что сбудется сіе, то бракъ вы поржесвуйте,
 И славу вашу вамъ симъ днемъ предзнаменуйте.

(Машетъ жезломъ, спускается облако,
 на кошоромъ она улепаетъ.)

Я В Л Е Н І Е XI.

Владимиръ сядиша на пронъ; Жрецы спав-
 новяшся по обѣ споронѣ олшаря;—Сревров рады,
 Силоумъ, Герольдъ и Дворъ по обѣ спороны
 прона на вшорой сшупени, теремныя Дѣвицы
 съ злаными въ рукахъ ципрами занимающъ мѣ-
 сто на прешей; на чешвертой богатыри съ
 позлащенными на головахъ шлемами, а на грудяхъ
 щипами и съ палицами въ рукахъ, на кошорыя
 опирающся. Прельпа, Доврыня, Торопъ

и Спосова непримѣнно удаляются съ театра, а на мѣсто ихъ, въ лицѣ ихъ и Поѣжжанъ, юношей и дѣвъ народныхъ, выходяшь фигуранты въ богатыхъ одеждахъ и танцують балешъ, въ кошоромъ предспаваяешся Добрынина свадьба по древнимъ Рускимъ обрядамъ. То есть: 1е) женихъ и невѣста въ великолѣпномъ послѣдованіи входяшь въ Храмъ, идушь на тронъ и цѣлуютъ руку у Великаго Князя; 2е) сошедши опшуда, сядясь на своихъ мѣстахъ, Конюшій и Наперсница спановясь за ними, и тогда же усыпаютъ пущъ ихъ хмелемъ; — 3е) обмахиваютъ ихъ соболями; 4е) чешутъ волосы гребнемъ; — 5е) подносять имъ на золотыхъ блюдахъ и въ золотыхъ крынахъ съ пашокой коровой и кашу: что все совершается подъ особливыми хорами, или свадебными пѣснями, которыя слѣдуютъ ниже.

Х О Р Ъ I.

*Когда Добрыня и Прелѣпа всходятъ ко
Владимиру на тронъ принимать отъ
него отеческое благословеніе.*

Кашилося зерно по бархану,
Еще по ли зерно бурмицкое,
Прикашилося зерно ко яхоншу:
Крупень жемчугъ, яхонть свѣшился,
Хорошъ женихъ со невѣстою,
Хорошъ Добрыня со Прелѣпою.

ХОРЪ II.

*Когда женихъ и невѣста сходятъ съ трона,
чтобъ сѣсть на своихъ мѣстахъ и
путь ихъ усыпается хмелемъ.*

Вьешся, вьешся хмель золошой
Около пычинки серебряной;
Идешь, идешь Князь молодой
Объ руку Княгини возлюбленной.
Сыпьте, сыпьте хмель на пуши,
Весело бѣ имъ жизнь провеспи.

ХОРЪ III.

Когда ихъ облахиваютъ соболями.

Не шихіе вѣпры попархивають,
Не солнечный жаръ и зной холодятъ;
Но черные соболи помахивають,
Нѣгу, богатство, довольство сулятъ.

Ой люли, сулятъ
Князьямъ молодымъ:
Ой люли, сулятъ
Жить щасливо имъ.

ХОРЪ IV.

*Когда ихъ тешутъ гребнемъ, расплетая у
невѣсты косу и надѣвая на нее китку.*

Гребень бѣлый чешетъ голову,
Кудри злапы, косы черныя;

*

Такъ-по время спроишь учаспи,
Разумъ людямъ даетъ почести.

Ой леля! ой ладо! почести,
И дружбу и согласіе
Во всѣмъ благопоспѣшіе.

Х О Р Ъ V.

*Когда ихъ кормятъ короваели и кашею
и поятъ сытою.*

Какъ папока записная,
Бѣлоярово пшено съ сыпой,
Жизнь спокойна ваша чистая,
Такъ сладко попечешь спруей:
А мы на пиру здѣсь, на свадебкѣ,
Пожелаемъ всего добраго,
Здоровья вамъ и добрыхъ дней.

Х О Р Ъ VI.

Владимиръ.

И воскликнемъ въ громкой радости:
Слава Царю доброму,
Крошкому, великодушному,
Опличаешь добродѣтели!
Слава ему, слава, слава!

VIII.

ПОЖАРСКОЙ,

ИЛИ

ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ,

ГЕРОИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

ВЪ

ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

съ хорами и речитативами.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Нужнымъ почишаю предувѣдомишь, что желая посредствомъ пера оживить въ памяти любезнаго Отечества моего то знаменитое героическое происшествіе, въ которомъ всѣ состоянія его соучаствовали, и снѣжавъ себѣ безсмертную честь и славу, показали истинную великость духа Россіянъ, —каковую въ нынѣшнія времена въ подобномъ случаѣ нѣкоторые народы и ихъ вожди напрасно, кажется, себѣ присвояють, — взявъ характеры дѣйствующихъ лицъ, (дабы шѣмъ зрѣлище удостоверительнѣе казалось,) изъ самыхъ дѣяній, бытописаніями и преданіями намъ свидѣтельствуемыхъ. — Любопытный благоволишь прочесть *Ядро Россійской Истории* и прочія лѣтописи: то увидишь, правильно ли мною извлечены изъ самыхъ дѣлъ характеры. — По истинѣ: когда *Пожарской*, пренебрегши свое спокойствіе и не смотря на раны свои, въ смутное время принявъ на себя главное предводительство собраннаго войска, — не поступилъ по тогдашнимъ обычаямъ жестоко со злодѣями, на убивство его покушавшимися, — не прельстился богатствомъ бояръ, изъ осажденной Москвы имъ выпущенныхъ; — не обходился съ плѣнниками сурово, какъ другіе, которые ихъ имѣніе ограбили, а самихъ лишили жизни;

не принялъ короны, опъ народа ему поднесенной, какъ нѣкоторые иностранные писатели и всѣ обстоятельства ушверждающъ, а возложилъ ее на наслѣдника по крови царской, учредя Монархическое правленіе:—то не былъ ли онъ Герой вышшей степени, человекъ самый добродѣтельный, великій, каковыхъ мало Исторія представляетъ, и каковымъ я его представляю, придавъ ему слабости, не побѣдя которыхъ, никто великимъ почитаться не можетъ?—Когда *Трубецкой* не былъ съ нимъ въ союзѣ, не содержалъ въ должномъ порядкѣ войскъ своихъ, такъ что запрещено было имъ сообщаться съ его спаномъ; не далъ въ нужныхъ случаяхъ *Пожарскому* помощи, не удалилъ опъ себя явнаго злодѣя *Заруцкаго*: то чему приписать сіе, какъ не скрытымъ видамъ самолюбія, зависти и желанія властвовать надъ всѣми, каковымъ спрашамъ нерѣдко подвержены бывающъ самые знаменитые, славные, однако не великіе люди, которыхъ довольно Исторія и нынѣшнія времена намъ показываютъ?—Когда *Мининъ*, изъ пламенной ревности къ своему Отечеству, для избавленія его опъ ига иноплеменныхъ, принесъ на жертву все свое имущество, подвигомъ своимъ къ тому же народъ, присовѣтовавъ ему и въ вожди себѣ избравъ *Пожарскаго*: то какъ его иначе представить,

какъ не горячаго, твердаго духа человекомъ, достойнымъ во всѣ времена почтенія и удивленія? — Когда *Аврамій Палицынъ*, употребя себя на увѣщеваніе народа къ ополченію чрезъ многія письма, опважился лично на опасности, уговаривая въ помощь Пожарскому взбунтовавшися Козаковъ и не употребилъ во зло сокровищъ, монастырями ему ввѣренныхъ: то какъ не признашь въ немъ преподобнаго, святаго мужа, достойнаго прославленія въ попомствѣ? Напроставъ того, когда *Заруцкій*, попускавшій Козакамъ своимъ явные грабежи и разбои, не былъ не токмо усерднымъ содѣйствователемъ ни Трубецкому, ни Пожарскому; но, совокупясь тайно съ Мариною и женись попомъ на ней, наносилъ вредъ Государству, такъ что даже сообщники его, и по немъ, въ отмщеніе смерти его, раззоряли низовыя страны: то какъ не описать его самыми мрачными красками, какъ злѣйшаго врага и измѣнника? — Наконецъ, когда *Марина*, послѣ содержанія ея въ Ярославль подъ присмотромъ, бывъ безвредно освобождена, прибѣгала еще къ разнымъ проискамъ, признавая нѣсколькихъ самозванцевъ Лжедими-пріемъ, мужемъ своимъ, имѣла съ ними любовныя обращенія, и добиваясь всѣми мѣрами престола, переѣзжала изъ мѣста въ мѣсто, переодѣваясь иногда въ мужеское

воинское плащье и сядясь на коня, пускалась въ опасности: то какъ не изобразишь въ ней предприимчивую, власполюбивую, хитрую прелестницу и чародѣйку, каковою и преданіе ее называетъ? Словомъ: всѣ сіи характеры, и прочихъ лицъ упоминаемыхъ косвенно въ монологахъ, взялъ я, ничего къ нимъ не прибавляя, почно изъ Истории; а по свободѣ Поэзіи вымыслилъ только нѣкоторыя вводныя происшествія, какъ-то пожаръ, любовныя увеселенія и прочія, для связи и пріятности зрѣлища. Но всѣ однако событія, въ разныхъ мѣстахъ и временахъ случившіяся, по правиламъ драматическимъ привелъ я въ одну почку зрѣнія; а дабы торжественное сіе дѣяніе, возпричинствовавшее благоденствіе Имперіи и до нынѣ существующее, не было зрѣлищемъ скучнымъ и мрачнымъ, подобно трагедіи: то украсилъ я его великолѣпіемъ, свойственнымъ операмъ, придавъ ему разныя декорации, музыку, танцы и даже виды ■самаго волшебства. Но чѣмъ съ другой стороны оно не потеряло въ семъ блескѣ принадлежащей ему героической важности и силы: то нѣкоторымъ лицамъ далъ я довольно прогашельные и пространные монологи, но избавилъ однако ихъ во все опъ пѣнія и плясокъ, имъ неприличныхъ, предоспавя то единственно спашиспамъ только въ балетѣ,

хорахъ и речитативахъ. — Когда такового рода зрѣлище пріобрѣтешъ благоволеніе публики, то останусь довольнымъ, что прудъ мой не былъ щепнымъ: впрочемъ не думаю я, чшобы кто изъ соотечественниковъ и потомковъ тѣхъ народовъ и лицъ, которые въ семъ произшествіи соучаствовали, нашелся тѣмъ недовольнымъ, что не въ такомъ свѣтѣ кто либо изъ нихъ представленъ, какъ бы ему желалось. А ежели бы и сіе случилось: то предоставляю всякому судить о томъ, какъ угодно, вѣдая, что Эпическія и Драмашическія поэмы (разумѣется трагедіи) удобнѣе составляются изъ временъ самыхъ отдаленныхъ, героическихкихъ и баснословныхъ, въ темнотѣ коихъ свободнѣе сокрывается акронизмъ, блистаетъ чудесность и усыпляется личность. Но когда предметъ взятъ почти изъ новой Исторіи, или близко намъ современной: то хотя первыя и не совсѣмъ инымъ покажутся правдоподобными, но опъ послѣдняго никоимъ образомъ избѣжать не возможно; а попому и не извиняюсь я какими либо пространными разсужденіями, коихъ бы достапочно къ оправданію привести было можно, но довольствуюсь только припомнить слѣдующій стихъ Гна Ломоносова:

*„Ни злости не страшусь, ни требую добра;
„Не ради васъ пою, для правды. . . .“*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Князь Пожарской, { вожди Рускіе.
 Князь Трубецкой, {
 Мининъ, купецъ Нижегородскій и казначей войска
 Пожарскаго.

Марина, жена Лже-Димитрія, чародѣйка.
 Заруцкій, Казачій Гепманъ, союзникъ войска Тру-
 бецкаго.

Аврамій Палицынъ, келарь Троицкой лавры, въ
 видѣ просполюдима.

Послы Польскіе.

Дума вояръ.

Межаковъ, Ясауль Заруцкаго.

Жены { Боярскія.
 Дѣти {

Гражданки.

Жильцы Московскіе, дворяне, го-
 спи и спряпчіе.

Прислужники и
 Прислужницы Маринины въ видѣ
 охопниковъ, а-
 муровъ и проч.

Трувачъ.

Гонецъ.

Войски, Рускія и Польскія.

Козаки.

Народъ.

всѣ безъ рѣзей,

а составляются

только изъ нихъ

хоры, регита-

тивы и балеты.

Дѣйствіе происходитъ въ окрестностяхъ
 Москвы и въ Кремль.

ПОЖАРСКОЙ,

ИЛИ

ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ при заходѣнїи солнца Москву со стороны Цепровскихъ вѣрстъ; вдали дымъ и изрѣдка слышны пушечные выстрѣлы отъ осады Трубецкаго; вблизи въ дубравѣ спань Пожарскаго; воины сидятъ кругами и варятъ кашу.

ЯВЛЕНІЕ I.

ХОРЪ.

(перваго круга.)

Ядры пусть лепятъ ревучи,
Воютъ въпры, черны пучи,
Молны блещутъ средь громовъ;
Смѣло идемъ на враговъ.

(Всѣ круги вообще.)

Мы пойдемъ, друзья, пойдемъ,
За опечеснво помремъ.

Х О Р Ъ.

(второго круга.)

Злобно пусть враги яряся
 За стѣнами защищаться:
 Не трепещетъ Руска грудь,
 Намъ на стѣны весель пущь.

(Всѣ круги вообще.)

Мы пойдемъ, друзья, пойдемъ,
 За опечесство помремъ.

Х О Р Ъ.

(третьяго круга.)

Пусть измѣнники буншуютъ,
 Скипшры хищникамъ даруютъ:
 Вѣрны мы своимъ царямъ,
 Кровь свою несемъ имъ въ дань.

(Всѣ круги вообще.)

Мы пойдемъ, друзья, пойдемъ,
 За опечесство помремъ.

Я В Л Е Н І Е II.

МИНИНЪ и ПАЛИЦЫНЪ.

(Хоры умолкають; воины снимають съ сошекъ коплы, пушають огни, и уходяють въ шапры.)

ПАЛИЦЫНЪ.

По многимъ грамамъ, мной посланнымъ, созыв-
нымъ,

И съ Лавры вѣющимъ въ щасливый знакъ вѣ-
прамъ,

Сыны опечесства! въ оппору супрошивнымъ

Съ Пожарскимъ Минина къ преспольнымъ симъ
спѣнамъ

Я жду давно: но вы.

МИНИНЪ.

Различныя препоны:

Хошкевичъ, насъ вчерась объѣхавъ шьмою полпъ,
Пресѣкъ было пуши.

ПАЛИЦЫНЪ.

Я вѣрю, и законы,

Вамъ Думой данные, препнули бѣ быспроспъ спопъ,

Коль шронабъ, олшаря, краеугольный камень

Согласенъ съ ними былъ.

МИНИНЪ.

Кпо удержашъ насъ могъ?

Любви къ опечесству безмѣренъ въ Рускихъ пламень;

Мы въ жершву жизнь несемъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Чрезъ Патріарха Богъ.

МИНИНЪ.

Но мы спасаемъ престоль и вѣру усстремились:
То Гермогену ли прошиву насъ возстаемъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Нѣшъ, нѣшъ! Но вы бѣ его анаемъ усстрашились.

МИНИНЪ.

Анаемы его! — За что насъ проклинали?

ПАЛИЦЫНЪ.

Онъ голодомъ, жаждою и муками перзаемъ,
Быль нудимъ опъ Бояръ вамъ написавъ о шомъ,
Чшобъ вы не шли къ Москвѣ.

МИНИНЪ.

Но мы Москву спасаемъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Нѣшъ нужды, говоряшъ, вамъ въ подвигъ шакомъ.

МИНИНЪ.

А какъ, и по чему?

ПАЛИЦЫНЪ.

Ужъ Дума къ Владиславу
Ошправила пословъ. — Не знали развѣ вы?

МИНИНЪ.

За чѣмъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Чшобъ взялъ себѣ онъ Рускую Державу.

МИНИНЪ.

Избави Господи ошъ чуждой насъ главы!
И на измѣну шу нашъ Паспырь согласился?
И намъ къ Москвѣ не йши?

ПАЛИЦЫНЪ.

Онъ даже и поднесъ
Съ ошѣзда моего шерпѣль, спрадалъ, крѣпился.

МИНИНЪ.

О добрый Паспырь душъ!

ПАЛИЦЫНЪ.

Я въ сей одеждѣ здѣсь
Нарочно кроюся давно ужъ пошаенно,
Чшобы увѣдомишь о всемъ подробно васъ,
И какъ прошивъ враговъ вамъ весъ себя надежно:
Но вождь вашъ—Ты?

МИНИНЪ.

Я?—Нѣшъ!—Пожарской храбрый Князь.

ПАЛИЦЫНЪ.

Гдѣ жъ онъ?

Часть IV.

15

МИНИНЪ.

Тамъ въ шаторъ, иль шакъ я полагаю;
Не озираешъ ли онъ Трубецкаго спанъ
И положенье мѣстъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Сего не понимаю,
За чѣмъ бы Трубецкой къ вамъ не явился самъ.

МИНИНЪ.

Чтожь?

ПАЛИЦЫНЪ.

Чудный эшо вождь! Ему бытъ должно раду
Прибышью вашему, и съ лаской встрѣшитъ васъ.

МИНИНЪ.

А развѣ чувствуешь какую онъ досаду?

ПАЛИЦЫНЪ.

Я не скажу того: но нѣкій тайный гласъ
Здѣсь носится, что онъ Пожарскаго не любитъ.
Бытъ можешь, слухъ пустой, иль зависъ иногда—
Ты знаешь, что вождей она нерѣдко губитъ.

МИНИНЪ.

Великихъ прямо душъ полъ низка спрасъ чужда.

ПАЛИЦЫНЪ.

Но можно же сказать за тайну между нами,
Что власнолюбіе и первенство чиновъ
Вершѣло и вершишь большими головами.

М И Н И Н Ъ.

Сперечься должно намъ, изъ сихъ я вижу словъ.

П А Л И Ц Ы Н Ъ,

Не худо. Да и швой каковъ Начальникъ свойспвомъ?
Тожъ не подвержень ли онъ слабоспямъ какимъ?

М И Н И Н Ъ.

Наполненъ честноспью и испиннымъ героисп-
вомъ.

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Да сила Божія всегда пребудешъ съ нимъ!
Однако говоряшъ, чпо будшо онъ женами
Бываешъ уловленъ, ихъ нѣжноспьми плѣнясь.
Всего опаснѣе сражапсья съ красопами!
Марининныхъ волшебспвъ, предеспныхъ силу глазъ,
Я мню, шы вѣдаешъ по всенародну слуху,
Чшо обольспя собой Ошрепьева она,
Поджогу хипросспьми коварному вливъ духу,
Взнеслась съ нимъ на пресполь, какъ изъ за пучь
луна.

Да и по немъ еще до днесъ не унываешъ;
Но многихъ Лже-царей, подъ именемъ его,
Назвавшись женой, вновь скиппра досягаешъ.
Тушинскаго на дняхъ, въ Коломнѣ, своего,
Хошъ успокоила; но шайными пушями
Вѣжжаешъ и въ Москву, всѣхъ ссоришъ и мушишъ
Бояръ свой красой. Сего дня съ Поляками,

*

А завпра съ Рускими вновь брачипсья манипъ;
 Порощамъ, по садамъ ліепъ свой ядъ зловидной.
 Заруцкой весь ея, — и словомъ: въ хипросяхъ
 Со злапосребренной сверкающей ехидной
 Віющейся, она похожа во цвѣтахъ. —
 Самъ ею Трубецкой, какъ очарованъ, ходипъ;
 Обрывшисъ въ таборъ, хошя и спыдъ несепъ,
 Но войскъ своихъ на брань ни мало не гоповипъ,
 Стоипъ, не дѣйсвуепъ, его какъ будпо нѣпъ.
 И о швоемъ Вождѣ, шобой шоль возхваленномъ,
 Злорѣчный до моихъ доспигнуль слухъ ушей:
 Чшо кшо - шо зрѣль его во образѣ смяпенномъ
 Опъ взгляда одного Марининыхъ очей.

М И Н И Н Ъ.

Все можепъ быпъ: но гдѣ ему въ нее влюбипсья?
 Въ деревнѣ на одрѣ онъ съ годъ лежалъ опъ ранъ,
 И я всегда съ нимъ былъ.

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Мнѣ должно согласишсья,
 Коль шакъ шы говоришь.

Я В Л Е Н І Е III.

Тѣже и Пожарской съ нѣсколькими нижними чиновниками.

П О Ж А Р С К О Й (чиновникамъ.)

Обвѣсть вокругъ цѣпью спань,
И безъ меня никшобъ!..... (Чиновники кланяются и уходящъ.)

М И Н И Н Ъ (Палицыну.)

Вошъ воинствъ Предводишель,
(Пожарскому.)

Ощецъ Аврамій здѣсь.

П О Ж А Р С К О Й.

Ахъ, преподобный другъ!
Позволь себя обнящъ.

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Почтенный повелишель!
Безмѣрной радостью объящъ шеперь мой духъ,
Чшо ты Вождемъ у насъ.

П О Ж А Р С К О Й.

А я и не примѣшилъ,
Чшо на себя ты взялъ просонародный видъ:
Здоровъ ли ты, ощецъ?

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Нарочно такъ васъ встрѣшилъ,
Чшо злоба по пяшамъ вездѣ меня слѣдишъ:
Но Богъ хранишъ еще.

МИНИНЪ.

Онъ вѣрнымъ щипъ ошъ мести.

ПОЖАРСКОЙ.

Чшо дѣлаюшъ въ Москвѣ? и какъ нашъ Гермогенъ?

МИНИНЪ.

Не такъ-шо, говоряшъ, шамъ радостныя вѣспи:

Злѣ пасшырь спражденъ сей ошъ чадъ своихъ из-
мѣнъ,

Томишся муками, и силяшся Бояра,

Чшобы прещенье онъ послалъ свое на насъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Чшобъ намъ не йпи къ Москвѣ?

МИНИНЪ.

Какъ громы, кляшва яра

Ужасна воинспву.

ПОЖАРСКОЙ.

Уже ли кляшвы гласъ

Опець произнесемъ?

МИНИНЪ.

Дай силъ ему Создашель

Мученье снесшь!

ПАЛИЦЫНЪ.

Лишень онъ наконецъ жезла,

Взведенъ на лобное,—и самъ его шерзашель

Не можешъ причинишъ ему ужъ больше зла.

Всевышней силою боль плоти побѣждая,
 Какъ діамантъ сшенетъ подъ молошами швердъ;
 А о напасяхъ лишь опечеснѣва вздыхая,
 Онъ молишь за враговъ; дрожимъ мы: милосердъ,
 Онъ вѣрно не снесетъ того позора града,
 Какъ старцы и вдовы съ дѣтьми къ нему на спогнъ
 Придушъ, возопіюшь, что въ немъ одномъ опрада,
 Спасенье ихъ и жизнь. Разжалобился онъ,
 И чѣмъ избавишь ихъ отъ шягосшныя дани,
 Сшраданія и мукъ, онъ васъ ошановишь.

ПОЖАРСКОЙ.

Ужели злы на всѣхъ и всѣхъ губяшь шираны?

ПАЛИЦЫНЪ.

О паспвѣ что своей усердно пасшырь бдишь,
 Нарочно вокругъ него народъ весь собираюшь,
 Поль, возрасъ не щадяшь, шаскаюшь изъ домовъ:
 Въ слезахъ весь градъ.

МИНИНЪ.

Свяпынъ и санъ не почишаюшь?

ПАЛИЦЫНЪ.

И шѣ ограблены отъ хищныхъ сихъ волковъ.
 Порфира Царская и маншья Іерарша,
 Клейноды, ушвари, безъ перлъ въ грязи лежатъ;
 Въ черпогахъ, въ олшаряхъ кони, и не Монарша

Столица днесь Москва; но дебрь звѣрей, засады,
Гдѣ жалоси, стыда и людскоси не знаюшь,
Но женъ и дѣвъ влекушь на всенародный срамъ:
А вожди, споя вокругъ, въ ладоши ударяють.

П О Ж А Р С К О Й.

Но что же дѣлають Бояра Руски шамъ?

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Сквозь пальцы зряшь.

П О Ж А Р С К О Й.

Какъ! какъ! Или погасло чувство
Въ нихъ человѣчества, къ Опечесству любви?
Быть можно плѣнникомъ, но не сносить распущ-
ство.

Зрѣшь Россу Россовъ стыдъ! Пожарской, не живи!

М И Н И Н Ъ.

Закрой свой, Мининъ, зракъ!

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Се неба наказанье!

П О Ж А Р С К О Й.

Знашь обезумѣли! — Какая польза въ томъ,
Чтобъ зрѣшь Опечесство въ поличкомъ поруганьѣ?
Не лучше ль умереть, чѣмъ подлымъ быть рабомъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Корышлюбца духъ, собою зараженна,
 Народной гордости и благородства чуждъ;
 Злая цѣпь, ему пираномъ наложена,
 Милѣй всего; — и для своихъ онъ нуждъ,
 Для низкихъ прихотей, какъ червь въ пыли вла-
 чился.

Онъ не забошится, въ обѣщанья нѣги спишетъ:
 Вошь пагубныхъ вельможъ живое описанье
 И изъясненье ихъ къ Опечесиву любви!
 Хоша Россія вся шеперь въ шокѣ, въ сшенанѣ,
 Погружена въ слезахъ, обагрена въ крови:
 Но дремлешь сонмъ Бояръ, не зришь на честь и
 славу,
 А богатѣшь на счетъ лишь обща мнишь вреда.
 За вопчинами шлюшь, за зломъ къ Владиславу,
 И бьюшь ему челомъ безъ всякаго стыда,
 Чшобъ имъ награду даль за бунтъ и за измѣну.

ПОЖАРСКОЙ.

Чшожъ онъ?

МИНИНЪ.

Я мню, онъ радъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Измѣна хошь мила,
 Измѣнникъ неперпимъ. Но онъ не казнъ въ замѣну,
 Имъ общаетъ все.

МИНИНЪ.

Москва бѣ его была.

ПОЖАРСКОЙ.

О подлая сердца! лъзяль чшишь въ васъ благород-
ство,

Коль пьете своего опечесшва вы кровь?

Но въ Рускихъ есшъ еще душъ нѣкихъ превосход-
ство,

Кошорыхъ къ испинѣ живошворишь любовь.

(въ сторону.)

Хошя, къ нещасшю, они и рѣдко видны.

ПАЛИЦЫНЪ.

Въ шебѣ подпору, Князь, одномъ Россія зришь.

МИНИНЪ.

Надежда шы!

ПОЖАРСКОЙ.

Хвалы излишнія обидны.

Что сдѣлашь я могу?—Одинъ скуделень щипъ.

Но власпью ваша коль любовь меня почшила,

И продолжите вы ее: гошовъ, друзья!

При вашихъ знаменахъ стояшь, поколь есшъ сила.

МИНИНЪ.

Пролью въ виду швоемъ мою всю кровь и я.

ПОЖАРСКОЙ.

Сшупайте! Богъ. . . .

Я В Л Е Н І Е IV.

Тѣже и Князь Трувецкой съ нѣсколькими
воинами.

МИНИНЪ (пихо Пожарскому.)
Смотри, будь съ нимъ ты ошороженъ.

ТРУВЕЦКОЙ.

Хошь медленно, но вы пришли, безмѣрно радъ.

ПОЖАРСКОЙ.

И мы: скорѣйшій намъ намъ походъ былъ невоз-
моженъ.

ТРУВЕЦКОЙ.

Во ожиданьи васъ я осадилъ ужъ градъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Препяпсшва многія. . . .

МИНИНЪ.

На жизнь даже ехидны
Дерзали.

ПАЛИЦЫНЪ.

Чью?

МИНИНЪ, (указывая на Пожар-
скаго)

Его.

ТРУВЕЦКОЙ.

Какъ шакъ?

ПОЖАРСКОЙ.

Въ полпѣ ножомъ.

МИНИНЪ.

Невидимо его спасъ Промыслъ непоспѣжный.

ТРУБЕЦКОЙ.

А умыслъ чей?

ПОЖАРСКОЙ.

Еще не спрошены о томъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Но какъ же мѣръ не брашь къ спасенью вашей жизни,
И о сообщникахъ не поспѣшишь узнать?

ПОЖАРСКОЙ.

О безопасности долгъ прежде бдѣшь опчизны.

МИНИНЪ.

Подъ спражей крѣпкой я велѣлъ ихъ содержать.

ТРУБЕЦКОЙ.

Я очень радъ, и. . . . что меня вы подкрѣпили.

ПАЛИЦЫНЪ.

Князь! у тебя своихъ есть силъ. . . .

ТРУБЕЦКОЙ.

Но обоихъ

Когда бы войскъ полки мы днесъ совокупили,
На приспупъ бы пошли.—Надежнѣй мочь въ однихъ
Рукахъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Конечно такъ.

МИНИНЪ.

Своихъ ведемъ мы сами.

ТРУБЕЦКОЙ, (смотря на Минина.)

Кто сей просполюдимъ?

ПОЖАРСКОЙ.

Почтенный Мининъ пошъ,
Нижегородской госшъ, чшо щедрыми руками
Принесъ богатствы въ даръ, и возбудилъ народъ
Къ спасенію Москвы.

ПАЛИЦЫНЪ.

Сокровище небесно

Дабы себѣ обрѣсть.

ПОЖАРСКОЙ.

Безсмертія вѣнцы.

ТРУБЕЦКОЙ.

Вошъ доблести примѣръ! Вошъ дѣло славно, честно,
И благородство чѣмъ должны спяжать купцы!
Опличный Гражданинъ! проси, чшо недовольно
Почшилъ тебя, узря теперь я въ первый разъ.

(Въ сторону.)

Горячая глава!

МИНИНЪ.

Незнаніе не больно.

Я, можешь быть, тебя самъ огорчилъ чѣмъ Князь!

(Слышанъ гласъ трубы.)

Я В Л Е Н І Е V.

Тѣже и Польскій трувачъ, держащій въ одной рукѣ трубу, а въ другой письмо, приводился съ завязанными глазами воинами Пожарскаго.

ПОЖАРСКОЙ.

Кшо шамъ? Трубачъ!

ПАЛИЦЫНЪ (принимаетъ письмо, а трубача поспѣваетъ, а труба уводятъ назадъ.)

Съ письмомъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Чьимъ?

ПАЛИЦЫНЪ, (посмотрѣвъ на надпись.)
Вижу, Гермогена.

ПОЖАРСКОЙ.

О чемъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Прочти, знаешь слезъ Москвы не могъ стерпѣть.

МИНИНЪ.

Не ужъ-шо намъ прешло спасать Москву опъ
плѣна?

ТРУБЕЦКОЙ.

И мужу праведну спрашна бываетъ смерть.

ПОЖАРСКОЙ. (Когда онъ развертываетъ письмо, то выпадаетъ изъ онаго маленькая записочка. — Читаешь.)

„Разперзанъ, изнуренъ, палачь надъ головою
„Занесъ уже шопоръ! Народъ весь вопіешъ,
„Налегъ Синклишъ боярь!—Я слабою рукою,
„Но гласомъ пастырскимъ прещу: да прокляшъ
шопъ,

„Кто шагъ къ Москвѣ. . . . „

МИНИНЪ.

Ахши!

ПОЖАРСКОЙ.

Увы!

ТРУБЕЦКОЙ.

Велѣнье слезно!

ПАЛИЦЫНЪ.

Тяжелъ народный спонъ! Такъ добръ былъ, Паспырь, ты!

Проси теперь уже, Опечеснво любезно!

Но что записъмецо? (*Поднимаетъ.*) Егоже почершы,
И мѣлко, мѣлко шакъ, что я не разбираю.

(Опдаешъ Пожарскому.)

ПОЖАРСКОЙ (читаетъ.)

„Благословенъ грядый Опечеснво спасаешъ!

„Дерзайше! — Съ вами Богъ! — Спокойно умираю. „

ПАЛИЦЫНЪ.

Вопъ голосъ Паспырской! Онъ кляшву намъ по-
слашъ

Быль долженъ изъ-подъ мукъ.

МИНИНЪ.

Онъ не живъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Славенъ въ роды!

ПОЖАРСКОЙ.

Завидѣнъ жребій шѣхъ и посреди оковъ,
Кто такъ прекрасно свой долгъ опдаешъ природы!
И казню пролишъ за вѣру сладко кровь.

ТРУБЕЦКОЙ.

Намъ должно лишь теперъ о томъ разпорядишся,
На присшупъ какъ ишши.

ПОЖАРСКОЙ.

Сзовемъ къ тому совѣшъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Тутъ дѣло больше въ томъ, чшобъ войскамъ съеди-
нишся.

ПОЖАРСКОЙ.

Пусть такъ.

МИНИНЪ Трубецкому.

Нѣшъ! я сказаъ, что Мининъ не пойдешъ
Безъ общаго на то согласія съ народомъ;
Казна его.

ПАЛИЦЫНЪ.

Поспой, подумай, не сердись;
Согласіе вождей на брань передъ походомъ
Порука шоржества.—Послушай, и рѣшишь
Ищи въ совѣщѣ. Ты шамъ свои причины скажешь.

МИНИНЪ.

Не медлишь бы.

ПОЖАРСКОЙ.

Хотя къ себѣ попросимъ въ спань.

МИНИНЪ Пожарскому.

Къ тебѣ ищи?—Иду.

ТРУВЕЦКОЙ Минину.

Куда, къ кому прикажешь—

Я только воинамъ моимъ приказъ отдамъ.

(Приказываетъ на ухо воинамъ.
Пожарской, Палицынъ и Мининъ
а попомъ и Воинъ уходящъ.)

Я В Л Е Н І Е VI.

Трувецкой, оставшись одинъ въ размыш-
леніи, и посмопрѣвъ за ними въ слѣдъ.

Породой, саномъ я Пожарскаго знаиѣ,
И спаре лѣшами:—мнѣль съ нимъ бышь на равнѣ?
Подъ нимъ же службу несъ еще того спранѣ;
А Мининъ, да и онъ, не подчиняшся мнѣ

И исполняшь моихъ намѣреній не спанушь:
 Такъ нѣшь надежды мнѣ доспичь моею мѣшью.
 А громы общіе хопя на градъ и грянушь;
 Но войскъ я не глава, такъ вздоръ мой мечшью.

(увида стражу.)

А, спража!—Да, шамъ ждушь.

(Уходишь.)

Я В Л Е Н І Е VII.

Театръ представляесть ночь. Подъ предводительствомъ Сопника выходитъ опрядъ воиновъ и часовыми занимается пришины около лагеря. Изъ оспальныхъ учреждается спража, копорая оружіе спавишь въ пирамиду.

СИГНАЛЬ ЧАСОВЫХЪ (вдали за пушками.)

Резитативъ.

Внимай,
 Смѣкай;
 Блудись,
 Крѣпись;
 Терпи,
 Не спи;
 Богъ нашъ
 Всѣхъ спражъ.

ХОРЪ СТРАЖИ.

Тѣни мелькають,
 Звѣзды сверкають,
 Царствуешь ночь;
 Сонь! опъ насъ прочъ
 Бѣги ко врагамъ,
 Не нуженъ ты намъ;
 Не нуженъ, не дремлемъ,
 Но долгу лишь внемлемъ
 И крѣпко споемъ,
 Во браняхъ крѣпимъ
 Мы вѣрностью грудь,
 И слава нашъ пущъ.

(Послѣ сего хора слышны
 на башнѣ градской куран-
 ты. — Бѣеъ часъ ночи, и
 спража идеъ для смѣны
 часовыхъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ въ тѣни ношной Москву со стороны Хорошевскихъ луговъ. — Острогъ Трубецкаго обнесенный валомъ, палисадникомъ и рогашками, окружаетъ часть Бѣлаго города. На башняхъ сквозь окна мелькаютъ огни. — На бойницахъ часовые, — пищали, пуры и прочія осадныя орудія. — Въ сторонѣ роща.

Я В Л Е Н І Е I.

З А Р У Ц К О Й (одинъ, расплоривши рогашку.)

Ужъ время бѣ возвращишься.

Но онъ, мнѣ кажется, и помощи не радъ;
Боярствомъ думаетъ своимъ превозносятся,
И какъ бы только всѣхъ подъ власъ свою прибрасть;
А тамъ хощь и въ Цари. — Но нѣтъ, мой Князь
надменный,

Не проведешь меня. На царской вышинѣ
Я бышь хочу и самъ. — Да чьижъ къ ней полъ свя-
щенны,

Какъ не мои, права? — Марина руку мнѣ
И сердце опдала. По Дмитріижъ другому
Кому шронъ, какъ не ей? — Угомону бояръ:
Такъ не ломашся ужъ со мною Трубецкому.

Я В Л Е Н І Е II.

ЗАРУЦКОЙ и ТРУБЕЦКОЙ съ воинами.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Меня ждешь?

З А Р У Ц К О Й.

Ночь!

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Держаль военна спора жарь.

З А Р У Ц К О Й.

Что положили вы?

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Ты, напримѣрь, что чаешь?

З А Р У Ц К О Й.

Я?—Ничего.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Какъ?

З А Р У Ц К О Й.

Такъ.—Союзныхъ войскъ совѣшь

Всегда ничшо.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Едваль не дѣльно разсуждаешь;

Всякъ хочешь бышь большой, своихъ всякъ ищешь
мѣшь.

З А Р У Ц К О Й.

И такъ у васъ раздоръ?

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Да. Казначей, въ упрямствѣ,
Сверкая взорами и бердышемъ пряся,
И слышать о моемъ не хочешь онъ начальствѣ.

З А Р У Ц К О Й.

Уговоришь бы ктонибудь его взялся.
Чшожъ шакъ?

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Онъ говоришь: народъ-де въ управленье
Все воинство свое, сребра и злата шьму,
Ради Московскаго и всей Руси спасенья,
Пожарскому во власъ повѣрилъ одному:
Такъ кромѣ онъ его.

З А Р У Ц К О Й.

А шомъ не оприцаешь?

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Напрошивъ, кажешся, сему опличью радъ;
Превозношеніе въ очахъ его блискаетъ.

З А Р У Ц К О Й.

Пядень укорошишь.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Что ты?—Да не мрачашъ
Такія мысли насъ! И шакъ подозрѣваешь,
На жизнь его открывъ какой-то будто ковъ,

З А Р У Ц К О Й.

Когожь въ злодѣйствѣхъ семь, не насъ ли обвиняють?

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Схвапили, говоряшь, твоихъ двухъ козаковъ.

З А Р У Ц К О Й.

Напраслина, поклепъ. (*Въ сторону.*) Какая неудача!

Нѣшь, Князь, далеко такъ не разпроспру я зла:

Но стыдъ и пагуба! . . . Боязнь полезнѣй плача.

Не худо, какъ бы спесь немного убыла.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Какъ?

З А Р У Ц К О Й.

Пусть они одни на городъ наспушаютъ.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Но положилъ Совѣшь двухъ воинствъ приспупъ
вдругъ.

З А Р У Ц К О Й.

Мы подождемъ.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Сіе измѣною признають.

З А Р У Ц К О Й.

Никакъ, лишь не съ одной спраны ишпи, а съ двухъ.

Въ примѣръ: съ Пешровки онъ, намъ съ Яузы пу-
сшишься,

Его шамъ опобьюшь: ты не видалъ, — назадъ.

Чшо дѣлашь, хощь Липва шѣмъ сильно ободришся;

Но подчинишься онъ тебѣ ужь будетъ радъ.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

И впрямъ, совѣтъ швой здравъ. Для блага общей
цѣли

И хитроспъ иногда позволена вождямъ.

Тѣмъ паче, мысль сію въ совѣтъ мы имѣли,

Чшобъ войски раздѣлишь по разнымъ намъ мѣстамъ.

Пожарской нынѣ же увидишся со мною,

Мы съ нимъ поговоримъ: а ты?

З А Р У Ц К О Й.

Покоень будь.

Какъ нужно, такъ моихъ я пригошю къ бою.

(Трубецкой уходитъ; а онъ въ
слѣдъ ему грозя булавою.)

Не долго пыжишься такъ барска будешь грудь.

Я В Л Е Н І Е III.

Тѣ же и Марина въ Польскомъ воинскомъ
плашѣ, крадется близъ палисадника, неся въ
рукахъ узелъ и ракету.

МАРИНА (тихо.)

Тушъ кто-то естъ.

З А Р У Ц К О Й, (не видя ея.)

Ужъ часъ, а нѣтъ еще Царицы.

МАРИНА, (пихожъ)

Боюся, чшобы какъ на спражу не найши.—
Онъ чшоль? (*Ударяетъ съ огниво кремнезь.*)

ЗАРУЦКОЙ.

Тамъ, кажешся, огня блестящъ крупицы:
Такъ эшо знашь она. (*Также высъкаетъ огонь.*)

МАРИНА (пихо.)

Заруцкой! эшо шы?

ЗАРУЦКОЙ. (*Съ опверспыми объ-
япїями бросаешся.*)

Царица! здѣсь тебя давно я ожидаю.
Но въ пору самую; могла бы въ шьмѣ такой
Ты съ Трубецкимъ сойшись, по эшому случаю,
Чшо шолько онъ шеперь здѣсь говорилъ со мной.

МАРИНА.

Какъ?

ЗАРУЦКОЙ.

Шель опъ воеводъ на помощь къ нимъ пришедшихъ,
Пожарской съ войскомъ вѣдь. . . .

МАРИНА.

И Мининъ, слышно, шущъ.
Но по анаемахъ, опъ церкви прогремѣвшихъ,
Ужель они еще пойдущъ къ Москвѣ?

ЗАРУЦКОЙ.

Идушъ.

МАРИНА.

Твоижь посланники нашли ль надежно средство?

ЗАРУЦКОЙ.

Подъ спражей ужъ сидяшь.

МАРИНА.

Что слышу я, мой другъ!

Мы какъ же отвратимъ полъ близкое намъ бѣдство?

ЗАРУЦКОЙ.

Не знаю.

МАРИНА.

О! бѣда!

ЗАРУЦКОЙ.

Любоначальства духъ

Свой пламенникъ возжегъ межъ нашими вождями;
Всякъ хочеть властвовать: такъ я спрѣлу пустиль,
И Трубецкой ужъ ей. . . .

МАРИНА.

Что ты? — Онъ недругъ съ нами.

ЗАРУЦКОЙ.

Не такъ, чтобы совсѣмъ. . . .

МАРИНА.

Чтобъ Руской измѣнилъ?

ЗАРУЦКОЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ этого сказать о немъ не можно.
Но мудрость состоишь людей искусныхъ въ томъ:
Враговъ своихъ завести такъ въ сѣти оспорожно,
Чтобъ не могли они и мысль имѣть о томъ.
Я въ Трубецкомъ узналъ презлое самовласье,
И вмигъ измѣнилъ онъ, не думавъ измѣнять.

МАРИНА.

О мудрый человекъ! того ты стоишь счастья,
Чтобъ, руку взявъ мою, на тронъ воссѣдать.

ЗАРУЦКОЙ.

Намъ остаеся взять теперь такія мѣры,
Чтобы еще какихъ не встрѣшилось невзгодъ.

МАРИНА.

Я Рускихъ не спрашусь ни храброспи, ни вѣры;
А дѣло въ томъ теперь, чтобъ удержатъ ихъ ходъ,
Доколѣ къ намъ сюда Желтовскій не приспѣетъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Гдѣ жъ онъ?

МАРИНА

Подъ Вязьмой ужъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Да, трудень переломъ,
Коль Папріаршій громъ въ нихъ ужаса не сѣетъ,
Тобой испоргнуемый.

МАРИНА.

А красота съ умомъ?

ЗАРУЦКОЙ.

Они всего сильнѣй!

МАРИНА.

Послушай же вопль средства:

(Указывая на ракету.)

Коль лучъ ея блеснешь надъ градомъ въ облакахъ,
Воспанешь шамъ пожаръ. Съ сего мы будшо бѣдства
Съ толпою женъ къ вождямъ прибѣгнемъ во слезахъ;
Пожарскаго смягчимъ, и будемъ домогашься,
Чшобъ къ дѣшамъ ихъ и къ нимъ онъ жалость возъ-
имѣль,

И гладомъ, духошой въ осадѣ испребляшья
Не допустиль сихъ жершвъ, а выпустишь велѣль.
Намъ, кромѣ жалоспи, сіе шѣмъ нужно паче,
Чшобъ духа воиновъ ихъ спонъ не опнималь,
И плѣнный бы народъ, толпой бродящій въ плачѣ,
Самимъ намъ нужный хлѣбъ какъ червь не поядаль.
Къ помужъ, шы вѣдаешъ, что собрано богатство:
Такъ эшимъ случаемъ мы вывеземъ сей кладъ,
Покудова разбой, грабежъ и свяшопашство
Его не разшашъ, какъ городъ будешъ взяшъ.
Иль къ Рускимъ не пойдешъ условьемъ онъ на задачу?
Главнѣе же всего мнѣ хочешся взглянушь
На юнаго вождя. — Ты разрѣшишь задачу.

З А Р У Ц К О Й.

А! симъ оспановишь.—Меня лишь не забудь.

М А Р И Н А.

Не бойся! на, возьми завязанну личину
И плашье женское. Сей часъ въ нихъ нарядись,
Чшобы не бышь ничѣмъ похожу на мушину,
И въ эшомъ образѣ опять ко мнѣ явись.

З А Р У Ц К О Й.

На что?

М А Р И Н А.

Одной иппи въ чужой мнѣ спань не можно,
А въ видѣ мужескомъ шебя шамъ знаюшь всѣ.

З А Р У Ц К О Й.

Царица! женщиной бышь воину не должно:
Избавь!

М А Р И Н А.

Такъ надобно.

З А Р У Ц К О Й.

Прошивишься ль красѣ?
(Беретъ ракету и узелъ.)

М А Р И Н А (показываетъ на ракету.)

И ты пусши ее съ середины роши эшой,
Московски жишели пускай на блескъ глядяшъ.

З А Р У Ц К О Й.

Сей часъ.

(Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е IV.

М А Р И Н А одна.

Мнѣ прежнею порфирой бытъ одѣшой,
 Я вижу, трудности ужасны предстоятъ:
 Но духу бодрому нѣтъ шерпа для короны,
 Нѣтъ невозможности для возвращенья царствъ.
 Кто честполюбія хоть разъ позналъ законы,
 Открыто поприще тому для всѣхъ коварствъ.
 Что нужды? Трубецкой, Желтовскій полномочной,
 Пожарской, Владиславъ, Заруцкой ли какой,
 Мущины всѣ равны для женщины роскошной,
 Кого ни озаритъ блескъ солнечный собой;
 Лишь цѣли бы доспичь. Но идушъ... Удаляюся.
 (Уходишъ.)

Я В Л Е Н І Е V.

ПОЖАРСКОЙ, МИНИНЪ, ПАЛИЦЫНЪ,
 и нѣсколько воиновъ.

П О Ж А Р С К О Й.

Здѣсь, вѣрные друзья, немного отдохнушъ;
 Я слово съ Трубецкимъ, и пошчасъ возвращуся.
 (Уходишъ съ воинами.)

М И Н И Н Ъ (въ слѣдъ.)

Но не замедли же.

ПАЛИЦЫНЪ.

Совѣща не забудь.

Я В Л Е Н І Е VI.

Прежніе, кромѣ Пожарскаго.

МИНИНЪ.

Ты жилъ въ Москвѣ, Опець! Повѣждь, ошколь кра-
моны

Произошли у насъ, что льютъ такъ нашу кровь?

ПАЛИЦЫНЪ.

Отъ окружающихъ бояръ Царей пресполь.

Какъ грозный Іоаннъ низшелъ во смершнй ровъ,

На тронъ по себѣ оставя скорбна сына,

Коварный Годуновъ, его супруги брашъ,

Прельщенный симъ родспвомъ и блескомъ знашна
чина,

Смѣлъ вожжи Царскія въ злодѣйски руки взяшъ;

И сладкой упоясъ оправой вышней власпи,

О скипепрѣ мечшашъ надменной спаль душей.

Рѣшился, и въ своей пребеззаконной спраспи

Царя съ наслѣдникомъ угрызъ, какъ люшый змѣй:

А послѣ ихъ пошчасъ, сеспры черезъ лукавспво,

Чрезъ казнъ вельможъ, дары, войскъ подкупъ, лесшъ
вездѣ,

Всеобщимъ яко бы избраньемъ сѣлъ на царспво.

Но гнусныя дѣла чшобъ въ мушной скрышъ водѣ,

И сдѣлашся Царемъ любезнѣйшимъ народу,
 Онъ началъ послабляшъ господствующу власшъ,
 И черни попустилъ съ земель сбродитъ свободу;
 Ввелъ опкупы, мышы, разврашъ, ко пьянству
 спрашъ;
 Позволилъ грабежи, кощунства на святыню,
 Соблазны чуждыхъ спранъ въ преспошный внѣ-
 дрилъ градъ,
 Ихъ спражей окружилъ палашъ своихъ гордыню:
 Какъ хищники коронъ, пожъ злы цари шворяшъ,
 Не знавъ, что хитрѣя и пагубны шоль средства
 Балуюшъ, пляшъ народъ, и сѣмя всѣмъ бѣдамъ.
 Такъ здѣсь и сдѣлалось: неправедны наслѣдства,
 Невинныхъ слезы, кровь внеслись лишь къ небе-
 самъ,
 Вспалъ громъ изъ безднъ спрашей, спрясь пред-
 разсудковъ камень:
 А ярый буйный вошь, въ шѣмѣ спящій подъ ярмомъ,
 Вдругъ съ привязи спущень. Тошъ бросилъ всюду
 пламень,
 А тошъ рогами вмигъ все изпровергъ верхъ дномъ.
 Тогда, пиранъ Царемъ, лишь новый появился,
 Всѣ прочъ опъ спараго; онъ съ сыномъ встрѣшилъ
 смершъ.
 Расприга палъ чрезъ буншъ.—Въ слѣдъ Шуйскій
 воцарился;
 Бывъ тонкій царедворъ, слабъ царски бармы несшъ,

Блистая на низу, на высотѣ зашмидся.—
 И крапко: шьма царей, чрезъ ковъ Поляковъ шопъ,
 Сей чрезъ своихъ, какъ волкъ, вскочилъ въ чершогъ
 спремился;
 Рвушъ плошъ, льюшъ нашу кровь.

М И Н И Н Ъ.

Вошъ власполюбья плодъ!

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Тамъ Царь уже не Царь, гдѣ разъ прервушъ ихъ
 вожжи,

М И Н И Н Ъ.

Вѣка пройдушъ въ войнахъ, шронъ шроны погре-
 бешъ.

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Ошъ ухищренія единого вельможи!

М И Н И Н Ъ.

О горе намъ! (*увидя блеснувшую ракету*) Но что?
 Звѣзда съ небесъ падешъ!

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Всевышней силою денница въ мракъ валишся:
 Да нашихъ супосшапъ зашмидся шасшье пакъ!

Я В Л Е Н І Е VII.

Тѣже и Пожарской съ воинами.

ПОЖАРСКОЙ.

Съ различныхъ чшобъ споронъ на городъ устремисься,
Мы передумали.

МИНИНЪ.

Съ своею силой всякъ?

ПОЖАРСКОЙ.

Да.

МИНИНЪ.

Нѣтъ ли шущъ какихъ недружескихъ зашѣевъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

А развѣ нужно бышь по разнымъ вамъ мѣспамъ?

ПОЖАРСКОЙ.

Мы силы раздѣлимъ чрезъ шо своихъ злодѣевъ.

МИНИНЪ, (усмопря пожаръ въ Москвѣ.)

Ахъ! что это?—Пожаръ!

ПОЖАРСКОЙ.

Пресильный!

ПАЛИЦЫНЪ.

Казнь врагамъ.

(Въ сіе время слышшся въ рощѣ опкликъ разныхъ голосовъ.)

ПОЖАРСКОЙ.

Пойдемъ, пора! (*Хочетъ идти.*) Но что? (*Остает-
навливается.*)

РЕЧИТАТИВЪ (разныхъ голосовъ
слышныхъ въ роцѣ.)

Здѣсь лѣсь,
Мы здѣсь,
Туда,
Сюда,
Чшобъ намъ,
Къ врагамъ
Не пасъ
Бы въ пасъ.

МИНИНЪ.

Будь остороженъ.

Я В Л Е Н І Е VІІІ.

МАРИНА И ЗАРУЦКОЙ, первая въ мускомъ
плащѣ, какъ была; а второй въ женскомъ и въ
маскѣ, съ нѣсколькими Гражданками изъ роци
выбѣгающъ.

ХОРЪ ГРАЖДАНОКЪ.

Ай помогите,
Бѣдныхъ спасите,
Губишь пожаръ:
Домы, строенье,

Пищу, имѣнье
Пламень пожралъ.
Ай помогите!
Бѣдныхъ спасите!

П О Ж А Р С К О Й.

Да что вы за люди?

М И Н И Н Ъ.

Откуда?

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

И къ кому?

П О Ж А Р С К О Й.

Въ шакомъ опчаянны! И чѣмъ мы вамъ поможемъ?

М И Н И Н Ъ.

Москва не наша вѣдь.

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

При томъ въ ночную тьму.

З А Р У Ц К О Й.

Вы можете помочь.

М А Р И Н А.

Вы добры, милосердны,
И любите спасать.

М И Н И Н Ъ.

Какъ? чѣмъ?

ПОЖАРСКОЙ.

Скажите намъ.

МАРИНА.

Вы видите пожаръ: анбары наши хлѣбны
Горяшъ, сгорѣли ужъ; нѣтъ пищи и дѣшамъ,
Приходимъ подъ покровъ къ мужамъ шоль благо-
роднымъ
О милосши просить.

ПОЖАРСКОЙ.

Какой?

МАРИНА.

Невинныхъ сихъ

И прочихъ бѣдныхъ спасъ, позволивъ бытъ сво-
боднымъ,
Изъ града и съ дѣшми.

ЗАРУЦКОЙ.

Спасъ отъ напасей злыхъ.

МАРИНА, (указывая на Заруцкаго.)

Вошъ здѣсь моя жена, гражданки вошъ другія,
Ахъ сжалъшесь! (Про себѣ.) Какъ хорошъ! и можешъ
бытъ, влюбленъ!

ЗАРУЦКОЙ.

Отрите шокъ съ очей, отъ сердца скорби злыя!

МИНИНЪ.

Я худо вѣрю вамъ.

ПОЖАРСКОЙ, (глядя на плачу-
щихъ гражданокъ.)

Прекрасныхъ слезы женъ
Какъ снѣлы въ сердце мнѣ.

ПАЛЦЫНЪ.

Чего себѣ хошите,
Творише по другимъ.

МИНИНЪ.

Да, шакъ въ заповѣдяхъ,

ПОЖАРСКОЙ.

Все сдѣлаю для васъ, скорѣе лишь пришлише
Опѣ Думы къ намъ пословъ; я женъ, дѣшей не врагъ.

ХОРЪ ГРАЖДАНОКЪ.

О какъ великодушны

Россійскія сердца!

Всѣмъ доблестямъ послушны,

Подобіе Творца;

Сколь въ браняхъ храбры, шверды,

Споль къ бѣднымъ милосерды,

Склонны къ добру душой.

Такъ всякъ изъ нихъ герой!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Театръ представляетъ на *Трехъ горахъ* густую еловую рощу. Сквозь просѣки видны на лѣвой рукѣ вдали Москва, на правой поля съ жатвою и деревня; а посреди Москва рѣка и чрезъ нее прямо къ замку *Маринину* мостъ. Все сіе освѣщено луною.

Я В Л Е Н І Е I.

Пожарской и *Трувецкой* ходятъ между деревьями въ задумчивости, не видя другъ друга, и появляющіяся порознь.

ПОЖАРСКОЙ.

Какое сходство! Съ кѣмъ? Придумаешь не умѣю.
Разительны красы, пріятный нѣжный взоръ,
Какъ дѣва юная! И коль представишь смѣю,
То видѣль, видѣль я сихъ прелесней соборъ!
Но гдѣ? Не шамъ ли?—Да, какъ въ пышной колес-
ницѣ

На среброблещущихъ осьми она коняхъ
Невѣстой ѣхала *Лжедмитрія* къ сподицѣ.
Не братъ ли то ея?—Иль не сама ли, ахъ!
Съ шѣхъ поръ живущая въ мечтахъ моихъ *Марина*?
Я шѣло излечилъ, но духа раны,—нѣтъ.
Не для меня ее произвела судьбина;
Но царшвуя она въ душѣ моей живетъ.

Хоть съ брани я тогда безъ чувствъ былъ извле-
ченнымъ,

Всесильный взглядъ ея оспался во умѣ;

Я помню только то, что ей былъ побѣжденнымъ;

Въ ней божество мое!—Но гдѣ? въ какой я тѣмѣ?
(Уходитъ за деревья.)

Я В Л Е Н І Е II.

Т Р У В Е Ц К О Й (выходя съ другой
спороны.)

А гдѣ же мой Гешманъ?—Ко мнѣ не возвратился.

Мнѣ надобно ему нашъ планъ тотъ сообщить,

Что съ разныхъ мѣстъ ищи Пожарской согла-
сился

Для приступа къ Москвѣ: то онъ бы поступилъ

Готовъ былъ по тому. Ужель тѣмъ на измѣну

Опчизны посягнемъ?—Нѣтъ, нѣтъ: а только бѣ
намъ

Унизилъ Минина съ Пожарскимъ рабъ надменну.

Соревнованіе просишело вождямъ;

Не смѣешь надъ другимъ искашь кто превосход-
ства,

Вѣкъ черепахой ползъ тотъ будешь предъ орломъ.

Лишь честолюбіе знакъ вѣрный благородства.

Я В Л Е Н І Е III.

Тотъ же и заруцкой.

Т Р У Б Е Ц К О Й, (увидя Заруцкаго.)

А! ты, Заруцкой, здѣсь со мной въ лѣсу одномъ?

З А Р У Ц К О Й.

Такъ, здѣсь.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Ошкоть и какъ?

З А Р У Ц К О Й.

Не скрою по знакомству:
 Съ Мариною, пришель ей планъ нашъ сообщить,
 Гдѣ бь укрѣпить имъ градъ.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Какъ?—Это къ вѣроломству
 Уже шоль явный шагъ!

З А Р У Ц К О Й.

Но иначе отбить
 Войскъ ревностныхъ прислупъ какъ отъ защиты
 слабой?
 Какъ безъ лукавства здѣсь кому поверхность взять?

Т Р У Б Е Ц К О Й.

О! это много ужъ.

З А Р У Ц К О Й.

Мечтапешельной опрадой,
Безъ вѣрныхъ сильныхъ мѣръ, смѣшно себя ласкать.
Какое важное въ помѣ будешь преступленье,
Что ихъ опгоняешь прочь?—Ошечество спасаешь
Не остаемся ль мы со войскомъ въ подкрѣпленье?
Ябъ думалъ сверхъ того нарочно завлекаешь
Противоборника въ такое положенье,
Чтобъ онъ разнѣжился, разслабъ и отдалъ власть
Тебѣ свою бы самъ.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Но какъ?

З А Р У Ц К О Й.

Чрезъ обольщенье.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Чрезъ что?

З А Р У Ц К О Й.

Чрезъ спрасъ любви.

Т Р У Б Е Ц К О Й, (усмѣхаясь.)

И впрямъ, коль навязашъ
На шею изъ цвѣшовъ цѣпь спрашному Герою:
Не наша бы тогда, его была вина.

З А Р У Ц К О Й.

Не безпокойся жъ, Князь, все сдѣлано по мною,
Волшебствъ Царицы здѣсь наполнена страна;

Пожарской заведенъ мечшами въ рощу эшу,
И въ разныхъ помыслахъ въ ней бродить, (улы-
баясь,) какъ и ты.

Т Р У Б Е Ц К О Й, (въ смященіи,)

Какъ я?

З А Р У Ц К О Й.

Не бойся, Князь! Хошябъ и ты шужъ мѣшу
Имѣль, какую я, шо спрѣлы красоны
Ужъ не для нашихъ лѣшъ. Мы въ силахъ осперечься:
А пылкій юноша, впадешъ какъ въ эшу сѣшъ,
Не скоро опъ любви захочешъ онъ опречься;
Тогда.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

О хитрый мужъ! благодарить силъ нѣшъ.

З А Р У Ц К О Й.

Все знаешъ ты шеперь: шакъ я пойду къ Маринѣ,
Чшобъ прелесни свои и чары всѣхъ заразъ,
Какъ шонкіе силки, расшавила бы нынѣ.
(Уходишъ.)

Я В Л Е Н І Е IV.

Т Р У Б Е Ц К О Й —Одинъ.

Лукавый человекъ! Онъ обольщаешъ насъ.
Пожарской хошъ мнѣ врагъ, хошъ мнѣ во всемъ
соперникъ,

Но благороденъ онъ:—а эшопъ аспидъ злой,
 Подъ видомъ мнѣ услугъ, еспѣ истинный измѣн-
 никъ,
 Коварства полонъ онъ и презираемъ мной!
 Не худо бѣ было мнѣ Царицыно посредство;
 Замысловавъ въ ней умъ, ея прелесненъ зракъ.
 (Уходишь за деревья.)

Я В Л Е Н І Е V.

П О Ж А Р С К О Й (паки являешся.)

Дорогу пошерялъ.—Или какое бѣдство
 Пригошовляешь рокъ? Тѣнь лунна, блѣдный мракъ
 Трескъ—ходяшь по пятамъ, и дебрей соплешение
 Вокругъ меня вездѣ. Но что со мной ни будь,
 Для добродѣтели, Россіи для спасенья,
 Нигдѣ сія ни чѣмъ не устрашился грудь.
 Возстанъ прошивъ меня вся шаршара ушроба,
 Подъ вѣры, вѣрности и правоты щипомъ
 Иду не устрашась и въ самую сѣнь гроба!
 Москву освобожду, и вся награда въ шомъ!
 Да и какогожъ ждашь возмездія мнѣ болѣ?
 Когда бѣ я только могъ Опечество спасти,
 Природнаго Царя увидѣшь на престолѣ,
 И вѣру и законъ и Россовъ вознести

На прежню высоту величія и славы:
 О верьхъ желанія, край подвигамъ моимъ!
 Опечесство! когда твоей духъ днесъ слаба и нравы,
 А мнѣ любезенъ прахъ, пріятенъ твой и дымъ:
 То съ чѣмъ сравню я ту радость, восхищенье,
 Какъ есѣли вокругъ себя увижу свой народъ
 И въ лаврахъ средѣ торжествъ и пальмъ во отѣ-
 нень?
 Благъ смертнымъ выше сихъ и небо не даетъ.

Я В Л Е Н І Е VI.

ПОЖАРСКОЙ и ТРУБЕЦКОЙ. (Встрѣчаясь.)

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Какъ, юный Вождь! ты здѣсь?

П О Ж А Р С К О Й.

Чтобъ сну не предаваться,
 Одумавъ жребій нашъ во предстоящій день,
 Пришелъ сюда одинъ.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Вождямъ уединяясь
 И мыслишь надобно.

П О Ж А Р С К О Й.

Сквозь лѣсъ и нощи тѣнь
 Луна, своимъ лучемъ поверьхъ воды сверкая,
 Увеселяла мой вдали сіяньемъ взоръ,

Симъ славу нашихъ дѣлъ въ попомспѣвѣ предспа-
вляя,

Я—шакъ задумавшись—сюда зашелъ.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Сихъ горъ

И бора мрачна тѣнь лежала предо мною,
Какъ съ Хорошевскихъ я пошелъ сюдажъ луговъ.
Храмъ вѣчноши вдали, покрышый спрашной
тѣмою,

Предснавился мнѣ въ нихъ. Ахъ! въ моръ семь
гробовъ,

Я рекъ, попонешъ все.—Сей блескъ луча злапаго,
Какъ наши всѣ дѣла и слава,—всѣ помремъ:

Лишь наше счастье днесъ.

П О Ж А Р С К О Й.

Нѣшъ счастья намъ инаго,
Какъ общее; и сшедъ со славой въ гробъ, живемъ.—

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Вождь юный! ты еще во всемъ не искусился.

Знай: слава съ щаспьемъ, царспѣвъ лишь вольныхъ
входишь въ кругъ:

Рабъ подъ владыкой рабъ, копя бѣ и опличился;
Способносшь, умъ, ничшо, и сильный дремлешъ
духъ.

П О Ж А Р С К О Й.

Свѣшлѣйшихъ предковъ сынъ, Монархами сіявшихъ!
Какая черноша твоей разумъ нынѣ пмишь?

Т Р У В Е Ц К О Й.

Нѣшь, такъ я говорю. Когдабъ чшо предпріавшихъ
 Насъ ожидалъ успѣхъ. Но какъ уже Синклишь
 На царство пригласилъ изъ Польши Владислава,
 То щещно прилагашъ Москвы къ свободѣ шрудъ:
 А напрошивъ того и скипешрь и держава
 Опъ нашихъ рукъ ему съ покорносшью дойдущъ,
 И упадемъ предъ нимъ, какъ Дворъ весь раболѣпный,
 Щедроты опъ него мы многи поженемъ.

П О Ж А Р С К О Й.

Предъ вихремъ дубъ падешъ скорѣе многолѣпный,
 Предъ чужероднымъ чѣмъ сей юный Россъ Царемъ.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Кумиръ коль нуженъ, всякъ равенъ для поклоненья.

П О Ж А Р С К О Й.

Отцевъ моихъ опцу колѣно лишь склоню.

Т Р У В Е Ц К О Й.

Но Карла самъ шызвалъ опъ Гошѳовъ для правленья:
 То Шведъ, или Полякъ, равенъ для Рускихъ, мию.

П О Ж А Р С К О Й.

Безгрѣшное сіе употребя коварство,
 Россію я спасалъ другихъ племень враждой,
 Не думая опдашь ни мало Шведу царство;
 Мнѣ всякой шопъ кумиръ, кпо не почшень душой.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Кумиръ мой первой я; опчизна мнѣ, гдѣ благо.
 О юноша! собирай съ трудовъ и щасныя плодъ!
 Безпечнымъ о себѣ проспранство міра наго,
 Раскаянье назадъ дней прошлыхъ не ведешь.

П О Ж А Р С К О Й.

Гдѣ жъ честность, вѣра, Князь! Гдѣ слава, добро-
 дѣшель?

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Все въ насъ.—Жишъ для себя.—(*Отворачивается.*)

П О Ж А Р С К О Й.

Прекрасный образъ думъ!

(*въ сторону.*)

Такъ деревомъ гнилымъ бываешь идолъ свѣшель.

(*Слышны по лѣсу зовѣ рога, лай
 псовъ и порсканье охотниковъ.*)

Р Е Ч И Т А Т И В Ъ (въ рощи.)

Спупай,

Сзывай

Съ лѣсовъ

Всѣхъ псовъ

На край.

Ай, ай!

П О Ж А Р С К О Й.

Чшо слышу?—Не рога ль, лай псовъ, охошы шумъ!

ТРУВЕЦКОЙ.

Не время, кажется, охотой забавляться.

ПОЖАРСКОЙ.

Подъ лунный развѣ блескъ, шутил. . . .

ТРУВЕЦКОЙ.

Быть можешь впрямь,
Что царедворцы здѣсь съ Царицей веселятся;
Въ звѣринцѣ, въ домѣ семь, она своимъ друзьямъ
Веселье, говоряшь, вседневно вымышляешь,
Въ различныхъ рѣзвостяхъ проводишь часъ и ночь,
И тѣша всѣхъ, сама въ любви и нѣгѣ шаешь.

Я В Л Е Н І Е VII.

Показываешься по Москвѣ рѣкѣ яхша, разно-
цвѣтными фонарями разцвѣченная подѣ Поль-
скимъ маршемъ, кошорая приспоешь къ берегу
пошой споронѣ моста; и мариша съ факелами,
въ свѣшѣ мушинъ и женщинъ, въ охотничьемъ
плашѣ, сходишь съ нея; а варацкой со спо-
роны къ ней присоединяешься.

ТРУВЕЦКОЙ.

Вопь видно шакъ, она!

ПОЖАРСКОЙ.

Не удалишься ль прочь?

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Почтожь?—Бояра къ ней Московски прѣжжають.
Кто что ни говори, а звѣзды средь небесь,
Которыя хоша минушу поблиспають,
Ужь замѣчательны.

П О Ж А Р С К О Й.

Пусть такъ. (*Про себя.*) Ея ль очесъ
Свирѣпая стрѣла мнѣ сердце поразила? (*Трубец-*
кому, глядя на Заруцкаго.)
Но кто же Руской шамъ?

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Товарищъ это мой,
Козачій Ашаманъ.

П О Ж А Р С К О Й, (*взглянувъ на подходя-*
щую Марину, про себя.)

Она меня плѣнила! (*Хочетъ уйти.*)

М А Р И Н А.

Куда сей опъ меня бѣжишь молодой Герой?

(*Трубецкому.*)

Повѣдай, Князь, ему ты нашей Польши нравы:
Во храбрости своей сумнишься потъ велишь,
Кто опъ красотъ себѣ не снискиваетъ славы.
Безспорно, мужество въ сраженіяхъ васъ льстишь;
Не меньше жъ надобно и между женъ геройство,
Чтобы умѣть своимъ повелѣвать спрашьямъ.

Припомъ блаженныхъ душъ веселіе есть свойство;
 Есть часъ прискорбія, есть часъ оспрады намъ;
 Пошѣшьшеся:—а шамъ Кремля лепѣшь на спѣны
 Я не препятсшвую, плашите долгу дань.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Извѣстенъ намъ швой нравъ привѣпливый и нѣж-
 ный;

(Указывая на Пожарскаго)

Но сей, Царица, вождь за кознь сочтешъ пріязнь.

П О Ж А Р С К О Й.

Я? Нѣшъ.

З А Р У Ц К О Й.

Порукой въ шомъ моею головою.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Здѣсь не нужна она.

П О Ж А Р С К О Й.

Царица побѣждашъ

Гдѣ можешъ всѣхъ сердца умомъ и красошою. . .

М А Р И Н А.

Коль эшо испина.

П О Ж А Р С К О Й.

Не можно шамъ ласкать,

Гдѣ обожаютъ всѣ.

МАРИНА.

Весьма вамъ благодарна.

ТРУБЕЦКОЙ.

Позвольте жь съ вами намъ ушѣхи раздѣлитъ.

МАРИНА.

Со удовольствіемъ. (*Громогласно.*) Будь роща лучезарна!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Съ симъ словомъ роща и замокъ освѣщающся, изъ коихъ послѣдній, подобно транспаранту, сквозь сіяетъ; по срединѣ рощи ели и сосны изчезающъ, а появляющся шупъ въ споронѣ софа. — По оставшимся деревьямъ кругомъ сидятъ амуры съ колчанами. Съ крыльца дома сходятъ Сильфы, Сильфиды, Нимфы, Саширы, и прочіе Духи, копорые въ балетѣ представляющъ увеселеніе Армиды съ Ринальдомъ.

ХОРЪ СИЛЬФОВЪ И ПРОЧИХЪ.

Здѣсь храмъ любви и ушѣшенья,

Суешъ забвенья и забошъ:

Вкушай, о смертный! наслажденья,

Доколѣ жизнь швоя цвѣшетъ.

Оглянешься, и нѣтъ ужъ цвѣша;

Довольствуйся швоимъ часомъ.

ПОЖАРСКОЙ, (про себя.)

Какихъ красота соборъ!

ЗАРУЦКОЙ (къ Маринѣ.)

Царица утомишь

Могла себя, пробывъ весь вечеръ на охотѣ.

МАРИНА.

Мы сядемъ лучше сей забавы посмотришь.

ТРУБЕЦКОЙ.

Когда угодно то. . . .

ПОЖАРСКОЙ.

Богининой щедрошъ.

(Марина, взявъ Пожарскаго и Трубецкаго за руки, садится съ ними на софу, обращая къ тому и другому ласками своими; а Заруцкой въ споронѣ показываетъ ревность.)

ЗАРУЦКОЙ (въ спорону.)

Ужъ слишкомъ ласково, нѣтъ больше силъ терпѣшь!

МАРИНА, (по окончаніи балета вставъ.)

Вотъ древни вишязи, искавшіе пошъ славы
Во браняхъ, какъ и вы, шакъ провели ихъ дни:
Но ешъли шѣшили подобны ихъ забавы,
Не забывали, мню, и яшвъ припомъ они.

(Взявъ ихъ по прежнему, уводитъ въ замокъ подъ Польскимъ маршемъ.)

Я В Л Е Н І Е IX.

Роща становишся по прежнему. Освѣщеніе и всѣ являвшіяся существа исчезаютъ, а тихо сіяетъ вдали замокъ и слышна музыка. — П а л и ц ы н ъ показывается изъ за деревъ съ трубою въ рукахъ.

П А Л И Ц Ы Н Ъ, (одинъ.)

И здѣсь его ужъ нѣтъ. Но чу! гремитъ музыка, Ликуетъ юность средь забавъ своихъ, пріятельствъ; Полки въ слезахъ, а вождь между прелестницъ лика: О роскошь! О развратъ! Сколь падо вами царствъ.
(Уходитъ паки въ рощу.)

Я В Л Е Н І Е X.

З А Р У Ц К О Й, (выбѣгая съ безпокойствомъ.)

Мнѣ показалось, какъ будто кто здѣсь крался: Не соглядай ли какой ужъ насъ слѣдитъ? Пожарской божествомъ своимъ очаровался, И Трубецкой въ глаза ей безъ ума глядитъ; Источница пріятельствъ и милаго коварства, Марина вдругъ на нихъ надѣшь умѣла цѣпь; Лежатъ у ногъ ея.—Но что-то блескъ боярства Ей очень нравится. Прелестница! Я слѣпъ, Но мнѣ коль предпочтешь своей пы ихъ любовью: Свирѣпствомъ, мстью желчь всклокочешь какъ
смола,

По селамъ брошу огонь, улью Москву всю кровью,
 Усю трупами я спепь, и вѣчна мгла
 Во слѣдъ измѣнѣ сей, во слѣдъ убійству злому,
 Покроешь всѣ мѣста. — Но ужъ изъ тьмы возшолъ
 Свѣтъ солнечный: пора ипши мнѣ къ Трубецкому,
 Взяшъ въ станъ его съ собой.

(Уходишь.)

Я В Л Е Н І Е XI.

Театръ перемѣняется и представляеть при
 восходѣ солнечномъ въ узорочномъ саду камен-
 ную пещеру, близъ копорой шумишь водомепъ.
 На дерновой скамѣ спишь Пожарской. Въ голо-
 вахъ съ ципрою сидишь Марина, Нимфы подъ
 деревьями дремлюшъ: двѣ же изъ нихъ тонкою
 бѣлою кисеею, проспертою надъ Пожарскимъ,
 помавая, защищаюшъ его отъ яркихъ лучей сол-
 нечныхъ.

Д В Ъ Н И М Ф Ы (тихо, сопровож-
 даясь ципрою Ма-
 рины, поюшъ.)

Солнце, лучи
 Тихо мечи;
 Дуй чужъ Зефиръ
 Сладкой сонъ, миръ;
 Здѣсь средъ цвѣшовъ
 Царствуй Любовь.

ПАЛИЦЫНЪ, (глядя на Пожар-
скаго изъ за де-
ревъ вдалекѣ.)

Виновница всѣхъ золь!

Бѣсъ въ свѣшломъ ангелѣ! Какъ обольсшишь споль
можно!

Въ Иродіадинъ садъ его ты скрыла свой.

Вопъ сихъ-то люшыхъ спрѣлъ мужамъ бояться
должно;

Отъ женскихъ прелестей палъ не одинъ Герой.

(Трубитъ въ трубу. Пожар-
ской во снѣ вздрагиваетъ.)

НИМФЫ (повторяющъ.)

Солнце, лучи

Тихо мечи;

Дуй чуть Зефиръ

Сладкой сонъ, миръ;

Здѣсь средь цвѣшовъ

Царствуй Любовь. (Палицынъ тру-
битъ еще. По-
жарской пробужа-
ется, а Ним-
фы сбѣгаются
къ Маринѣ.)

ПОЖАРСКОЙ.

Я слышу гласъ трубы, и солнце такъ высоко!

Но гдѣ поварищи? — Ахъ! ихъ со мной ужъ нѣтъ.

МАРИНА,

Тебѣ мечтаешь слухъ, обманываетъ око;

А день едва наспалъ.

ПАЛИЦЫНЪ (пругишь претій
разъ и выходишь на
сцену.)

Ошечество зовешъ!

ПОЖАРСКОЙ, (бросаясь къ нему.)

Аврамій! Эшо шы? (Закрывая глаза) Несносная
укора! (Убѣгаетъ.)

ПАЛИЦЫНЪ, (въ слѣдъ его.)

Такъ пушы разорвавъ, лешишь къ звѣздамъ орель!
(Уходишь за Пожарскимъ.)

Я В Л Е Н І Е XII.

МАРИНА и НИМФЫ.

МАРИНА.

Не могъ снесъ моего, о малодушный! взора,
И духу — мнѣ сказашь: проси! — онъ не имѣлъ.
Увы!

ХОРЪ НИМФЪ, (въ слѣдъ Пожарскому.)

Остановися на минушу,
Младой, прекраснѣйшій Герой!
Уйми Царицы скорбь ты люшу,
Ошри покъ слезъ швоей рукой.

Быть множно ль такъ неблагодарнымъ,
Мершвишь за нѣжностъ, за любовь?
О красота! очамъ печальнымъ
Блескъ возвраши скорѣй свой вновь!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляешъ Кремль между Троицкой и Боровицкой башнями съ наружности. — Изъ Москвы выѣзжаетъ съ одной стороны обозъ осажденныхъ Рускихъ Бояръ и Польскихъ Вельможъ съ ихъ женами, дѣтьми и богашствомъ подъ предводительствомъ двухъ Польскихъ пословъ, — Марина въ числѣ ихъ, покрыта бѣлою кисейною шапою. — Съ другой стороны войско Пожарскаго подъ ружьемъ, подъ командою Минина, съ бердышемъ стоящаго. — Въ споронѣ подъ деревомъ большой камень.

Я В Л Е Н І Е I.

Х О Р Ъ Ж Е Н Ъ И Д Ъ Т Е Й.

Великодушный мужъ! прони
Невинныхъ женъ, дѣтей мольбой;
На слезы наши преклонися,
Будь нашъ покровъ, опецъ, Герой:
Пуспи изъ облежима града,
Ошъ смерти насъ спаси и глада.

М И Н И Н Ъ.

Нѣтъ, безъ Вождя я васъ пуспитъ не смѣю.

І Й П О С О Л Ъ.

Намъ дозволеніе объявлено его.

М И Н И Н Ъ.

Могло шо бышь.

2 ѡй п о с о л ѡ.

Будь благъ, какъ Богъ.

М И Н И Н Ъ.

Не разумѣю.

1 ѡй п о с о л ѡ.

Да слава возблещишь всѣмъ сердца швоего.

2 ѡй п о с о л ѡ.

Почтенье воздаешъ такимъ вождямъ вселенна,

Чьи нѣжны чувствія и мужественъ чей духъ.

1 ѡй п о с о л ѡ.

И чья душа къ врагамъ на милость обращенна...

М А Р И Н А.

Чшишь юность и красы.

М И Н И Н Ъ (опворачиваетсѣ.)

Къ такимъ я баснямъ глухъ.

Я не привыкъ, и лесъ всегда презрѣнна мною.

Довольно, я сказалъ: безъ Вождя не пущу.

Я В Л Е Н І Е II.

Тѣже, Пожарской и Палицынъ.

МИНИНЪ, (увидя Пожарскаго.)

Гдѣ сынъ Опечесства, намъ избранный главою?

ПОЖАРСКОЙ.

Онъ здѣсь!—Сей часъ его тебѣ я возвращу;

Къ побѣдѣ надъ собой признанье шагъ.

МИНИНЪ.

Дай Боже!

ПОЖАРСКОЙ.

Что надобно тебѣ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Единый гласъ трубы

Духъ пылкій, юну кровь, попрясь ушѣхъ на ложѣ.

МИНИНЪ, (про себя.)

Но лучше бѣ памъ не бышь. (*Къ Пожарскому*)

Мнѣ что на ихъ мольбы?

ПОЖАРСКОЙ.

Ужъ эшо рѣшено.

МИНИНЪ.

Но градъ симъ защищашься

Получишь больше силъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Слабѣешь духъ отъ женъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Мы не пришли сюда со слабыми сражаться.

Чѣмъ грознѣе враги, тѣмъ намъ славнѣй ихъ плѣнъ.

МИНИНЪ.

Сокровище везушь.

ПОСЛЫ.

Мы жерпвуемъ казною.

ПОЖАРСКОЙ.

Разбойникамъ, звѣрямъ, добычей леспенъ ловъ,

Я не хочу богатствъ:—пускай везушь съ собою,

Неправедное прахъ.

МИНИНЪ (къ Палицыну.)

Онъ милуетъ враговъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Великодушіе за зло не признается.

ХОРЪ ТѢХЪ ЖЕ

Прямой Герой не жадень къ злашу,

Его богатство умъ и духъ;

Прими въ сердцахъ шы нашу плашу,

Враговъ великодушный другъ!

МАРИНА, (разкрывая фарту, шихо.)
 Неблагодарнѣйшій!—И не простясь ушолъ!
 Минуту на себя хоть дай мнѣ наглядѣться.
 Вотъ та рука, взоидешь кошорой на престоль.

ПОЖАРСКОЙ, (увидя ее, содра-
 гается, про себя.)
 О сила прелестей! (Колеблясь.) Увы, изнемогаю!

Я В Л Е Н І Е III.

Тѣже и Гонецъ съ письмомъ къ Пали-
 цыну.

ПАЛИЦЫНЪ, (чищаетъ.)
 „Изъ Вязьмы прешій день пошолъ въ Московской
 край
 „Съ Желтовскимъ Владиславъ. . . . Я васъ увѣ-
 домляю;
 Вотъ вѣсть!

МИНИН.

Напасъ!

МАРИНА, (шихо Пожарскому.)
 Они мои друзья. . .

ПОЖАРСКОЙ, (выхватя мечъ, къ
 войску.)

Сшупай!

(Войски ударяютъ походъ и подѣ-
 слѣдующиѣ маршелѣ движутся
 въ одну, а обозъ въ другую сторону.)

ХОРЪ ВОЙСКА.

Кипи въ сердцахъ Россійскихъ кровь,
 Спупайше вѣры, чесши чада!
 Зовешъ къ Опечесиву любовь
 Преспольнаго въ защиту града;
 Природна ввешъ Царя въ чертогъ,
 Святыню въ храмы, блескъ пресполу,
 Смиришь въ землѣ раздоръ, крамолу.—
 Спупайше Россы, съ вами Богъ!

*(Всѣ съ войсками уходятъ, кроми
 Марины и Палицына.)*

Я В Л Е Н І Е IV.

МАРИНА и ПАЛИЦЫНЪ.

МАРИНА.

Жестокой, варваръ, шигръ, никѣмъ неумолимый!
 Ни малой спраспию ко мнѣ онъ не горѣлъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Къ чему, Царица, гнѣвъ швой шоль неукрошимый?
 За чѣмъ ты здѣсь? — Желай, чшобъ онъ успѣхъ
 имѣлъ,
 Когда любимъ побой.

МАРИНА.

О сшарче, мнѣ шловредный!
 Такъ шы-шо у меня изшоргъ его изъ рукъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

На правый путь.

МАРИНА.

Но какъ же льспишься, дерзновенный!
Чтобъ мой послѣ сего къ нему былъ склонень духъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Ты любишь ли его?

МАРИНА.

Пусть такъ.—Но что порфиру
Онъ днесъ надѣнешъ мнѣ, сѣдымъ швоимъ челомъ
Ты мнѣ клянись.

ПАЛИЦЫНЪ.

Не вѣмъ.

МАРИНА.

Такъ знай: всему я міру
Владычица, и мнѣ послушны молнии, громъ.

*(Сдерживаетъ съ себя фату, машетъ и
убѣгаетъ, отъ чего поднимается вѣтеръ.)*

ПАЛИЦЫНЪ, (въ слѣдъ ея.)

Ахъ, сгинь проклятая!

Я В Л Е Н І Е V.

Палицынъ и Мининъ, а за послѣднимъ нѣсколько воиновъ несутъ желѣзный сундукъ и кису.

МИНИНЪ.

Полкъ вражій опрокинулъ
Пожарской, будто левъ, взбѣжавъ съ мечемъ на валъ:
Но зря, что градскій вождь въ пылъ конницу всю
двинулъ,

Мнѣ Козаками ихъ опрѣзать приказалъ.
Да воръ Заруцкой намъ ихъ въ помощь не пускаешь,
Сказавъ, что онъ безъ мзды не дастъ своихъ полковъ;
И Трубецкой чего, не знаю, поджидаетъ,
Стоишь, не движешься.—О горе! знаешь, что ковь
Какой у нихъ на насъ.—Провѣдай, преподобный,
Тебя послушаютъ, сходи, уговори,
Вотъ я казну принесъ; Козаки къ злашѣ склонны.

ПАЛИЦЫНЪ.

И мнѣ сокровища свои монастыри
Съ усердьемъ ввѣрили на случаи несчастны:
Коль мало вамъ казны, возьми къ себѣ ты ихъ.

МИНИНЪ.

Коль мы съ побой душой и сердцемъ такъ согласны,
То ссыплемъ вмѣстѣ кладъ мы и богатствъ своихъ.

ПАЛИЦЫНЪ. (Сдвигаетъ подъ деревомъ лежащій камень и вынимаетъ большую церковную кружку.)

Корвана церкви здѣсь.

МИНИНЪ.

Угодно ли по небу?

Когда ее возмемъ, не согрѣшимъ ли симъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

На крайню ежели народную попребу

Ее мы праведно и свято обрашимъ:

Пріятнѣй Богу то, чѣмъ еиміамъ куришся,

(Мининъ вынимая лѣшокъ съ тервонцами, а Палицынъ желтухъ, ссыпаютъ въ кассу; остальное же и кружку заперши въ сундукъ, уходятъ.)

Я В Л Е Н І Е VI.

Заруцкой съ нѣсколькими Козаками съ поспѣшностью выбѣгаетъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Тутъ Мининъ казначей и съ нимъ сѣдой спарикъ

Съ народною казной на вѣрно должны крыться,

Ищите!—И опъ нихъ, плашежъ какъ ни ведикъ,

Кто взяпъ изъ васъ дерзнеть, умреть на мѣстѣ

казни.

(Грозя булавою.)

*

Ищите, и ко мнѣ предспавыте ихъ сей часъ!

*(Козаки уходятъ съ поспѣшностію,
а онъ въ ярости.)*

О! есшълибъ свяшоспи въ личинѣ и пріязни
Попался мнѣ ханжа! *(Глядитъ вдалѣ.)* Когда не
лжешъ мой глазъ,
Козаки врозь бѣгутъ: знашъ, взяшъ кто ихъ толпою.
(Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е VII.

Съ другой спороны пробѣгаешъ чрезъ шеапръ,
предводишельспивуя козачьею дружиною, Межа-
ковъ, изъ середины копорой въ препешъ, зады-
хаясь, выходишъ Палицынъ.

ПАЛИЦЫНЪ *(одинъ.)*

Ощъ ищущаго здѣсь врага души моей
Невидимой покрышъ Господней я рукою.
Намъ сила Божія всегда людской вѣрнѣй,
Надежда наша въ немъ!—Послалъ намъ Межакова,
Онъ скрылъ меня: *(слышна вдали буря и гроза:)*
но чшо за бурный слышу ревъ?
Не ужель чары шо Царицы, духа злова?
Или за бисеры церковны неба гнѣвъ?

*(Становясь на колѣни взды-
маетъ руки къ небу.)*

О Боже силь! Тебѣ спихи всѣ покорны,
 Проспри свой свыше перспъ, да сей ужасный
 громъ
 И молнии низпадутъ на вражій сонмъ злопворный
 И возблесшишь Москва злапымъ своимъ челомъ!
(Увидя Трубецкаго встаетъ.)

Я В Л Е Н І Е VIII.

Тотъ же, Трубецкой и Заруцкой бѣгутъ
 другъ за другомъ, сражаясь одинъ мечемъ, а дру-
 гой булавою, въ преслѣдованіи воиновъ и коза-
 ковъ сражающихся же: изъ коихъ первый, выбивая
 у второго изъ рукъ его булаву, схватываетъ за
 воротъ и повергаетъ на землю. Козаки разбѣ-
 гаются.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Злодѣй! Такъ это ты, изъ столь друзей мнѣ близ-
 кихъ;
 Который тайною засадой Козаковъ
 Смялъ Минина въ разплохъ, и мнѣ въ долинахъ
 низкихъ
 Разспавилъ было свой бездѣльнической ковъ?
 Я на тебя давно смопрѣлъ: но Рускимъ царствомъ
 Съ Пожарскимъ чрезъ вражду тебѣ не завладѣшь.
 Скажи всю истинну: за чѣмъ съ такимъ нахаль-
 ствомъ

Меня съ опричными ты вкругъ спаль объѣзжаешь?
(Замахиваясь метелъ.)

Скажи мнѣ, извергъ! Смерть въ рукѣ моей гошова.

З А Р У Ц К О Й, (сѣдши.)

Чшо знаешь желаешь ты? Коль ты шого не знаешь,
Спроси то у себя, или у Годунова.

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Вопъ замысль свой куда онъ проспираешь дерзаль!

Т Р У Б Е Ц К О Й, (заминая рѣчь.)

Такъ и Пожарскаго заводчикъ ты убійсхва?

З А Р У Ц К О Й, (попуня глаза въ
землю.)

Хошябъ. . . .

Т Р У Б Е Ц К О Й

Злодѣйсвомъ симъ гошовиль казнь себѣ.

(Въ сторону.)

Подъ спражу съ плѣнными!

(Воины, поднявъ Заруцкаго, цводятъ.)

П А Л И Ц Ы Н Ъ, (въ слѣдъ его.)

О демонъ кровопійсхва!

(Трубецкому.)

Но живъ ли Мининъ нашъ?

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Благодаря судьбѣ,

Онъ бердышемъ своимъ, какъ межъ цвѣтовъ косою,
 Какъ смерть, косиль главы и ужась несъ врагамъ.
 Но подъ мостъ было онъ незапною толпою
 Едва не свержень былъ, какъ я. . . . Да вошь онъ
 самъ.

Я В Л Е Н І Е IX.

Тѣ же и Мининъ.

МИНИНЪ.

О Князь! скажи скорѣй, чѣмъ кончанъ бой швой
 зѣльной?
 Я за тебя дрожалъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Ты видишь, я здоровъ.
 Но городъ что?

МИНИНЪ.

Какъ поншъ во бурѣ пребезмѣрной
 Кипись, валы лешяшъ прошивъ другихъ валовъ.
 Пойдемъ и подкрѣпимъ.— (*Уходятъ. — Молнія и
 громъ огласу циножа-
 ются.—Между ударами
 слышна пальба, гласъ
 тревожный трубъ и ба-
 рабановъ, и напоследокъ
 клики воинства: а зна-
 мена по стѣнѣ движутся
 туда и сюда.*)

РЕЧИТАТИВЪ ВОЙСКЪ.

(за кулисами.)

Трясется гора,

Колеблются стѣны:

Сюда всѣ знамены,

Сюды всѣ! ура!

ра, ра, ра, ра. . . .

ПАЛІЦЫНЪ.

О Боже! дай побѣду.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ Х.

Сильный ударяешь громъ, и часть стѣны Кремлевской опъ Троицкихъ ворошь съ угломъ до Москвы рѣки разваливается. Театръ представляешь во внутренности Ивановской площади на лѣво Красное крыльцо и Успенской Соборъ, на право Архангельской; а посреди прямо колокольню Ивана великаго. — Предъ ней круглый споль, накрытый червленымъ бархатомъ съ золотою бахрамою. — На немъ на златыхъ блюдахъ регалии царскія. Вкругъ его сидишь Дума бояръ. — По стѣнамъ зданій на скамьяхъ сидяшь Жильцы Московскіе, какъ-то: Дворяне, Спряпчіе и Госпи торговые; — на башнѣ и по кровлямъ народъ. — Марина, въ царской одеждѣ, подъ багрянымъ покрываломъ, скрывается между Вельможъ на Красномъ крыльцѣ. — На сценѣ по обѣ

спороны спола Пожарской, Трубецкой, Палицынъ и Мининъ; а Заруцкой въ споронѣ въ цѣпяхъ.

П О Ж А Р С К О Й.

Благодарю Творца! Москва освобождена.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Врагъ прогнанъ изъ Кремля.

М И Н И Н Ъ.

Ужъ нѣтъ его и слѣду.

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Но безъ главы шеperь Ошечества спрана.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Сілющій Синклишъ! Сонмъ царспвенна Совѣша!

Днесъ нужно намъ рѣшишъ: какой правленья родъ

Удобнѣй можешъ бышъ для блага полусвѣша?

Примѣры многіе вселенная даѣшъ.

Римъ славно чрезъ Сенашъ владѣль надъ всей все-
ленной:

Не сближись ли намъ къ правленію сему?

П О Ж А Р С К О Й.

Въ ограду опъ толпы мяшежной, разъяренной,

И тамо часпо власть ввѣрлясь одному.

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Не шокмо въ бурну ночь, какъ съ ревомъ спрашны
волны

Восходяшъ до небесъ, и безднъ падушъ во мглу:
 Но плавашъ по морю въ дни ясны и покойны,
 Единъ искусный вождь пошребенъ кораблю.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Такъ изберемъ Царя.

М И Н И Н Ъ.

Съ согласія народа.

П О Ж А Р С К О Й.

И я.

Т Р У Б Е Ц К О Й, (громогласно къ на-
 роду.)

Внемли народъ! Царя вамъ, иль Вельможъ?

Н А Р О Д Ъ.

(Речитативъ.)

Не надобно барь:

Да царсшвуетъ царь!

Х О Р Ъ.

Да царсшвуетъ царь,

Царь, царь, царь.

П А Л И Ц Ы Н Ъ.

Кого же изберемъ?

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Заслуги и порода

Кому на то даюшъ все право.

ПОЖАРСКОЙ.

Мышлю пожь.

ТРУБЕЦКОЙ, (Пожарскому.)

По истинѣ намъ всѣ и недруги и други
Должны отдашь шу Chesть, что въ рядъ другихъ
не йдушъ

Ни роды наши, Князь, ни къ Опчеству заслуги;
А паче о себѣ дерзну напомнимъ:

Что еспьлибъ дружбой я Гешманскіе обманы
Не вызналъ, не проникъ всѣхъ шайнъ его пупи
И не изрылъ подъ нимъ самымъ глубокой ямы,
Погибнушь бы намъ всѣмъ, Россію не спаси.
Тебя я искушалъ, и градъ держалъ въ осадѣ.

ПОЖАРСКОЙ.

Радъ Chesть шебѣ воздашь.

ПАЛИЦЫНЪ, (Пожарскому.)

Тупъ воля не швоя.

МИНИНЪ, (Палицыну.)

Да, нѣшъ. (Трубецкому.) Ты спасъ мнѣ жизнь; но
не прими къ досадѣ,
Ясневельможный Князь! не соглашуся я,
Чшобъ бышь Царемъ у насъ шебѣ, или другому,
Безъ выбора опъ всѣхъ.

ТРУБЕЦКОЙ, (съ досадою.)

По слову швоему

Я рекъ.

ПАЛИЦЫНЪ, (Народу.)
 Народъ! Царемъ Россіи бышь
 Пожарскому, иль Трубецкому?

ДУМА И НАРОДЪ. (За кулисами.)
 (Рекитативъ.)

Пожарской намъ любовь,
 Пожарской намъ любовь.

ХОРЪ НАРОДА (съ трубами.)
 О любо! всѣмъ любо!
 Воскликни гласъ трубъ!
 Воскликни сугубо:
 Пожарской намъ любовь!

(Мининъ и Палицынъ, взявъ на
 блюдахъ регалии, подносятъ По-
 жарскому.)

ПАЛИЦЫНЪ.

Прими жь, избранный мужъ! довлѣючи клейноды

МИНИНЪ.

Достоинствамъ швоимъ, и буди намъ главой.

МАРНА, (вдругъ сшедши съ крас-
 наго крыльца и спустя
 порфиру на плеча.)

Прими во власъ свою безчисленны народы
 И сердце нѣжное ты съ тою красотою,
 Тобою что спрасшна, и ты въ кого влюбился,
 И коя ужь давно Царица сей спранѣ.

ПОЖАРСКОЙ, (въ смященіи, помолчавъ.)

Съ престола для тебя сойти бы я рѣшился;
А на престолъ взойти неправдой, низко мнѣ.

МАРИНА (съ яростію.)

Гордецъ!

ПОЖАРСКОЙ, (поклонясь на всѣ стороны.)

Россіяне! За даръ вашъ столь усердный
Позвольте мнѣ вамъ рѣчь признапельноупросперть:
За подвиги мои, вамъ въ жертву принесенны,
Какихъ желалъ я благъ?—Покой въ Россіи зрѣть.
Взявъ упвари сіи, шѣхъ благъ лишусь и славы;
Узря на мнѣ ихъ блескъ, народъ и ликъ бояръ,
Имѣющій на то важнѣй, бысть можетъ, правы,
Не оцупишь ли вдругъ въ душѣ своей пошъ жаръ,
Что зависъ въ насъ родишь?—Возникнушь вновь
крамолы;

Я, усмиряя ихъ, могу пираномъ спашъ:
На что не соглашусь вселенной за престолы.
Съ пошачкою жъ спрасшей шронъ бурный управ-
ляшь,

Могуль я сокращишь хищенья длинны руки,
Ввесъ скорый правый судъ, спокоишь шапки дни?
Законы безъ грозы беспрашнымъ эха звуки;
Примѣры хощъ прошли, но памяшны они.—
Лже-Дмишрій, какъ мячемъ, игралъ въ крови дер-
жавой;

А Шуйской только взялъ, въ шѣни ея изчезъ.
 Не можешь прона шапъ владѣть спокойно славой;
 Великъ онъ, или малъ: но все онъ гнѣвъ небесъ,
 Которыя ему, иль поздно, или рано,
 По правосудію на вѣрно ошомсѣяшъ;
 И въ пасмурной душѣ нѣтъ мира у ширана;
 Тревога, злоба, грусть, безпереспанный адъ.
 Онъ козни новыя всечасно вымышляетъ,
 Чшобъ скрыть свой мрачный нравъ иль шѣмъ, или
 другимъ:
 Сего дня лавровъ онъ, а завтра пальмъ желаетъ,
 Курился чшобъ предъ нимъ подлѣйшей дести дымъ.
 Законыжъ Рускіе, обычай, власть ли Бога,
 Повергли съ дѣшества насъ владычеству Царей;
 Чшимъ Божій въ нихъ законъ, за храмъ ихъ блескъ
 черного:
 Коснешсяль въ ихъ вѣнцѣ чело мое лучей,
 И облекусь ли въ ихъ священну я порфиру?
 Нѣтъ! нѣтъ! Наслѣдникъ лишь одинъ по крови имъ
 Спокойсво можешь дать и возвратишь насъ къ
 миру.
 Добръ, мудръ, безъ зависти и всѣми будешь чшимъ;
 Бояре ближніе, усердны общу благу,
 Единодушіемъ безспрашно подкрѣпляшъ;
 Предспавяшъ грудь ему въ своихъ совѣшахъ нагу,
 И въ самыхъ слабоспяхъ великимъ учиняшъ.

МИНИНЪ И ПАЛИЦЫНЪ.

(Полагая региліи на столъ.)

Но гдѣжь наслѣдникъ есшь?

ПОЖАРСКОЙ.

Не можно ль Михаилу

Романову взойти на праотчій пресполь

По женскому родству?

ТРУБЕЦКОЙ.

Въ дни смутны не подь силу

Ему полсвѣна скипшрь.

ПАЛИЦЫНЪ.

Жизнь въ опрахъ Божьемъ велъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Онъ младъ, неопыпенъ.

МИНИНЪ.

Душею чуждъ лукавства,

Благъ сердцемъ, справедливъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Премудръ его опецъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Я лучше бытъ хочу слуга самодержавства,

Чѣмъ съ мрачной совѣстью носишь его вѣнецъ.

МАРИНА.

Нелѣпый умъ!

ТРУВЕЦКОЙ.

Великъ, когда совѣшь сей можешь
Тирану бышь уздой, а парусомъ Царю.

МИНИНЪ.

На спогнь къ народу онъ свой взоръ и слухъ при-
ложишь,
И изъ ковчега взявъ, разсмотришь самъ всѣхъ прю.

ПАЛИЦЫНЪ.

И истиннѣ къ себѣ не возпретишь приходу,
Хошябъ и въ рубищѣ.

ТРУВЕЦКОЙ.

И будешь образцомъ
Совѣшь его Бояръ всѣхъ доблесней народу.

ПОЖАРСКОЙ.

А онъ ихъ всѣхъ главой, владыкой и опцомъ.

ДУМА И НАРОДЪ.

(Резитативъ.)

Михайлу вѣнецъ!

Михайлу вѣнецъ!

ХОРЪ НАРОДА.

(съ трубами.)

Михайлу вѣнецъ!

Онъ будетъ царь сердець,

Владыка и отецъ:

Михайлу вѣнецъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Сомнѣнья нѣтъ; себя, родъ праведный, возвысишь,
Прославишься подъ нимъ Россійская страна.

ЗАРУЦКОЙ (Маринъ, попрысая
цѣпями.)

Не опъ волшебствъ твоихъ, знашь, бышь царемъ
зависишь.

МАРИНА.

У ада, у меня, у твоего ума

Еще есть способы:—пойдемъ! (Съ Заруцкаго цѣ-
ли слаждаютъ и
они уходятъ.)

ТРУВЕЦКОЙ.

На казнь!

(Войски бросаются въ слѣдъ
за Заруцкииъ.)

ПОЖАРСКОЙ.

Оставимъ

Избранному Царю сей судъ и долгъ свершишь.

ПАЛИЦЫНЪ.

Нѣтъ праведнѣй сего, и шѣмъ законъ мы славимъ,

Когда мы и врагамъ не хотимъ сами мстишь.

Пойдемъ шеперь во Храмъ усерднѣйшей мольбою
Хвалу Творцу воздашь, что спасъ насъ отъ ко-
варствъ.

Надъ властолюбіемъ, надъ злопомъ, надъ красою,
Побѣда выше естъ, чѣмъ покоренье царствъ!

Х О Р Ъ О Б Щ І Й.

О слава! возвѣспи вселенной,
На удивленіе вѣкамъ,
Духъ Росса бранной и усердной,
Благоговѣющій къ Царямъ.
Онъ храбросшю, умомъ, богатствомъ
И благочесніемъ прямымъ,
Не устрашася всѣхъ золь препяствомъ,
Скипиръ возвратилъ Царямъ своимъ;
И подъ наслѣдственнымъ жезломъ
Всѣ царства щасьемъ превышаешь,
Какъ кедръ до неба досязаешь:
Благословенъ Романовъ домъ!

ІХ.

КУТЕРЬМА

ОТЪ

КОНДРАТЪЕВЪ,

ДѢТСКАЯ КОМЕДІЯ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ

съ хорами.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

МИЛОВИДОВА, госпья, сеспра хозяйки.

КОЛЬДУНЬЯ, спаруха въ маскѣ.

ВАРИНЬКА.

ВЪРИНЬКА.

ПАШИНЬКА.

{ малолѣпныя дочери Г-жи Милови-
довой.

1й КОНДРАТІЙ, камердинеръ.

2й КОНДРАТІЙ, садовникъ.

3й КОНДРАТІЙ, музыкантъ.

ОЕДОСЬЯ, служанка дому.

{ служители.

Дѣйствіе въ сельцѣ Званкѣ.

КУТЕРЬМА

О Т Ъ

К О Н Д Р А Т Ь Е В Ъ.

Я В Л Е Н І Е I.

Театръ представляетъ гостиную комнату, споль съ самоваромъ и чайнымъ приборомъ. Милови́дова въ покоевомъ плащѣ, и волосы у нея нѣсколько смяты. Варинька, Вѣринька, Пашинька, обнявшись между собою, выходятъ за нею.

М И Л О В И Д О В А, (смотря на часы.)

Почти чешыре часа,—позаспались немного. Ну поскорѣе, дѣши, напьемся чаю, мнѣ недосугъ. Сеспра бѣдная давеча за споломъ позахворала. —У ней мужъ имянинникъ, будущъ на вечеръ госпи; а коли ей полегче спанешъ, то будешъ ужгнъ и балъ: и шакъ она поручила мнѣ за себя похозяйничашъ. —Надобно кое что приказашъ изгошовишъ для праздника.

(Разливаетъ чай.)

В А Р И Н Ъ К А.

Ахъ, праздникъ, маминька!—Какъ же я рада!

В Ъ Р И Н Ъ К А.

Ахъ, праздникъ, праздникъ! То-то попанцуемъ!

П А Ш И Н Ъ К А.

Попрыгаемъ, попляшемъ!

В Ъ Р И Н Ь К А.

По цыгански, по руски.

В А Р И Н Ь К А.

Козачька, вальсень.

П А Ш И Н Ь К А, (подбодрившись.)

И Савоярку.

В С Ъ Т Р И В М Ъ С Т Ъ.

Какъ намъ весело! (*Прыгаютъ и бьютъ еѣ ладоши.*)

М И Л О В И Д О В А.

Тише, тише! не разбудите пѣшиньку.

В С Ъ Т Р И, (*бросаясь къ матери и цѣля у ней руку*)

Какъ же бышь, милая маминька, намъ весело, очень весело. (*Продолжаютъ прыгать.*)

М И Л О В И Д О В А.

Дурочки! успѣете навеселиться; веселье хорошо во время. — Рано ппашечка заѣла, чшобы кошечка не съѣла.

В Ъ Р И Н Ь К А.

Какъ рано?

В А Р И Н Ь К А.

Чшо за ппашечка?

П А Ш И Н Ь К А.

Какая кошечка? — Мы не дадимъ ей съѣсть ппички.

М И Л О В И Д О В А.

Глупенькія! Эпо пословица, и научаетъ насъ
ничему прежде времени не радовашься.

В А Р И Н Ь К А.

Для чего жь?—Дядинька севодни имянинникъ.

М И Л О В И Д О В А.

Но шёпинька нездорова.

В Ъ Р И Н Ь К А.

Боже сохрани!

П А Ш И Н Ь К А.

Да мы, слава Богу, здоровы: для чего жь намъ
не веселишья?

М И Л О В И Д О В А, (крестя ихъ.)

Господь съ вами! Веселишесь, друзья мои, я
эпова сердечно вамъ желаю: но надобно бышь
соспрадательнымъ; когда кто боленъ, то шупъ
веселье не у мѣста.

В А Р И Н Ь К А.

Да вы сказали, что дядинька имянинникъ.

В Ъ Р И Н Ь К А.

Что госпи будущъ.

П А Ш И Н Ь К А.

Что севодни праздникъ.

М И Л О В И Д О В А.

Такъ, друзья мои, эшо все правда: однакожь я сказала, когда сеспрѣ будешь полегче; и дополнишь надо: когда дядя дозволишь.

В А Р И Н Ъ К А.

Для чегожь?

М И Л О В И Д О В А.

Онъ шакже недомогаешъ.

В А Р И Н Ъ К А.

А чѣмъ?

М И Л О В И Д О В А.

По большой часпи неоспорожноспью.

П А Ш И Н Ъ К А.

Да вишь онъ былъ за споломъ.

М И Л О В И Д О В А.

То-шо и худо, шущь-то и надобна оспорож-носсть.—Но я съ вами заговорилась. —Варинька! вели послашь ко мнѣ, мой другъ, поскорѣ Кондрашьевъ: камердинера, садовника и музыканша.

В А Р И Н Ъ К А,

Кондрашьевъ, маминька? (*Уходитъ.*)

Я В Л Е Н І Е II.

Миловидова, Вѣринька и Пашинька.

ПАШИНЬКА.

Что такое, милая маминька, за неосторожность? И какъ бышь опъ того больну?—Я эпова не понимаю.

МИЛОВИДОВА.

Ой ты воспрушка! обо всемъ любопытствуешь.

ВѢРИНЬКА.

А особливо за споломъ.

ПАШИНЬКА.

Гдѣ ничего нѣтъ, какъ только блюда, чашки, рюмки, спаканы.

МИЛОВИДОВА.

Они-то и кусаются. Изъ нихъ неосторожно покушаешь, разгорячишься, просудишься. . . .

ВѢРИНЬКА И ПАШИНЬКА.

Ха, ха, ха, ха, ха!

МИЛОВИДОВА.

Что вы, дурочки, чему смѣшесь?

ВѢРИНЬКА.

Какъ, маминька, не смѣяшься, мочи нѣтъ.
Ха, ха, ха!

ПАШИНЬКА.

Блюды не кусаюшся,—и какъ проспужахъся, разгорячахъся?—Ха, ха, ха, ха!

МИЛОВИДОВА.

Эй пище, рѣзвухи! дядю и шешку безпокоише.

ВЪРИНЬКА.

Да вы шушите надъ нами.

МИЛОВИДОВА.

Какъ шучу?

ПАШИНЬКА.

Когда насъ кусали блюда?

ВЪРИНЬКА.

Когда мы разгорячались и проспужались?

МИЛОВИДОВА.

Для того, что еще ваши лѣща не шѣ, какъ дядины; да за вами приспально смошряшъ, наблюдаюшъ, васъ журияшъ.

ПАШИНЬКА.

Да развѣ вы съ шешинькой не наблюдаете за дядинькой?

МИЛОВИДОВА.

Такъ, другъ мой: но онъ говоришъ, что вѣкъ свой изжилъ; что подъ опекой ни у кого бышъ не хочешъ: то что съ нимъ дѣлашъ? А вы еще молоды и съ вами управишъся можно.

В Ъ Р И Н Ъ К А.

Мы, милая маминька, изъ вашей воли не
высшупаемъ.

М И Л О В И Д О В А.

Я очень довольна, сердечныя друзья мои,
что вы себя хорошо ведете.

Я В Л Е Н І Е III.

Тѣ же и В а р и н ѣ к а.

В А Р И Н Ъ К А.

Кондрашѣ пришли.

М И Л О В И Д О В А.

Позови ихъ ко мнѣ. — Нѣтъ, поспой; не-
одѣшою принятъ ихъ дурно; чужіе наемные люди.
Подите и прикажите имъ, что я вамъ скажу, и
пустъ сюда придущъ: я послѣ посмотрю, что
они сдѣлали.

В А Р И Н Ъ К А.

Извольте, маминька.

В Ъ Р И Н Ъ К А.

Мы все исполнимъ, что вы прикажете.

П А Ш И Н Ъ К А.

Точъ въ шочъ, ни единого словечка не упу-
сшимъ.

МИЛОВИДОВА.

Хорошо: станьте рядомъ. (*Становятся.*)

ВАРИНЬКА, *вытянувшись по солдатски.*

Вотъ и строй готовъ.

МИЛОВИДОВА.

Ты все проказничаешь: но шутъ шутки не у мѣста, гдѣ приказываютъ; вниманіе первый знакъ повиновенія.

ВСѢ ВДРУГЪ.

Да приказывайте жъ, маминька; мы слушаемъ.

МИЛОВИДОВА, (*про себя.*)

Какъ бы мнѣ не просупиться. Старикъ любилъ все попынѣе, пожирнѣе и пошумнѣе; а сеспра, поскромнѣе, попроснѣе и почистосердечнѣе. Не угоди имъ: она нахохлилась, а онъ попчасъ на опрѣзъ брякнетъ: спасибо, Милосшивыя Государыни, поддобрехотали! Эпото мнѣ слышатъ и не хочется; я ихъ право обѣихъ люблю.—Но хорошо, слушайте. (*Приказываетъ дѣтямъ.*) Ты, Варинька, скажи первому Кондрашю, камердинеру, который, за отсутствіемъ управителя, надзираетъ за кухнею: чѣмъ приготовили между прочимъ куръ съ шампиніонами; дядинька это блюдо любитъ.—Ты, Вѣринька, второму Кондрашю, садовнику, вели припаси вѣзъ съ повелицей. Дубу и лавра здѣсь нѣтъ; не ровно намъ вздумается отспавному служивому поднести, по древнимъ обычаямъ, свойственнѣйшему вѣнокъ.—А ты, Пашинька, скажи прешьему

Кондрашью, музыканшу, чпобъ онъ пригатовилъ для огромности хоровъ рогъ съ барабаноми. Смотрише же не забудьте, а я пойду одѣваюсь.

(Уходитъ, и тогда же два служителя выносятъ тайный приборъ.)

Я В Л Е Н І Е IV.

Въ противныя двери входитъ Кондратій Камердинеръ.

ВАРИНЬКА.

Ты Кондратій?

КОНДРАТІЙ.

Кондратій.

ВАРИНЬКА.

Кондратій первый?

КОНДРАТІЙ.

Какъ нѣшь здѣсь другаго, такъ первый.

ВАРИНЬКА.

Маминька тебѣ приказала, чпобъ ты между прочими блюдами велѣлъ изготовишь куръ съ шампиньонами.

КОНДРАТІЙ.

Хорошо, сударыня. (Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е. V.

Топчасъ за нимъ входитъ Кондратій музыкантъ.

В Ъ Р И Н Ь К А.

Ты второй Кондрашій?

К О Н Д Р А Т І Й.

Послѣ вышедшаго опсюда второй.

В Ъ Р И Н Ь К А, *(принявъ его за садовника.)*

Пригошовъ для праздника вязъ съ повелицой.

К О Н Д Р А Т І Й.

Вязъ съ повелицой!—На что это?

В Ъ Р И Н Ь К А.

Не швое это дѣло.

К О Н Д Р А Т І Й.

Слушаю.

(Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е VI.

За нимъ топчасъ входитъ Кондратій садовникъ.

П А Ш И Н Ь К А.

Ты третій Кондрашій?

КОНДРАТІЙ Садовникъ.

Послѣ двоихъ я прешій.

ПАШИНЬКА, (принявъ его за музыканта.)

Чшобъ былъ гошовъ рогъ съ барабаномъ.

КОНДРАТІЙ.

Ахши! крошовъ чшо ли оппуживашъ? Но у насъ ихъ нѣшъ.

ПАШИНЬКА.

Чшо веляшъ, то и дѣлай.

КОНДРАТІЙ.

Бышъ шакъ, когда господа приказываюшъ.

(Уходитъ.)

ВАРИНЬКА И ВСѢ въ слѣдъ ему кригатъ.

Поспой, поспой, Кондрапій. Когда изгошовише, то приходише всѣ сюда и покажише маминькѣ.

Я В Л Е Н І Е VII.

Тѣже и Миловидова.

МИЛОВИДОВА.

Вы все таки не унимаешесь шумѣшъ, чшо вамъ ни говори. (Осматривается въ зеркало.) Вошъ я и принарядилась.—Хорошо ли?

В С ъ, около ее прыгая, бьюшъ въ ладоши.

Хорошо, маминька, очень хорошо. Кабы мы большія были шакія!

МИЛОВИДОВА.

Не пужише, выросшите; будьте только умны. Но пора и вамъ одѣваться; вечеръ на дворѣ; пово и смори, что гости нагрянушъ.

(Дѣти уходятъ.)

Я В Л Е Н І Е VIII.

МИЛОВИДОВА, одна.

Умненькія, миленькія дѣвочки! Хошъ свое рожденье, но какъ не похвалишь? — Да здѣсь полно никоно нѣшъ; я бы при людяхъ эшова не сказала: а то насмѣшники потчасъ разнесушъ, просвищутъ, что будто я ихъ балую.

Я В Л Е Н І Е IX.

Миловидова и Ѳедосья.

МИЛОВИДОВА.

Что ты, Ѳеша?

ѲЕДОСЬЯ.

Кондрашъи пришли, сударыня.

МИЛОВИДОВА.

Пусть ихъ войдутъ сюда.

Я В Л Е Н І Е Х.

Три Кондратья, держащіе въ рукахъ: 1й шуръ (или парикъ) и свернутое бѣлье; 2й, горшокъ тюлпановъ, окладенный мохомъ; и 3й, бась со скрипкою.

М И Л О В И Д О В А.

Пригошвили ли, друзья мои, что вамъ приказывали дѣши?

К О Н Д Р А Т Ъ И. (*Всѣ трое вѣдугѣ.*)

Все гошово, сударыня.

М И Л О В И Д О В А. (*Къ Кондр. Камерд.*)
Гдѣжь?

К О Н Д Р А Т Ъ И.

Вошъ здѣсь.

М И Л О В И Д О В А.

Да что эшо?

К О Н Д Р А Т Ъ И.

Туръ съ паншалонами. (*Кладетъ на столъ.*)

М И Л О В И Д О В А.

Какъ? Тебѣ приказывали куръ съ шампиніонами.

К О Н Д Р А Т Ъ И.

Мнѣ такъ слышалось.

М И Л О В И Д О В А.

Какой вздоръ! (*Къ Кондр. Садов.*) У тебя что?

К О Н Д Р А Т Ъ И.

Мохъ съ тюльпаномъ. (*Ставитъ на столъ.*)

М И Л О В И Д О В А.

Какая чуха! Тебѣ приказанъ рогъ съ барабаномъ.

К О Н Д Р А Т І Й.

Я не музыкантъ.

М И Л О В И Д О В А. (*Къ Кондратью музыканту.*)

А у тебя что?— Вязъ съ повелицей?

К О Н Д Р А Т І Й.

Нѣтъ! — Басъ со скрипичей. (*Кладетъ на столъ.*)

М И Л О В И Д О В А.

Ха, ха, ха, ха! Сумасшедшіе! Ошкудова вамъ въ голову вошла такая нелѣпица?

К О Н Д Р А Т Ъ И В С Ъ Т Р О Е.

Намъ барышни такъ приказывали.

М И Л О В И Д О В А.

Не можетъ быть. Позови сюда, Федосьюшка, барышень.

(*Федосья уходитъ.*)

Я В Л Е Н І Е Х І.

Тѣже кромѣ Федосьи.

М И Л О В И Д О В А.

Не вѣрю, не вѣрю, чтобъ барышни вамъ такой сумбуръ приказали. — Я имъ на носъ нарубила, кому что приказать.

К О Н Д Р А Т І Й І Й.

Я крѣпокъ на ухо, и приготовилъ по своей должности, что баринъ всякой день носишь.

КОНДРАТЬИ 2Й И 3Й.

А мы почка въ почку шо сдѣлали, что намъ велѣно.

МИЛОВИДОВА (сердито.)

Что за безшолковщина?—Вопгь каково памъ, гдѣ много Кондрашьевъ!—Смѣхъ онъ нихъ и горе! Тому прикажи, того спроси, и увидишь хошь Кондрашья, да не Кондрашья; Оедомъ, да не шомъ; одинъ на другаго сваливаетъ. Тьфу какая пропасть.—Да вѣдь барышни васъ видѣли?

КОНДРАТЬИ ВСЪ.

Видѣли.

МИЛОВИДОВА.

И сами съ вами говорили?

КОНДРАТЬИ ВСЪ.

Говорили.

МИЛОВИДОВА.

И шакъ онѣ что нибудь вамъ приказывали?

КОНДРАТЬИ ВСЪ.

Приказывали.

МИЛОВИДОВА.

Для чегожъ вы не шо сдѣлали, что вамъ приказывали?

КОНДРАТІЙ 1Й.

Онъ шого, какъ я ужъ сказалъ. . . .

КОНДРАТІЙ 2Й.

Мы позамялись было.

МИЛОВИДОВА.

Да чпожъ?

КОНДРАТІЙ ЗЙ

Но господамъ мало ли какія нескладицы въ голову приходяшъ: шо мы и исполнили.

МИЛОВИДОВА.

Да вошъ и дѣши идушъ: посмотришь, кшо изъ васъ правъ.

Я В Л Е Н І Е XII.

Тѣ же, Варинька, Вѣринька и Пашинька въ нарядныхъ плащяхъ, и Ѳедосья.

ВАРИНЬКА.

Чего изволише, маминька?

МИЛОВИДОВА.

Что вы, проказницы, начудесили? Вершушки! Вѣпреницы!—А я васъ еще хвалила.

ВѢРИНЬКА.

Мы ничего не сдѣлали дурнаго.

ПАШИНЬКА.

Кромѣ того, что вы приказали.

МИЛОВИДОВА.

Какъ ничего? Спросише ихъ сами, что они надѣлали.—То ли вы приказывали?

ВАРИНЬКА. (Къ Кондр. Камерд.)

Я тебѣ приказала приготоуишь куръ съ шампиньонами.

ІЙ КОНДРАТІЙ.

Мнѣ слышалось: шуръ съ паншалонами.

ВЪРИНЬКА. (Къ Кондр. Садов.)

Тебѣ я велѣла вязъ съ повелицей.

2Й КОНДРАТІЙ.

Нѣтъ, бась со скрипицей.

ПАШИНЬКА. (Къ Кондр. Музык.)

Тебѣ рогъ съ барабаномъ.

3Й КОНДРАТІЙ.

Нѣтъ, мохъ съ пюльпаномъ.

МИЛОВИДОВА. (Кондрашьямъ.)

Какая чершовщина? — Да кто изъ васъ первый, кто второй, и кто прешій Кондрашій?

КОНДРАТІЙ. (Камерд.)

Я первый Кондрашій.

КОНДРАТІЙ. (Садов.)

Нѣтъ: ты первый Кондрашій по дому, а по масперству я первый Кондрашій.

КОНДРАТІЙ. (Музык.)

Нѣтъ: ты второй Кондрашій по дому, а я первый былъ у барышень.

М И Л О В И Д О В А.

Смотри пожалуй, разбери между ими: кто у нихъ первый и кто послѣдній, и кто кому приказывалъ; найди виноватова, найди шуръ полкъ!—Но истинну сказать, я сама не права. По склонности къ дѣшамъ, по лѣности моей, приказала имъ сдѣлать распоряженіе: вошь и вышель болшунъ.—Ахъ! да я ли первая, я ли послѣдняя?—У насъ на руси въ дворянскихъ домахъ, по безчисленной сволочи людей, по барской изнѣженности господъ, нерѣдко случающіяся такія сумашохи; а особливо, гдѣ много Кондрашьевъ.— Но какъ же бышь, свое все мило. — Чпожъ вы молчише? Дайте мнѣ виноватова.

(Дѣти и Кондраты спорятъ, сердятся, толкаютъ другъ друга, гоняютъ, бѣгая по комнатамъ: мужчины же шляпами замахиваются и поютъ.)

Х О Р Ъ.

К О Н Д Р А Т І Й. (Камерд.)

Я первый Кондрашій,
Мой шуръ съ панталоны.

В А Р И Н Ъ К А.

Не могъ ты поняши,
Твой куръ съ шампиньоны.

К О Н Д Р А Т І Й. (Садов.)

Второй я Кондрашій,
Мой влзъ съ повелицей.

В Ъ Р И Н Ъ К А.

Нѣшъ очень не къ шапи
Твой басъ со скрипицой.

К О Н Д Р А Т Ъ Й. (Музык.)

Я прешій Кондрашій,
Мой рогъ съ барабаномъ.

П А Ш И Н Ъ К А.

Не долженъ шы лгаши,
Твой мохъ со шюлпаномъ.

Б А Р Ы Ш Н И И К О Н Д Р А Т Ъ Й.

(Всѣ вообще.)

Мой шуръ съ паншалоны,
Туръ, шуръ, шуръ.
Нѣшъ куръ съ шампиньоны,
Куръ, куръ, куръ.
Мой вязъ съ поведицой,
Вязъ, вязъ, вязъ.
Нѣшъ, басъ со скрипицой,
Басъ, басъ, басъ.
Мой рогъ съ барабаномъ,
Рогъ, рогъ, рогъ.
Нѣшъ, мохъ со шюлпаномъ,
Мохъ, мохъ, мохъ.

М И Л О В И Д О В А.

Да долголь вамъ орашь и споришь? Сумасшедшія! бѣшенныя! Перестаньте, перестаньте; а не то я васъ всѣхъ уйму.

Я В Л Е Н І Е XIII.

Тѣ же и Колдунья. (Старуха въ черномъ платьѣ, сугорбившись, подъ маскою, съ посохомъ въ рукахъ.) — Увидя ее всѣ умолкаютъ.

К О Л Д У Н Ъ Я.

Что за кутерьма? Что за жидовская школа? И слыхомъ не слыхано, видомъ не видано. эдакова содому. Господа наши живутъ тихо и смирно, ни колыхнушь, ни шелохнушь; а вы заварили такую кашу!

М И Л О В И Д О В А.

Добро пожаловать, спарушка! Ты, конечно, ворожеюшка? Угадай-ка, милая моя, кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ? — Одни говорили, а другіе слушали: но не то надѣлали. Ужъ никакъ право не съпроса! — Перепутались такъ, что голова, право, вкругъ идешь.

К О Л Д У Н Ъ Я, *(оглядывая всѣхъ съ головы до ногъ.)*

О милыя мои! не безъ лихихъ людей. Похлоснули, прокляли; завязали глазоньки, опняли красное солнышко. Правда, нынѣ много такихъ причинъ. — Видно напущено. — Всякой приказывашъ гораздъ, а исполняшъ никто. Но можно пособишь этому. — Я помаракую. — Поди же ко мнѣ Кондрашыюшки, и вы любезныя дѣтушки, поближе.

Я уже слѣпа, (*надѣвая очки,*) худо вижу. (*Шел-
четъ въ платокъ.*) Вошь на! Беспорядица! без-
порядица, мать моя! По дѣшскимъ приказамъ не
въ очередь, не къ спаши, не благословясь, не
свои, а чужія дѣла, по пересказамъ, по перего-
ворамъ, нѣсколько Кондрашьевъ, не зная, кто
первый, кто послѣдній, въ угожденіе прихошей
вашей милосши, должны были исполнить; а ты,
мой свѣтъ! сама за ними не посмотрила: по
чего шуть добра ждешь? Вспаль дымъ коромы-
словъ, и вся эта кучерья опъ Кондрашьевъ.

М И Л О В И Д О В А.

Такъ, бабушка, ты правду говоришь: я
виновата. Какъ же бытъ? Но досаднѣе всего,
что праздникъ не въ праздникъ. — Хозяинъ
разгорячился, хозяйка перешрусилась; вмѣсто
удовольствія выдешъ неприязность.

К О Л Д У Н Ъ Я, (*сбрасывая съ себя
черное платье и ма-
ску, открывается Хо-
зяйкою дому.*)

Нѣтъ, любезная сестрица и милыя мои
дѣшущки, (*всѣхъ ихъ цѣлуя,*) вы неприязности
мнѣ никакой не сдѣлали. — Все къ празднику го-
отово. — Я иногда слыхала, что вы ропшали на
безпрестанные мои хлопоты по хозяйству, и ви-
нили меня за то, что я очень заботлива: то,
чтобъ доказать вамъ того необходимостъ и
оправдать себя предъ вами, я вымыслила эту
шутку, и пришворясь больною, сыграла комедію,
что бы вы сами видѣли: что не свой глазъ не
любой кусъ. — Кучерья опъ Кондрашьевъ!

ОБЩІЙ ХОРЪ.

Дома въ устройствѣ,

Духа въ спокойствѣ

Все щасье лежишь.

Милы прохлады,

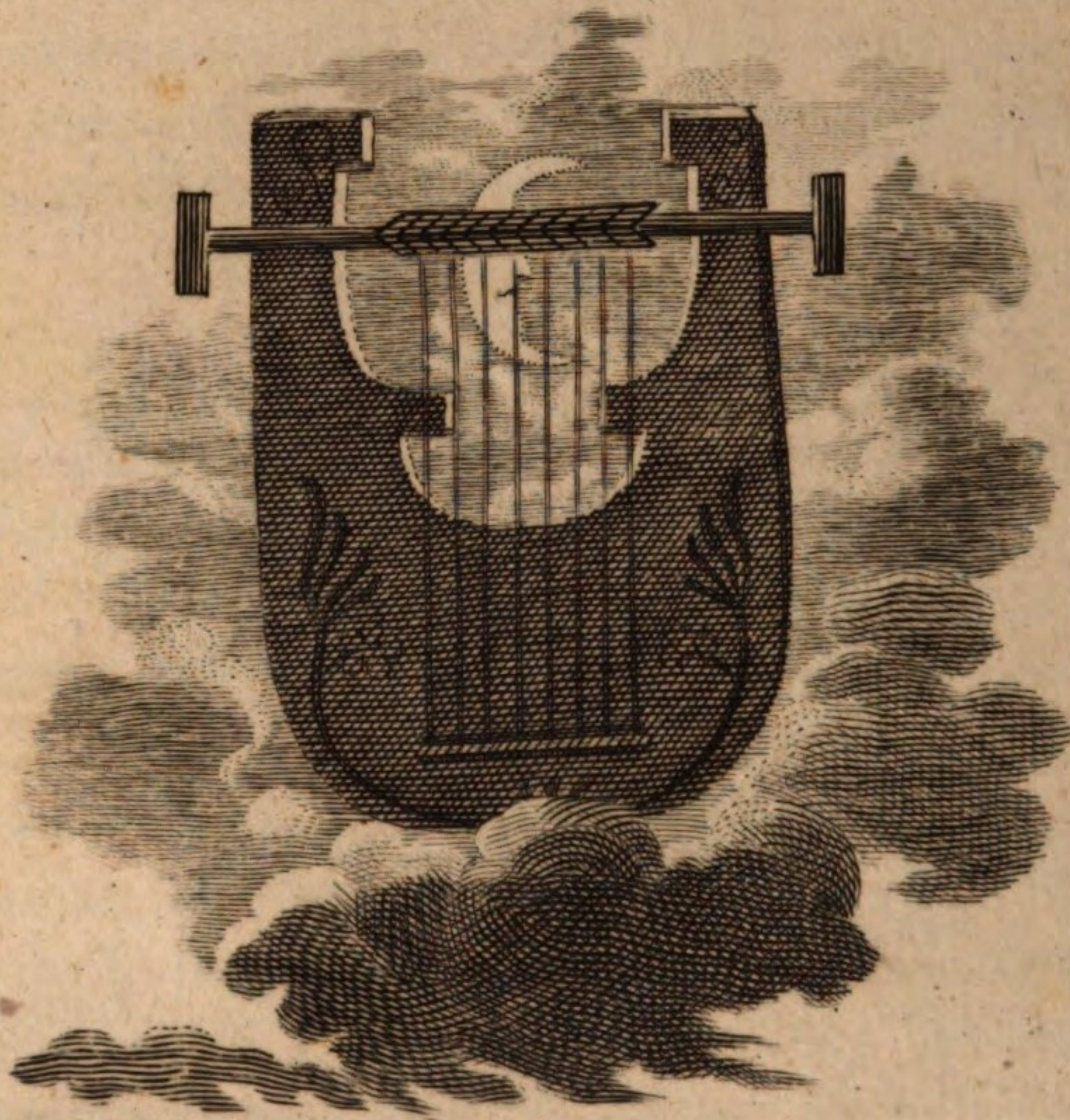
Госни гдѣ рады

Поѣсть и попишь,

Оставя дѣлъ вздоры,

Попрыгаешь подѣ хоры,

Въ деревнѣ пожишь.

Конецъ четвертой части.

ПОГРѢШНОСТИ

ВЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Налегатано :

типай :

страниц. строк.

15	—	7	Мельпомэна - -	Мельпомена
37	—	18	часть - - -	честь
38	—	25	возшедшій - -	возсѣдшій
39	—	25	Ихъ - - -	Имъ
51	—	26	презднесшва -	празднесшва
59	—	18	одинъ - - -	Одинъ
82	—	21	шолько чудному	шоль чудному
85	—	14	Эвдинда - - -	Эдвинда
87	—	24	дверь - - -	Дщерь
90	—	19	Но будшо - -	Какъ будшо
117	—	9	на щекакъ - -	на щекахъ
121	—	19	твой - - -	твоей
124	—	7	оспановливаются	оспанавливаются
128	—	10	вселеную - -	вселенную
137	—	10	Топоръ - - -	Торопъ.
147	—	25	не - - -	на
149	—	9	Бирючь - - -	Герольдь
157	—	20	Машусъ - - -	Мяшусъ
177	—	16	(съ радостію) -	(съ изумленіемъ)
181	—	1	силоѡмъ. - -	силоумъ.
	—	8	Хотя бы дочь были	Хотя бы дочь была
184	—	6	Везсовѣстный рыцарь	Безвѣстный ры- царь
186	—	7	Коль проказяшъ	Гдѣ проказяшъ
188	—	2	опсѣкъ единымъ	опсѣкъ съ единымъ
192	—	10	Судъ насъ - -	Насъ судъ
193	—	10	Уходяшъ	
		24 и 25	инопленные - -	иноплеменные
194	—	5	и знамена - -	и знаменъ
196	—	21	О! пустоее - -	О! пустое

Налегатано :

титай :

стран. строк.

197	—	10	нашимъ	- - -	спрашнымъ
205	—	8	всѣхъ	- - -	ихъ
	—	23	но и кто?	- - -	но я кто?
	—	24	Полсвѣта можешь		Полсвѣта можешь
			ли мнѣ такъ		ли ужъ мнѣ
210	—	5	представаяется		предспавляется
235	—	9	намъ намъ	- -	намъ
241	—	12	Минину	- - -	(Минину)
	—	17	и воинъ уходитъ.		и воины уходящъ
242	—	14	за пушками	- -	за палашками
249	—	18	къ нимъ пришед-		къ намъ пришед-
			шихъ	- - -	шихъ.
250	—	26	Чтобъ Руской		Князь Руской из
			измѣнилъ	- -	мѣнилъ
252	—	22	взящъ.	- - -	взящъ,
	—	23	на задачу?	- - -	на задачу.
254	—	9	Что нужды?	-	Что нужды,
	—	10	Заруцкойли какой,		Заруцкойли какой?
255	—	7	нашу кровь	-	нашу кровь
	—	9	Царей престолю		Царей престолы
256	—	8	тожъ злы	- -	то злы
264	—	17	полстъ	- - -	ползпъ
295	—	2	какъ смерть	-	блиспаль
297	—	21	ввѣрялесь	- -	ввѣрялась
300	—	2	Народъ ! Царемъ		Народъ ! Царемъ
			Россіи быть	-	Россіи быть кому.
	—	3	Пожарскому иль		Изъ двухъ: Пожар-
			Трубецкому?	-	скому, иль Князю
					Трубецкому?
303	—	2	региліи	- - -	регаліи

Buc
Han

Deržavin, Gavriil Romanovič,

Sočinenija Deržavina

Bd.: 4. 1808. - 330 S. m. Abb.

Sanktpeterburg 1808

P.o.russ. 60 c-4

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610055-6